

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова»

На правах рукописи

Михайлова Виктория Владимировна

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЦЕЛОСТНОСТЬ ОБЩЕСТВА:
ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ**

09.00.11. – социальная философия

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор социологических наук, доцент
Савченко Ирина Александровна

Нижний Новгород
2021

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Экономическое поведение как область социально-философского анализа.....	21
1.1. Экономическое поведение в системе социально-философских понятий..	21
1.2. Трансформации научных воззрений на экономическое поведение.....	40
1.3. Онтологические и аксиологические составляющие экономического поведения.....	70
Глава 2. Экономическое поведение и системность общества.....	94
2.1. Социально-атомистический и холистический подходы к пониманию социального и индивидуального в экономическом поведении.....	94
2.2. Системный характер общества в социально-философском осмыслении.....	104
2.3. Системность и целостность общества как диалектические основания экономического поведения	115
Глава 3. Интеграция социального и индивидуального в экономическом поведении.....	131
3.1. Между открытостью и однородностью: две концепции целостности.....	131
3.2. Эпистемологические основания диалектики социального и индивидуального в экономическом поведении.....	142
3.3. Прошлые и настоящее российского общества: оппозиции индивидуализма и массовости в формах экономического поведения	154
Заключение.....	172
Список использованной литературы.....	181

Введение

Актуальность темы исследования. Современная цивилизация проходит путь серьезных перемен, которые во многом определяются особенностями постиндустриального и постглобализационного этапа развития человечества. Социальные трансформации нашей эпохи сопровождаются доминированием экономических идей и мотивов во всех областях жизни современного человека. Экономизация всех сфер социальной реальности влечет за собой деградацию внеэкономических отношений и гиперрационализацию жизни¹. Такие процессы, безусловно, влияют как на развитие и устойчивость общества в целом, так и на становление отдельного человека.

Формирующийся в ходе такого рода процессов тип личности адаптирован в большей степени не к целостной картине мира, а только к ее узким сферам, в частности, к экономической. Такое мировосприятие рождает в современном человеке черты узкорыночной направленности, конституирует одномерность мышления, его нацеленность на излишнее потребление, эгоизм, отрыв от природы и от других людей. В трансформирующемся мире экономическое поведение выступает индикатором всех изменений в обществе и обыденной жизни людей. В нынешних условиях экономическое поведение во многом предопределяет другие формы социального поведения.

Сегодня, когда экономизация всех сфер жизни общества и форм индивидуального человеческого бытия становится неизбежной реальностью, перед философом встает вопрос о том, какие последствия могут иметь подобные трансформации для общества: исключительно разрушительные и дезинтегративные или, возможно, в какой-то степени интеграционные и созидательные. Таким образом, на фоне объективных тенденций социальной

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Рациональность экономического поведения как предмет философского осмысления // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2014. – № 2 (12). – С. 122-128.

динамики изучение экономического поведения становится условием понимания человеческого потенциала как источника целостности социальных систем.

Степень научной разработанности проблемы. Вопросы, связанные с экономическим поведением, уже более двухсот лет привлекают внимание исследователей, придерживающихся различных методологических позиций.

Основу научных подходов к экономическому поведению как субъективному отражению настоящих реалий рынка и экономики в целом сформировали классики экономического детерминизма А. Смит, Г. Гегель, К. Маркс. Так, важную роль в концепции А. Смита сыграло обоснование принципа «невидимой руки», уравнивающей эгоистические устремления всех участников рынка к собственной выгоде. Данные устремления, по мнению А. Смита, не только не вредят, но и являются основой роста материального благополучия и ведут к «цели, которая совсем и не входила в его намерения»¹.

При этом Г.В.Ф. Гегель² и К. Маркс³ при анализе трудовой деятельности подчеркивают, что человек не только воссоздает вокруг себя социально-экономическую действительность, но и порождает себя путем творчества и развития. Однако К. Маркс одновременно рассматривает и обратную сторону труда, которая выражается в отчуждении человека от себя и от других, в потере его природной сущности в условиях капиталистического общества. Конкуренция рассматривается здесь как основной принцип поведения участников капиталистического рынка⁴.

Маржиналисты (А. Маршалл, У.С. Джевонс, Л. Вальрас)⁵ сосредоточили внимание на математизации рыночных процессов для более

¹ Антология экономической классики / Сост. И.А. Столярова – М.: Ключ, 1993. – С. 331-332.

² Экономические взгляды Гегеля в иенский период // Вопросы философии. – 1956. – № 5. – С. 151-162.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: изд 2-ое. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – Т. 42. – С. 62-63, 81-82.

⁴ Негруль (Михайлова) В.В. Онтологические основания экономического поведения личности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2015. – № 2. – С. 133-143.

⁵ Маршалл А. Принципы экономической науки. – М.: Директ-медиа, 2012. – 2127 с.; Джевонс У. Политическая экономия: монография. – СПб.: Народная польза, 1905. – 121 с.; Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. – М.: Изограф, 2000. – 448 с.

точных расчетов и прогнозирования поведения индивида на рынке. В свою очередь, австрийская школа воплотила в себе итоги долгого пути к субъекту и индивидуальному действию, тем самым представив человека как живой действующий конструкт, обладающий противоречивыми компонентами и характеристиками, которые в итоге складываются в целостную движущую творческую единицу. Параллельно с маржиналистами К. Менгер¹ сформулировал свою теорию предельной полезности, которая представлена в виде сущностного продолжения концепции человеческой деятельности как динамического процесса². Последователь австрийской школы Л. Мизес³ также развивал идеи субъективизма. Рассматривая действующего индивида, Л. Мизес пришел к идеальной конструкции экономики, которая представляет, по его мнению, свободный рынок, свободный не только в плане пространства самореализации индивидов, но и в качестве самостоятельной структуры без чуждых составляющих.

В русле неоинституционализма экономическое поведение рассматривается в реальных экономических условиях, которые предполагают не только ограниченность интеллектуальных и познавательных возможностей человека, но также и недостаток информации, временные ограничения, отсутствие необходимых ресурсов⁴. В схожем ракурсе исследованием специфических характеристик экономического поведения занимались многие российские ученые (В.И. Верховин, Т.И. Заславская, В.Г. Залевский, В.С. Любченко, И.В. Розмаинский)⁵.

¹ Менгер К. Основания политической экономии. Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2008. – 434 с.

² Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество / пер. с англ. Б.С. Пинскера; под ред. А.В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2007. – 202 с.

³ Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / изд. испр 2-е. – Челябинск: Социум, 2005. – 878 с.

⁴ Саймон Г. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении // Теория фирмы. – СПб: Экономическая школа, 1995. – С. 54-72.

⁵ Верховин В. Структура и функции экономического поведения // LUCA. – 1995. – № XII/I-I. – С. 159-173; Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: очерки теории / отв. ред. А.Г. Аганбегян. – Новосибирск: Наука, 1991. – 448 с.; Залевский Г.В., Залевский В.Г. Фиксированные формы экономического поведения // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы. – Иркутск: 2005. – С. 40-45; Любченко В.С. Экономическое поведение: методология социологического исследования // Теория и практика общественного развития. – №2. – 2007. – С. 60-64; Розмаинский И.В. «Посткейнсианская

Таким образом, в концепциях в духе экономической теории, так или иначе восходящих к трудам А. Смита, было описано чрезвычайно много для исследования экономического поведения. Были вскрыты многие макросоциальные и макроэкономические факторы, детерминирующие характеристики экономического поведения людей, живущих в условиях определенного социально-экономического уклада.

Вместе с тем классическая экономическая теория чаще всего исключает из анализа важнейшие параметры экономического поведения, прежде всего личностные и социально-групповые. Признавая объективные детерминанты экономического поведения, многие ученые пытались определить его субъективные аспекты.

Так, У. Томас и Ф. Знанецкий в знаменитой работе «Польский крестьянин в Европе и Америке»¹ признавали объективные различия в экономическом поведении польских крестьян в Польше, Западной Европе и США. Социологическим путем исследователи выделили разные формы экономической поведенческой адаптации, которая включает в себя социально-экономические, социокультурные и субъективно-личностные параметры. Российские исследователи (В.С. Автономов, А.Е. Шеститко)² также занимались разработкой индивидуальных моделей экономического поведения.

В институционально-социологических течениях, начиная с Т. Веблена³, внимание ученых (М. Вебер, В. Зомбарт, У.К. Митчел, Дж.К. Гэлбрейт)⁴ концентрируется на реальных действиях «экономического человека» как

модель человека» и хозяйственное поведение россиян в 1990-е годы // Экономический вестник Ростовского Государственного Университета. – 2005. – Т. 3. – № 1. – С. 62-73.

¹ Ганжа А.О. К истории создания работы У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» // Социс. – №7. – 2007. – С. 115-121.

² Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории. – М.: Наука, 1993. – 176 с.; Шеститко А.Е. Модели человека в экономической теории. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 142 с.

³ Веблен Т.Б. Теория праздного класса / пер. С. Сорокина. – М.: Либроком, 2011. – 368 с.

⁴ Вебер М. Основные социологические понятия. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.; Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека: пер. с нем.; изд. подгот.: Ю.Н. Давыдов, В.В. Сапов. – М.: Наука, 1994. – 443 с.; Митчелл У.К. Рациональность экономической деятельности / пер. А.А. Оганесян // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2010. – Т. 8. – №1. – С. 96-108; Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. – М.: Прогресс, 1976. – 405 с.

субъекта экономического поведения в системе социальных институтов. Личностная составляющая концепта «экономического», а впоследствии «рыночного человека»¹ способствовала формированию аксиологически ориентированных исследовательских взглядов на экономическое поведение.

Важное значение для философского анализа экономического поведения имеет выделение его аксиологического аспекта, а также сопутствующей ему системы ценностей (М. Вебер, А. Маршалл, М. Фридман, Ф. Хайек, В.С. Автономов, М.С. Каган)². Отечественные продолжатели такого подхода В.С. Швырев, А.Л. Никифоров, А.В. Рубанов определяют роль и специфику ценностных установок в процессах взаимодействия индивидов и групп на рынке³. Некоторые мыслители (Ф. Бродель, П. Козловски)⁴ высказывают опасения в вопросах будущего современной цивилизации и исследуют аспекты этики и морали рыночного общества. В поведении «экономического», или «рыночного», человека обнаруживается трансформация ценностных установок, которые становятся искаженными, упрощенными и одномерными (Г. Маркузе, Э. Фромм, М. Оссовская)⁵.

Онтологические составляющие экономического поведения в рамках философии были рассмотрены в трудах А.А. Юрченко⁶, А.А. Шабуновой⁷,

¹ Савченко И.А., Агеева Н.А. «Человек экономический», «человек рыночный» и колебания буржуазной морали // Власть. Общественно-политический журнал. – 2016. – № 5. – С. 103-106.

² Вебер М. Избранное. Образ общества: пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.; Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории. – М.: Наука, 1993. – 176 с.; Каган М.С. Философская теория ценности. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.; Маршалл А. Принципы экономической науки. – М.: Прогресс, 1993. – Т. 1. – 415 с.; Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать: Наша позиция: пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2007. – 356 с.; Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок / пер. с англ. О.А. Дмитриевой; под ред. Р.И. Капелюшниковой. – Челябинск: Социум, 2011. – 394 с.

³ Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 176 с.; Никифоров А.Л. Деятельность, поведение, творчество // Деятельность: теории, методология, проблемы. – М., 1990. – С. 52-69; Рубанов А.В. Механизмы массового поведения. – Минск: 2000. – 145 с.

⁴ Козловски П. Принципы этической экономики. – СПб.: Экономическая школа, 1999. – 344 с.; Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Весь Мир, 2006. – С. 245-292.

⁵ Маркузе Г. Одномерный человек: Исследования идеологии развитого индустриального общества. – М.: АСТ, 2003. – 526 с.; Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 2004. – 635 с.; Фромм Э. «Иметь» или «быть». – М.: АСТ, АСТ Москва, 2007. – 320 с.; Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали. – М.: Прогресс, 1987. – 528 с.

⁶ Юрченко А.А. Человек как онтологическое основание экономической реальности: опыт философского анализа: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Магнитогорск: 2006. – 151 с.

⁷ Шабунова А.А. Экономическое поведение населения: теоретические аспекты: препринт / А.А. Шабулова, Г.В. Белехова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 136 с.

И.А. Левандиной¹, Н.В. Ложкиной². В этих работах рассматривается роль нравственности в экономическом поведении в условиях социальных изменений. Онтологический подход естественным образом встраивается в поле изучения социального взаимодействия³.

Неклассическая теория породила ряд теоретических подходов, которые до сих пор неоднозначно оцениваются в научном мире. Они несут в себе неоспоримый познавательный потенциал, но во многом оказываются далеки от социальной действительности. Здесь можно выделить Р. Сагдена (теория правдоподобных миров)⁴, А. Рубинштейна (дилеммы экономической теории)⁵, Р. Лукаса («аналоговые экономики»)⁶. Можно отметить идеи Д. Норта⁷, который утверждает, что неклассические теории не в состоянии в полной мере раскрыть содержание и динамику экономических трансформаций. Решением данной проблемы может стать постижение новых принципов эпистемологии и преобразование процесса мышления и познания⁸.

Ряд отечественных авторов (И.Т. Касавин, Л.А. Маркова, Ю.С. Моркина, Н.М. Смирнова)⁹ рассматривали эпистемологические

¹ Левандина И.А. «Экономический человек»: концептуальные версии: социально-философский анализ: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Ростов-на-Дону: 2008. – 173 с.

² Ложкина Н.В. Философско-антропологические основания экономического подхода к изучению поведения человека: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. – Пермь, 2005. – 184 с.

³ Негруль (Михайлова) В.В. Онтологические основания экономического поведения личности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2015. – №2. – С. 133-143.

⁴ Сагден Р. Правдоподобные миры: статус теоретических моделей в экономической науке / Философия экономики. Антология / под ред. Д. Хаусмана. – М.: изд. ин. Гайдара, 2012. – С. 475-518.

⁵ Рубинштейн А. Дилеммы экономиста-теоретика // Вопросы экономики. – 2008. – № 11. – С. 62-80.

⁶ Лукас Р.Э. Лекции по экономическому росту / пер. с англ. Д. Шестакова. – М.: изд. ин. Гайдара, 2013. – 288 с.

⁷ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. – М.: Изд. дом гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. – 256 с.

⁸ Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека // Известия Саратовского университета. Новая серия. Философия, психология, педагогика. – 2015. – Т. 15. – Вып. 1. – С. 44-49.

⁹ Касавин И.Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.; Маркова Л.А. Социальная эпистемология, ее истоки и настоящее // Epistemology & Philosophy of Science. – No. 2 (40). – 2014. – P. 59-73; Моркина Ю.С. Social Epistemology: обзор дискуссий // Epistemology & Philosophy of Science. – Vol. 25, No. 3. – 2010. – P. 95-104; Смирнова Н.М. Эпистемология жизненного мира: эвристический потенциал и когнитивные границы // Вопросы социальной теории. – 2017. – Т. IX. – С. 246-254.

основания социального и индивидуального в экономическом поведении¹. Источником развития экономической эпистемологии стало «...переосмысление логики развития экономической мысли сквозь призму постпозитивистских концепций Т. Куна, и особенно И. Лакатоша»². В данном контексте определяющую роль сыграл научный подход Н. Картрайт³, направленный на изучение роли знания для исследований в области экономической теории⁴.

Постепенно социальная наука стала приходить к целостному пониманию экономического поведения как феномена, детерминированного социальными и индивидуальными параметрами. Так, некоторые исследования в области эволюционной эпистемологии (К. Лоренц, Д. Кэмпбелл, Г. Фоллмер)⁵ продемонстрировали, что в основе человеческой природы лежит соединение биологического, психического и социального компонентов. Такое сложное устройство человеческой сущности и процесса познания определяет специфику изучения человека, его места в социальной системе и ее развитии, и переносит исследование одновременно в несколько плоскостей. О.И. Уильямсон⁶, проводя анализ поведенческих предпосылок взаимодействия субъектов на рынке, пришел к выводу о сочетании компонентов неограниченной рациональности и оппортунизма⁷. Попытки гармонизации в экономическом поведении рационализма и прагматизма

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека // Известия Саратовского университета. Новая серия. Философия, психология, педагогика. – 2015. – Т. 15. – Вып. 1. – С. 44-49.

² Негруль (Михайлова) В.В. Экономическое поведение и целостность общества: параметры взаимной детерминации // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2015. – №4. – С. 58-68.

³ Cartwright N. Ceteris paribus laws and socio-economic machines // The Economic World View. Studies in the Ontology of Economics. Cambridge University Press, 2001. – P. 175-293.

⁴ Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека // Известия Саратовского университета. Новая серия. Философия, психология, педагогика. – 2015. – Т. 15. – Вып. 1. – С. 44-49.

⁵ Лоренц К. Обратная сторона зеркала. – М.: Республика, 1998. – 393 с.; Поппер К. Кэмпбелл об эволюционной теории познания // Поппер К. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. – М.: 2000. – С. 147; Фоллмер Г. Эволюционная теория познания: врождённые структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки / пер. с нем. А.В. Кезин. – М.: 1998. – 165 с.

⁶ Оливер И. Уильямсон. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 39-49.

⁷ Негруль (Михайлова) В.В. Аксиологический аспект философского осмысления экономического поведения // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2016. – № 2. – С. 105-113.

были осуществлены в рамках научных подходов А. Маршалла¹, Дж.М. Кейнса², М.Р. Фридмана³.

Понимание экономического поведения как комплексного феномена, сопряженного с базисными характеристиками общества и общественного развития, позволяет предположить, что от суммы и сложной интеграции различных видов экономического поведения во многом также зависит целостность общества. Концепт целостности в различные периоды ее становления был представлен в теории «равновесия системных объектов» Барталанфи⁴, в кибернетических управленческих моделях (У. Эшби, Н. Винер, К. Шеннон, С. Бир, С. Лем)⁵, в социоэкономических концепциях (М. Месарович, А. Раппопорт, К. Боулдинг)⁶, в глубинных социально-философских отечественных системных исследованиях (И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин)⁷, в концепциях неравновесных, саморазвивающихся сложных и сверхсложных систем (И. Пригожин, В.И. Арнольд, Я.Г. Синай)⁸.

В свою очередь, анализ социально-атомистического и холистического подходов к пониманию социального и индивидуального в поведении отдельных личностей и групп представлен в работах Е.Н. Князевой⁹,

¹ Маршалл А. Принципы экономической науки. – М.: Прогресс, 1993. – Т.1. – 415 с.

² Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Гелиос АРВ, 2012. – 204 с.

³ Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать: Наша позиция: пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2007. – 356 с.

⁴ Прангишвили И.В. Системный подход и общесистемные закономерности. – М.: СИНТЕГ, 2000. – 528 с.

⁵ Эшби У.Р. Введение в кибернетику. – М.: URSS, 2017. – 430 с.; Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. – 2-е изд. – М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.; Шеннон К. Бандвагон // К. Шеннон. Работы по теории информации и кибернетике. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. – С. 667-668. – URL: <http://www.vbvbv.narod.ru/bandwagon.htm> (дата обращения: 06.11.2017); Бир С. Кибернетика и менеджмент. – М.: КомКнига, 2011. – 280 с.; Лем С. Сумма технологий. – М.: АСТ, 2012. – 640 с.

⁶ Месарович М. Теория иерархических многоуровневых систем / М. Месарович, Д. Мако, И. Такаха. – М.: Мир, 1973. – 344 с.; Гвишиани Д.М., Садовский В.Н. Системные исследования. Методологические проблемы. – М.: URSS, 1997. – Вып. 25. – 392 с.; Боулдинг К.Э. Экономическая наука и социальные системы // Панорама экономической мысли конца XX столетия. В 2-х т. – СПб.: Экономическая школа, 2002 – Т. 2. – С. 907-927.

⁷ Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 450 с.; Блауберг И.В., Юдин Б.Г. Понятие целостности и её роль в научном познании. – М.: Знание, 1972. – 48 с.

⁸ Пригожин И. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках: изд. 4, испр. – М.: URSS, 2016. – 304 с.; Арнольд В.И. Теория катастроф. – М.: Леонард, 2016. – 134 с.; Синай Я.Г. Введение в эргодическую теорию. – М.: 1996. – 132 с.

⁹ Князева Е.Н. Атомизм и холизм в современной теории сложности // Философия и культура. – 2013. – № 6 (66). – С. 736-745.

В.К. Шрейбера¹, Ф. Дж. Варелы, В. Томпсона, Э. Роша², В.Г. Лысенко³, Э. Сепира, Б. Уорфа⁴. Атомистический и холистический подходы представлены как дополняющие друг друга в теории сложных самоорганизующихся систем.

Исследование свойств целостности показало различные интерпретации данного вопроса. В.Н. Сагатовский называет основанием самобытной природы мировой целостности Абсолют⁵. И.В. Блауберг выделяет свойство «интегративности» и диалектическое единство целостности (часть и целое)⁶. Л. Берталанфи, Г.А. Югай, М.И. Сетров соотносят понятия системности и целостности⁷. В.Н. Садовский понимает целостность как специфическую характеристику системной реальности⁸. Иррационально-антропологическое понимание целостности мы находим у М. Хайдеггера⁹, а также в трудах русских философов (С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев и др.)¹⁰. Ученые находят «чистое бытие» и «цельность» всякого существования в языке. Концепция «целостности» в современном научном познании предстала как креативное ядро системной методологии.

Можно заключить, что исследование экономического поведения и целостности общества ведется достаточно активно. Вместе с тем в

¹ Шрейбер В.К. Уровневая онтология вложенное пространство // Вестник ЧелГУ. – 2014. – № 25 (354). – С. 17-24.

² Varela F. Quatre phares pour l'avenir des sciences cognitives // *Théorie – Littérature – Enseignement*. – 1999. – № 17. Dynamique et cognition: nouvelles approches. – P. 8-9; Varela F.J., Thompson E., Rosch E. *The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience*. – Cambridge (MA): The MIT Press. – 7th printing. – 1999. – 390 p.

³ Лысенко В.Г. Происхождение атомизма: лингвистическая гипотеза // Шабдапракаша. Зографский сборник / под ред. Я.В. Василькова и С.В. Пахомова. – СПб.: МАЭ РАН, 2011. – Вып. 1 – С. 99-112.

⁴ Ковлакас Е.Ф. К вопросу «Гипотезы лингвистической относительности» Сепира-Уорфа // Культурная жизнь Юга России. – 2007. – № 6. – С. 77-79.

⁵ Сагатовский В.Н. *Философия развивающейся гармонии: (филос. основы мировоззрения)*: авт. курс: в 3 ч. – СПб: Изд. С.-Петербург. ун-та, 1999. – 269 с.

⁶ Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 450 с.

⁷ Афанасьев В.Г. Проблема целостности в философии и биологии. – М.: Мысль, 1964. – 414 с.; Югай Г.А. Диалектика части и целого. – Алма-Ата: Наука, 1965. – 171 с.; Сетров М.И. Организация биосистем. Методологический очерк принципов организации живых систем. – Л.: Наука, 1971. – 275 с.

⁸ Садовский В.Н. Некоторые принципиальные проблемы построения общей теории систем // Системные исследования: ежегодник, 1971 / под ред. И.В. Блауберга и др. – М.: Наука, 1972. – С. 35-54.

⁹ Хайдеггер М. Бытие и время. Работы и размышления разных лет. – М.: Академический проект, 2015. – 447 с.

¹⁰ Булгаков С.Н. *Философия имени*. – М.: Наука, 2008. – 448 с.; Флоренский П.А. *Имена*. – М.: Азбука; Авалон, 2011. – 367 с.; Лосев А.Ф. *Абсолютная диалектика – абсолютная мифология* // А.Ф. Лосев. Миф – Число – Сущность. – М.: Мысль, 1994. – 919 с.; *Образование. Культура. Язык.* / Е.П. Савруцкая, Б.А. Жигалев, А.М. Дорожкин, С.В. Устинкин. – Н.-Новгород: НГЛУ; СПб: РХГА, 2014. – 230 с.

большинстве случаев проблема целостности общества обсуждается автономно от вопросов экономического поведения, а трансформации экономического поведения далеко не всегда соотносятся со степенью целостности общества. Таким образом, проблема взаимосвязей экономического поведения и целостности общества на данный момент остается не раскрытой.

Актуальность исследования и недостаточная изученность потенциалов влияния экономического поведения на целостность общества обусловили выбор темы диссертации.

Объект исследования – современная цивилизация в условиях усиления роли экономических факторов в развитии всех сфер общественной жизни.

Предмет исследования – взаимосвязи экономического поведения и целостности общества.

Цель исследования – провести социально-философский анализ экономического поведения и целостности общества и на этой основе обосновать характер их взаимосвязей.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть трансформации научных воззрений на экономическое поведение.
2. Проанализировать онтологические и аксиологические составляющие экономического поведения.
3. Применить социально-атомистический и холистический подходы к пониманию социального и индивидуального в экономическом поведении.
4. Рассмотреть системность и целостность общества как диалектические основания экономического поведения.
5. Охарактеризовать эпистемологические основания диалектики социального и индивидуального в экономическом поведении.
6. Исследовать формы экономического поведения в прошлом и настоящем российского общества.

Гипотеза исследования. Современное общество является рыночным, и, поэтому, социальные отношения между представителями социальных институтов, социальных групп и общностей являются, преимущественно, рыночными, поскольку основаны, главным образом, на обмене. Целостность такого общества во многом обусловлена особенностями экономического поведения. Влияние экономического поведения на общественную целостность имеет как созидательные, так и разрушительные потенциалы. Характер реализации этих потенциалов детерминирован диалектической природой экономического поведения, которая выражается в дихотомном единстве социального и индивидуального в экономическом поведении.

В конструктивном варианте, способствующем целостности общества, социальное проявляется в индивидуальном через социально-ответственное экономическое поведение (социальный маркетинг, благотворительность, разные виды помощи), а индивидуальное проявляется в социальном через творчество (в том числе, в сфере экономики и предпринимательства). Если же индивидуальном нет социально-ориентированной составляющей, и оно приобретает форму индивидуализма, а в социально-экономической жизни индивид не может или не стремится проявить свое творческое начало, неизбежны деструктивные социальные и социально-экономические процессы.

Теоретико-методологическую основу исследования составили классические общенаучные методы исследования: индуктивно-дедуктивный, аналогии, сравнения, обобщения и анализа.

Активно использовался диалектический метод познания, благодаря которому стало возможным рассмотрение социального и индивидуального в экономическом поведении с учетом внутренних противоречий с точки зрения социально-атомистического и холистического подходов.

В работе комплексно реализован системный подход, включая синергетический метод и теорию систем. Системный подход сделал возможным интеграцию аксиологических, эпистемологических,

онтологических составляющих изучаемых феноменов, расширение границ познания объекта исследования и применения знаний из смежных областей науки и научных направлений (социальной философии, антропологии, экономики, синергетики, кибернетики и физики).

Научная новизна исследования. В процессе работы над темой диссертации были получены результаты, обладающие новизной:

1. Целостность общества и экономическое поведение взаимосвязаны и взаимозависимы. Не только социальная система со всеми присущими ей свойствами, включая уровень ее целостности, определяет характеристики и модели экономического поведения, но и экономическое поведение во всех его формах и проявлениях оказывает значимое влияние на целостность и устойчивость общества.

2. В рыночном обществе такие свойства экономического поведения, как конкурентность, рациональная компромиссность и кооперация, проявляют себя не только в хозяйственной, но и в иных сферах жизнедеятельности людей, включая духовную и межличностную. В ряде случаев экономически заряженные связи могут объединять людей, однако на ценностном уровне тенденция игнорирования духовных связей снижает уровень социальной целостности и делает общество менее устойчивым. Показано, что целостность глобального мира, основанного только на мировом разделении труда и унификации стандартов экономического поведения, является эфемерной и бесперспективной, а его устойчивость – мнимой.

3. Человеку, в чьем поведении доминируют экономические мотивы, свойственна внутренняя дихотомия. С одной стороны, преобладание экономической потребности над всеми остальными способствует развитию целеустремленной и прагматично настроенной личности, делает ее экономически адаптированной. Такие качества позволяют индивиду органично включиться в рыночные взаимодействия и в определенной степени участвовать в общественной интеграции. Однако впоследствии

«рыночный человек» оказывается мало адаптированным к взаимодействиям нерыночного характера, что приводит к дисфункции духовной сферы человеческой жизни и деиндивидуализации (деперсонификации) большинства социальных институтов. Такого рода социальная дезадаптация в массовом масштабе разрушает целостность общества и расшатывает социальную устойчивость. Внутренняя целостность личности и целостность общества взаимосвязаны.

4. Диалектический подход способствует пониманию места и роли экономического поведения в социальной действительности. С одной стороны, экономическое поведение выступает в качестве свойства человека как микрокосма, способного сконструировать свое жизненное пространство и индивидуальные формы адаптации. С другой стороны, экономическое поведение постоянно испытывает на себе влияние социального, в котором заложены условия культуры, свободы, характера информации и векторы всеобщего развития. Сложная и противоречивая природа экономического поведения, для понимания природы которой применяется диалектический подход, проявляется также в том, что, являясь элементом базиса как объективного основания социальной реальности, экономическое поведение, вместе с тем, имеет субъективное начало, поскольку продуцируется, в первую очередь, человеком. Экономическое поведение как целостная система действий, целостность личности как субъекта экономического поведения и целостность общества, обладающая необходимым для его развития потенциалом – гетерогенностью, представляют собой три взаимосвязанные и взаимозависимые переменные, обуславливающие друг друга.

Положения, выносимые на защиту:

1. В анализе взаимосвязи общества и экономического поведения ключевое значение приобретает понятие целостности, которая *выступает в качестве органической характеристики общества и экономического поведения человека, где взаимозависимость целого и частей предопределяет*

бытие, внутреннюю гармонию и самостоятельность элементов. На основании целостности обозначенных элементов формируется диалектическое единство устойчивости и разнообразия социальной системы.

2. Экономическая сфера проявляет свое бытие в двух формах – объективной и intersубъективной. Для объективной формы характерна сложноустроенная структура и высокая степень организации, которая направлена прежде всего на закрепление императивной роли имущественно и властно преобладающего класса. В случае с intersубъективной формой существования формируется концепция мышления индивидов, основанная на определенных правилах и ценностных установках в отношении социальной действительности. Таким образом, экономическое поведение в условиях актуальной социально-экономической реальности играет одновременно роль субъекта и объекта воздействия. Однако изучение специфики существования экономической реальности и ее составляющих приводит к необходимости дистанцирования от роли объекта воздействия, от одномерности экономического поведения в сторону свободного экономического выбора, новых форм сотрудничества и социального партнерства. Именно intersубъективность на уровне взаимодействия субъектов становится способом реализации (траекторией) созидательной схемы взаимодействия социального и индивидуального в экономическом поведении. Через intersубъективность (соучастие) создаются условия для кооперации, поиска и проявления новых творческих форм в индивидуальном экономическом выборе, и преобразования социально-экономической реальности, социального в сторону гуманизма. В итоге, для того чтобы гарантировать свободу и сделать ее основой для эволюционного развития общества, необходимо, чтобы противоречия социально-экономической реальности не приводили к потере индивидуальной свободы.

3. Природа экономического поведения раскрывается в диалектическом единстве части и целого. Так, с одной стороны, экономическое поведение является частью социальной системы, но, с другой стороны, оно же является

базисом развития общества. В этом смысле вопрос о том, определяет ли уровень общественной целостности природу экономического поведения или, напротив, экономическое поведение влияет на целостность общества, может обсуждаться в рамках философской науки только с диалектических позиций. Материалистический взгляд на экономику как основу общественного развития не противоречит феноменологической интерпретации природы экономического поведения, которое находит свою реализацию на уровнях взаимодействия «человек – человек» и «человек – общество». Поэтому в качестве субъекта человек становится актором развития социально-экономической реальности. Всепроникающий характер экономического, его неотвратимое влияние на природу, государство, право, общественные взгляды людей, нравственные, религиозные, философские, художественные и политические идеи, систему учреждений определяет его как основу и начало целостности общества.

4. Целостность в современном социально-экономическом пространстве основана на трех взаимодействующих составляющих, среди которых: экономическое поведение как целостная система действий; целостность личности как субъекта экономического поведения; целостность общества, обладающего необходимым для развития потенциалом – гетерогенностью.

5. Аксиологические составляющие экономического поведения выражаются как в крайних проявлениях эгоизма и прагматизма, так и в промежуточной форме адаптации к реальности – конформизме. Однако мировая унификация и массовизация, природные катаклизмы актуализировали поиск более совершенных и новых вариантов устройства ценностной иерархии в материальном мире с целью гармоничного развития социальной системы. Первейшее значение приобретает повышение роли духовных ценностей в экономическом поведении личности, что может стать прочной основой для развития целостной личности, ориентированной как на личные, так и на общесоциальные идеалы.

6. Целевые установки экономического поведения в современном российском обществе выражаются в противоречиях взаимодействия традиционной (соборной, солидарной) и либеральной (индивидуалистской, нацеленной на личную выгоду) ценностных систем. Навязывание либеральных моделей без учета ментальных особенностей людей травмирует общество, вытесняет духовные ценности и ведет к общей дегуманизации. Ускоренные темпы модернизации и значительные изменения в технологической и экономической сферах без подстройки под специфику российских реалий могут восприниматься как чуждые и неэффективные.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней дан *социально-философский анализ* экономического поведения. Подробно рассмотрены трансформации научных воззрений на экономическое поведение. Изучены онтологические и аксиологические составляющие экономического поведения. Проанализированы социально-атомистический и холистический подходы к пониманию социального и индивидуального в экономическом поведении. Показан системный характер общества в социально-философском осмыслении. Рассмотрены системность и целостность общества как диалектические основания экономического поведения. Показаны концепции целостности в понятиях открытости и однородности. Обобщены эпистемологические основания диалектики социального и индивидуального в экономическом поведении.

Теоретическая значимость работы состоит также в возможности применения полученных результатов как в социально-философских исследованиях, так и в других областях гуманитарного знания, решающих вопрос о поведении личности.

Положения и выводы диссертации могут иметь применение в процессе разработки теоретико-методологических основ анализа экономического поведения личности в социально-гуманитарных науках.

Практическая значимость работы. Результаты и выводы диссертационного исследования ложатся в основу последующих научных

разработок проблемы экономического поведения и имеют прикладное значение для методологического обеспечения исследований по различным аспектам целостности общества; они важны для уточнения и разработки приоритетных концептуальных аспектов в рамках эпистемологии; позволяют расширить знания в области социальной философии, философской антропологии и социологии. Результаты исследования составили основу авторского учебного курса «Философия экономического поведения».

Личный вклад автора. Автор самостоятельно определила цели и задачи работы, ее гипотезу, объект и предмет: провела комплексный социально-философский анализ взаимосвязей экономического поведения личности и целостности общества, изложенный в тексте диссертации и автореферата; представила результаты своего исследования на научных конференциях и семинарах; отразила свою авторскую позицию в докладах и статьях.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения диссертации изложены в статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК, а также в иных научных журналах и сборниках материалов научных конференций.

Участие в международных и региональных конференциях: «Современные направления теоретических и прикладных исследований 2011» (Одесса, 2011), «Сборник научных трудов SWorld» (Одесса, 2014), «Обучение, тестирование и оценка» (Нижний Новгород, 2016), «Актуальные проблемы в области гуманитарных наук: от теории к практике» (Нижний Новгород, 2016), «Межкультурный диалог и вызовы современности» (Орел, 2017), «Государственное и муниципальное управление: теория, методология, практика» (Дзержинск, 2018).

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в 17 публикациях автора, в числе которых 1 статья – в журнале, индексируемом в международной базе цитирования Web of Science, и 4

статьи – в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов исследований.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечена теоретической и практической значимостью, применением совокупности методов, адекватных цели и задачам, которые были поставлены в работе, системным и интегративным подходом к анализу объекта и предмета исследования. На основе системного подхода автором определены методологические основания для комплексного философского анализа взаимосвязей экономического поведения и целостности общества, что повлияло на уникальность диссертации.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав (9 параграфов), заключения, списка использованной литературы, включающего 303 наименования, в том числе 22 – на иностранных языках. Объем авторского текста – 197 страниц.

Глава 1. Экономическое поведение как область социально-философского анализа

1.1 Экономическое поведение в системе социально-философских понятий

Человек выступает центром любой общественной системы. Его ценность определяется как во внешней деятельности, так и во внутреннем духовном основании, которые в совокупности составляют смысловое ядро существующей реальности. На первый план сегодня выходит понимание того, в какой мере человек может распорядиться личностным потенциалом, способен ли он найти жизненный баланс между рациональным и иррациональным началом своих действий для построения гармоничных взаимоотношений с окружающей действительностью.

Именно поведение выступает внешним видимым срезом внутреннего мира человека, его личности. По мнению Б.П. Вышеславцева, личность человека – это «микрокосм, сам собой представляющий целостность и систему», в то время как поведение – лишь «окно» в бесконечный мир личности¹. В повседневности человеческого бытия через поведение люди узнают о темпераменте, характере, потребностях, вкусах друг друга; обнаруживают отношение личности к объектам и феноменам действительности²: обыденной, макросоциальной, политической, экономической.

Понятие «поведение» не является только философским, и его исследованием традиционно занимаются другие гуманитарные науки, а именно психология и социология. Однако философский энциклопедический словарь предлагает свою трактовку данного термина и формулирует его как

¹ Вышеславцев Б.П. Образ Божий в существе человека // Русская религиозная антропология. Антология. – М.: 1997. – Т. 2. – С. 380-400.

² Петросян Д.С. Интеграционная модель поведения человека // Общественные науки и современность. – 2008. – № 3. – С. 43.

«процесс взаимодействия живых существ с окружающей средой»¹. Такое широкое понимание поведения человека соответствует задачам диссертационного исследования, направленным на уход от односторонних критериев, с которыми мы сталкиваемся в других науках, таких как «целеполагание», «целенаправленность», «осознанность», «высшее творческое проявление».

Для психологической науки советского периода было характерно противопоставление поведения и деятельности. Здесь возникали определенные казусы и противоречия. Понятие «поведение», хотя и присутствовало в отечественной гуманитарной науке (где доминировало изучение деятельности), было востребовано в меньшей степени, чем в науке зарубежной. Дело в том, что «поведение» (*behavior*, *англ.*) являлось основой бихевиоризма – десемантизированной ветви психологической науки², где человеческое сознание редуцировалось³, а человеческие действия и поступки описывались как внесознательные механические реакции на положительные либо отрицательные подкрепления⁴. Вполне объяснимо, почему американская бихевиористская концепция была чужда отечественной гуманитарной науке.

В итоге в зарубежной науке данный термин именовался *поведением*, а в отечественной науке нередко обозначался как *активность*⁵. В российской психологической науке активности, которая может быть неосознанной, программируемой, рефлекторной или инстинктивной, противопоставлялась деятельность. В психологической теории деятельности⁶ главными критериями *деятельности* стали целеполагание и осознанность, отсюда и

¹ Ильичёв Л.Ф., Федосеев П.Н. и др. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

² Черняк А.З. и др. Критика бихевиоризма // Аналитическая философия / под ред. М.В. Лебедева и А.З. Черняка. – М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2006. – С. 508-511.

³ Там же. – С. 498-499.

⁴ Скиннер Б.Ф. Оперантное поведение – URL: <https://litvek.com/book-read/53793-kniga-berres-frederik-skinner-operantnoe-povedenie-chitat-online> (дата обращения: 15.12.19.)

⁵ Смирнов С.Д. Активность, деятельность, личность // Мир психологии. – М.: Воронеж: Рос. академия образования., Моск. психолого-социальный ин-т, 2006. – № 3. – С. 11-23.

⁶ Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / ред. А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2006. – 389 с.

принцип «единства сознания и деятельности»¹. Противоречие, однако, состояло в том, что слово деятельность на европейские языки переводится именно как активность (*activity*). Именно эти «трудности перевода» стали преградой для укоренения психологической теории деятельности (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, В.П. Зинченко)² в англофонной мировой науке.

В культурно-исторической психологии проблема деятельности и поведения рассматривается в несколько иной плоскости, примиряющей бихевиоризм и отечественную теорию деятельности. Деятельность здесь соответствует высшим творческим проявлениям человеческой личности (Л.С. Выготский)³, которые можно отнести к ценностно-рациональным действиям.

Однако здесь мы и находим отличие поведения от деятельности, так как поведение свойственно не только состоявшейся личности, а наблюдается и у детей, приматов, животных (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия)⁴. Деятельность же имеет свойство быть обязательно осознанной и целенаправленной, для поведения это может быть и не характерным. Поведение может быть спонтанным, мотивы могут осознаваться индивидом не до конца, и, что особенно важным, оно, что и бывает в большинстве случаев, может быть не ориентированным на какое-либо творчество.

Именно такое понимание поведения и его размежевание с понятиями деятельности и активности привели к определению объекта нашего исследования – экономического поведения как более широкого понятия, чем экономическая деятельность или экономическая активность.

Между тем нужно признать, что в философии дифференциация деятельности и поведения является менее строгой, чем в психологии. Более того, мы не можем полностью исключить из поведения элемент целеполагания. Важно лишь понимать, что для деятельности целеполагание

¹ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл; Академия, 2005. – 352 с.

² Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – СПб.: Питер, 2012. – 287 с.; Леонтьев А.Н. Указ. соч.; Зинченко В.П. Образ и деятельность. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1997. – 608 с.

³ Выготский Л.С. Психология искусства. – Минск: Современное слово, 1998. – 480 с.

⁴ Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 224 с.

является определяющим дифференцирующим признаком. Поведение же может иметь, а может и не иметь цели. То есть деятельность является сутью и наполнением отдельных целенаправленных действий, а поведение носит характер индивидуального проявления воли.

Немаловажное значение для определения экономического поведения в социальной философии имея анализ уже существующих определений данного понятия в других науках. Рассмотренные понятия проиллюстрировали сущность и особенности экономического поведения с точки зрения специфики каждой науки, однако для всех характерен один общий признак – четкая ориентация на экономическую активность, которая, как было обозначено раньше, не всегда характерна для поведения.

В экономической науке экономическое поведение понимается преимущественно как любая деятельность хозяйствующего субъекта. По мнению Т.А. Архиповой, специфика экономического поведения складывается как из внутренних факторов рынка, так и внешних факторов культуры¹.

В социологической энциклопедии экономическое поведение индивида связывается с выбором вариантов экономических стратегий, с конечной задачей вычленения наиболее оптимального, которое выражается в наибольшей пользе и наименьших потерях. Основными факторами, определяющими специфику экономического поведения, выступают экономическое сознание, экономические ценности и др.²

В социологии экономическое поведение интерпретируется в основном на базисе и с учетом экономических факторов. Однако здесь учитываются экономические, социальные и личностные аспекты, которые выражаются в некой системе ценностей и установок и впоследствии формируют модель

¹ Архипова Т.А. Экономическое поведение в российском трансформирующемся обществе: сущность, черты, направления формирования: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. – Ростов н/Д: 2001. – 160 с.

² Энциклопедия / Сост.: А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова и др. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.

экономического поведения, вписанную в конкретную хозяйственную стратегию¹.

С точки зрения В.И. Верховина, экономическое поведение стоит считать определенной системой социальных действий, которые основаны на заложенных в его суть всевозможных экономических потенциалах и ориентированы на приобретение планируемой пользы².

В психологической науке трактовка экономического поведения включает в себя экономические интересы, процесс принятия экономического решения и последующую обратную реакцию на принимаемые решения³.

Что же касается социальной философии, то здесь понятие экономического поведения мало изучалось до настоящего момента, в особенности не были ранее затронуты аспекты экономического поведения в разрезе взаимоотношений человека и окружающей его реальности. На основе изучения существующих формулировок и философского анализа его сущности и специфики была предложена авторская трактовка экономического поведения как философского понятия. Согласно этому *экономическое поведение представляет совокупность действий экономического характера (от обыденных до инициативных), выполняемых индивидом или общностью с большей или меньшей степенью регулярности и обусловленных спецификой экономической культуры и экономических предпочтений, экономического сознания и экономического мышления, особенностями хозяйственного уклада и трудовой деятельности, экономическими нормами (закрепленными в морали и праве) и экономическими мотивами отдельных людей.* Данная трактовка позволяет охватить все возможные формы проявления экономического поведения и обозначить его взаимосвязь с социумом на основе неотвратимости совершения экономических действий, влияющих на реальность.

¹ Верховин В.И. Экономическое поведение как предмет социологического анализа // Социс. – 1994. – № 10. – С. 120.

² Там же.

³ Экономическая психология. Лектор – канд. экон. наук, доцент каф. истории экономики и экономической мысли Григорьева Ирина Викторовна. – URL: <https://present5.com/ekonomicheskaya-psixologiya-lektor-k-e-n/> (дата обращения: 10.12.2019.)

В природе и сути экономического поведения находится персональное толкование взаимосвязи предпринятых действий индивидом и предполагаемой получаемой пользы от ряда этих действий. Также значение здесь приобретает целевая установка, лежащая в мотивации данного поведения, которое впоследствии играет определенную роль в становлении человека на социальной лестнице и в глазах окружающих. В ряду личных представлений большое значение для формирования модели экономического поведения играют и внешние факторы, такие как социальные потребности, достигаемость и открытость ресурсов различного рода, социальная структура, обычаи, менталитет, культура и др. По этому поводу в работе «Теории праздного класса» Т. Веблен отмечал, что общество видоизменяется, прогрессирует, находит новые формы существования по причине того, что трансформируется сознание и мышление отдельных индивидов и социальных групп¹.

Основой становления экономического поведения выступает экономическая сфера как определённый тип надстройки над общественным целым, которая функционирует и структурируется в зависимости от специфики индивидуальных траекторий поведения и личных интересов личности, актуальных в данный момент времени. Принцип личного интереса может распространяться и на иные сферы человеческой жизнедеятельности. Однако с точки зрения общепринятых в конкретном обществе традиций, норм и морали каждый отдельный поведенческий акт, основанный на личном интересе, может быть оценен по-разному в зависимости от заложенного в нем смысла, направленного на пользу или личное удовлетворение.

Экономическое поведение может включать и формировать духовные регулятивы повседневного социального взаимодействия. Такие мотивы вовлеченного в рыночные отношения субъекта, по мнению В. Зомбарта, относятся к родовому понятию «хозяйствующий дух», который включает в

¹ Веблен Т.Б. Теория праздного класса / пер. С. Сорокина. – М.: Либроком, 2011. – С. 200-201.

себя познавательные, ценностные, разумные, индивидуальные личностные элементы экономического поведения¹.

Среди методологических подходов, рассматривающих экономическое поведение, выделяют теорию социального действия М. Вебера. С точки зрения данной теории, основой для формирования целерационального действия является экономический интерес; ценностно-рациональное действие формируется на основе культуры; базисной предпосылкой традиционного типа выступают социальные стереотипы и установки; для аффективного действия основным мотивом становятся человеческие эмоции². В ситуации масштабного упадка культуры и кризиса традиционных ценностей наблюдается преобладающее проявление иррационального типа действий. Его распространение вполне обосновано, так как в реальной жизни индивид не склонен действовать как теоретическая конструкция (модель) и его действия не могут постоянно носить целерациональный характер, потому что на человека оказывает влияние целый ряд внешних факторов, с которыми он должен считаться для успешной адаптации к окружающей действительности. Индивид может и не стремиться к получению экономической выгоды, так как существует еще ряд других мотивов и целей для достижения. Но выбираемая стратегия с учетом всех факторов не отрицает продвижения к получению выгоды на конечном этапе своей деятельности³.

Неоклассическая экономическая теория (У.С. Джевонс, Л. Вальрас, Дж.Б. Кларк, И. Фишер, А. Маршалл)⁴ рассматривает экономическое поведение с точки зрения продуманной теоретической конструкции, основанной на совершенном рациональном типе мышления субъекта, направленного на получение максимальной выгоды. По мнению авторов, индивиды всегда осмысливают цель своего поведения и для ее достижения

¹ Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духов. развития современ. экон. человека: пер. с нем. / изд. подгот. Ю. Н. Давыдов, В. В. Сапов; Рос. АН, Ин-т социол. – М.: Наука, 1994. – С. 6-7.

² Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 602.

³ Зомбарт В. Указ. соч.

⁴ Блауг М. Неоклассическая теория денег, процента и цен // Экономическая мысль в ретроспективе – Economic Theory in Retrospect. – М.: Дело, 1994. – С. 586-606.

выбирают наилучшие варианты. Но необходимо учитывать, что указанный взгляд на природу экономического поведения достаточно ограничен и не включает в себя важнейшие факторы, оказывающие на него влияние, такие как индивидуальные особенности, культурные аспекты, нормы морали.

Подход экономической теории к анализу специфики экономического поведения, ориентированного только на получение максимальной выгоды в рамках рынка и рыночных взаимоотношений, изначально обладает минимальным набором вариантов для развития и в конечном итоге обречен на стагнацию. Современные экономисты, поддерживающие идеи гуманной экономики, Питер Козловски¹ и Джордж Сорос², говорят, что перспективы развития современного общества тесно связаны с этическими и нравственными вопросами капитализма и отсутствием спроса на данные качества в сфере бизнеса.

Представители рыночного фундаментализма в своих рассуждениях отводят большую роль потенциалу экономического поведения и видят возможность социальных преобразований за счет реконструкции в нем некоторых функциональных возможностей. Однако реалии на данный момент свидетельствуют только об обратных процессах, и пока мы не наблюдаем в массовой экономической мотивации направленности на повышение уровня морального и духовного. Происходит дальнейшее распространение ценностей более низкого порядка, ориентированного на материальное благополучие и личный расчет.

Такие исследователи, как В. Зомбарт, А.Л. Никифоров, В.С. Швырев, А.В. Рубанов³, рассматривают экономическое поведение с учетом всех возможных внутренних и внешних аспектов, во власти которых оказывать на

¹ Козловски П. Этика капитализма: критика социобиологии / пер. с нем. и ред. М. Н. Грецкого. – СПб.: Экон. шк., 1996. – 157 с.

² Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм / пер. с англ. – М.: Некоммер. фонд поддержки культуры, образования и новых информ. технологий, 2001. – 455 с.

³ Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духов. развития современ. экон. человека: пер. с нем. / изд. подгот. Ю. Н. Давыдов, В. В. Сапов; Рос. АН, Ин-т социол. – М.: Наука, 1994. – 442 с.; Никифоров А.Л. Деятельность, поведение, творчество // Деятельность: теории, методологии, проблемы. – М.: 1990. – С. 61–63.; Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 176 с.; Рубанов А.В. Механизмы массового поведения. – Минск: 2000. – 147 с.

него какое-либо воздействие. Подобный взгляд на экономическое поведение не только раскрывает его содержание в полной мере, но и дает возможности для проецирования моделей поведения в будущем.

Автором неинституциональной концепции экономического человека Г. Саймоном был предложен иной взгляд на природу экономического поведения, в основе которой, по его мнению, заложена идея ограниченной рациональности¹. Данный принцип формирования экономического поведения выражается в том, что человек осознает необходимость просчитывать свое поведение с целью получения максимальной прибыли. Однако реализовать в полной мере на практике он это намерение не может, так как социальная реальность ограничивает поступки различными внешними и внутренними факторами, такими как ограниченность информации, традиции, обычаи, мораль, особенности характера и др.²

В итоге можно говорить, что реальное экономическое поведение включает в себя как разумные элементы расчета, так и иррациональные составляющие, включающие в себя дефицит знаний и особенности личностного восприятия³.

Указанные подходы демонстрируют противоречивые взгляды в отношении механизма формирования экономического поведения. Однако данные расхождения указывают на его сложноустроенную структуру, и ведут к необходимости дополнительного философского исследования степени воздействия экономического поведения на другие социальные компоненты.

В отличие от узконаправленных исследований в рамках экономической теории, ограниченной сферой производства и рыночными отношениями, социальная философия позволяет исследовать данный тип поведения с точки зрения социального взаимодействия, которое открывает перед

¹ Simon A. Herbert Rationality as Process and as Product of Thought // The American Economic Review. – Vol. 68. – No. 2, Papers and Proceedings of the Ninetieth Annual Meeting of the American Economic Association (May? 1978) – P.1-16.

² Елкина О.С. Сущность и особенности формирования экономического поведения // Вестник Омского университета. – 1999. – Вып. 3. – С. 120.

³ Негруль (Михайлова) В.В. Экономическое поведение и целостность общества: параметры взаимной детерминации ... С. 61.

исследователем широкий спектр мало изученных вопросов. Конечно, экономическая теория уже накопила определенный запас теоретического материала, который возможно использовать при социально-философском анализе, и среди этих тем можно обозначить экономическую культуру, иерархию ценностей человека, особенности экономического мышления и др. Но все эти аспекты необходимо рассматривать в тесной связи с социальным. Именно поэтому человек всегда стремится найти баланс между чисто экономическим интересом и институциональными факторами на пути достижения поставленных целей¹.

В рамках социальной философии изучение специфики экономического поведения находит новые потенциалы и пути исследования. Уход от однолинейного представления о человеческой сущности дает возможность учесть все варианты проявлений человеческого интеллекта, эмоций и мотивации поведения. Всеобъемлющий анализ человеческой личности включает в себя разноуровневые параметры, такие как менталитет и этническую картину мира, традиции и обычаи социального и товарного обмена, религиозные верования и представления о реальности и др. И в основе всех представленных предпосылок формирования личности лежит фактор субъективного восприятия, что всегда перестраивает социальные установки в личную мотивацию. Именно этот механизм в рамках экономической теории часто трактуется одномерно – как личная выгода или эгоизм, но это не совсем верно, так как в любом действии индивида заложен личный интерес, даже если он носит характер социального участия или помощи другому. В данном контексте социальная философия позволяет различить в экономическом поведении мотивы разного порядка.

Можно прийти к выводу, что экономическое поведение в современном социуме действительно проникло во все формы социального взаимодействия и сферы человеческого существования, однако, это не говорит, что оно

¹ Макин И.О. Компромисс как форма экономического поведения // Экономика и менеджмент. Социология. – 2010. – № 3. – С. 99.

полностью негативно видоизменяет социальную систему, скорее вносит определённые изменения, которые в последующем могут наносить ущерб для ее целостности. Включенные в экономическое поведение альтруистические элементы, которые, как мы обнаружили, нельзя исключать, необходимо транслировать более активно и формировать экономическую составляющую в ряду духовных ценностей. Гетерогенность экономического поведения, в итоге, отражает многообразие социальной системы, которая включает в себя многоуровневые процессы и элементы.

Несмотря на активные глобализационные процессы, современное общество представляет собой множественное сочетание разрозненных микрокосмов, которые создают свою уникальную систему устройства, диктующую человеку линию его поведения, основанную на своей модели разумности. Из этого следует, что экономическая «максимизирующая» модель экономического поведения может существовать и может быть реализована только в условиях совершенного рынка, не представленного в реальности. В подтверждение сделанных выводов В.С. Любченко утверждает, что в реальном социуме сфера экономического не может абсолютно заполнить все жизненное пространство человека. Автор это связывает с тем, что такой бы перекося в основании социальной жизни в сторону экономического мышления и ценностей нарушил бы гармонию существующего мира в целом, и экономического и не экономического мира в отдельности¹.

Исследование форм поведения человека демонстрирует, что в отношении экономического поведения чаще всего употребляются готовые шаблонные формулировки, основанные на суждении о его эгоистической основе, а остальные формы внеэкономического поведения – любовь, дружба, кооперация, товарищество – представляются неопределенными и абсолютно бескорыстными. Это приводит к выводам о несостоятельности таких

¹ Любченко В.С. Экономическое поведение: методология социологического исследования // Теория и практика общественного развития. – 2007. – №2. – С. 60-64.

суждений в условиях действительности. Любая из перечисленных форм поведения подразумевает символический обмен определенными благами, которые люди ожидают в результате любовного или дружеского взаимодействия. И для получения этих благ так же могут продумывать стратегию поведения, которая должна привести к результату. Поэтому даже духовная взаимосвязь может под собой подразумевать получение выгоды, причем как нематериальной, так и материальной. В связи с чем отнесение эгоистических устремлений только к экономическому поведению изначально кажется бесперспективной и ведущей к большему непониманию природы поведения человека точкой зрения¹.

Стоит отметить, что данный аспект исследования экономического поведения становится важным для многих социальных наук. Реальные человеческие отношения пронизаны разнонаправленными мотивами, которые отражают как эгоистические, так и альтруистические основания. Так возникает необходимость изучения в современных реалиях всех форм проявления экономического поведения, в том числе и благотворительной.

При выделении форм экономического поведения по различным критериям можно выделить «производственное и распределительное» экономическое поведение, «обменное и потребительское»; «рациональное и иррациональное»; «индивидуальное, групповое, массовое»; «прагматическое, профессиональное и безразличное»; «креативное», «асоциальное, психопатическое»; «трудовое, потребительское, финансовое, сберегательное, инвестиционное, монетарное»; «детерминированное и инициативное; контролируемое и автоматическое»². Перечисленные виды экономического поведения отражают многообразие форм современной деятельности человека в условиях рынка, его способность включаться в экономические процессы и использовать различные инструменты для решения жизненно важных вопросов.

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Экономическое поведение и целостность общества: параметры взаимной детерминации ... С. 64.

² Платонова С.И. Постмодернистские социальные теории: социально-философский анализ // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 5. – С. 45.

Еще одним основным источником формирования мотивации различных типов поведения современного человека выступает культура, которая в настоящее время претерпевает значительные трансформации. Обозначенные изменения происходят как на индивидуальном уровне, так и на глобальном. Наблюдаются качественные перемены как со стороны гуманности, так и обратные процессы. В таких условиях современному человеку становится сложнее реализовывать свою волю и поведение, и связано это с необходимостью максимально быстро реагировать на внешние раздражители и при этом нести ответственность за принимаемые решения.

Для более подробного исследования связи экономического поведения с социумом с учетом структуры и специфических проявлений экономического и внеэкономического характера был использован системный подход. Для того чтобы реализовать поставленную задачу, необходимо было проследовать от осмысления природы экономического поведения к человеческой индивидуальности и гуманистической основе социума. Данная логика исследования позволила установить, что экономическое поведение в современном социуме выступает связующим звеном и инструментом определённого баланса между интересами общества и самого субъекта, что накладывает определённую ответственность и должно быть основано на оптимальной форме экономического поведения, подкреплённой рыночной компетентностью и морально-ценностным основанием. От того, насколько успешно функционирует такая форма поведения, зависит гармонизация социальной системы и ее устойчивое развитие.

В случае с социальными системами установление степени их целостности происходит с учетом ряда определяющих факторов. Эффективное взаимодействие всех составляющих социальной системы возможно только при условии корректно функционирующих социальных институтов, настроенных на быстрое реагирование на динамические общественные процессы и перестройку. К факторам, влияющим на

институциональную деятельность, традиционно относят информационные потоки, рыночные операции, результаты деятельности, энергоресурсы и т. д.¹.

Функционирование социальных систем определяется, в том числе, целостностью экономического поведения, которая формируется на основе разнонаправленных интересов как крупного бизнеса, с одной стороны, так и конкретной личности – с другой. При целостном экономическом поведении обозначенных участников формируются качественные хозяйственные связи, подкрепленные материальными и трудовыми ресурсами. Однако если экономическое поведение не реализуется в полной мере одной из сторон или обоими участниками и, как в современных реалиях, ответственность за экономическое развитие переносится на государство, то происходит перекос в управлении экономической сферой. В этом случае могут наблюдаться различные институциональные дисфункции, которые приводят к утрате целостности: «государство “приватизируется” и, перерождаясь, не может вести единую политику»².

По этому поводу Дж. Сорос говорит, что экономическая мотивация проявляет себя в медицине, образовании, юриспруденции, журналистике и т. д. Подобные процессы, по мнению автора, могут приводить к потере целостности и дезинтеграции общества. В таком случае Дж. Сорос предостерегает от абсолютной ориентации на рыночные законы существования.

Целостность экономического поведения может быть установлена только при условии понимания активно действующими субъектами рынка, что поведение человека должно определяться не только эгоистическим материальным интересом, но и духовными ценностями. Следует также учитывать, как частные, так и глобальные интересы общества, что может стать основой для развития и процветания всех участников данного процесса. Однако такое равновесное состояние может быть достигнуто только при

¹ Никитина Ю.А. Развитие высших форм адаптации социальных систем в условиях нестабильной внешней среды // Известия ТПУ. – 2007. – № 7. – С. 138-142.

² Голик Н.В. «Деконструкция» тоталитарного общества как основание психосоматических заболеваний // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2005. – № 4. – С. 12.

условии формирования определенной экономической культуры повседневности, которая будет реализована в экономическом поведении личности¹.

Экономическое поведение становится источником дополнительных знаний о содержательных процессах поведения личности, об алгоритме раскрытия человеческого потенциала как источника целостности и открытости социальных систем. Именно поэтому современное экономическое поведение и его взаимодетерминация с целостностью общества могут быть рассмотрены в рамках теории саморазвивающихся систем.

Постнеклассическая наука изучает современное общество исходя из новых, нетипичных характеристик мышления и поведения, приоритетными чертами которых являются необратимость, неравновесность, неустойчивость². На этом фоне имеет место усиление активной роли субъекта в мире рынка и радикальная переоценка ценностей. Данный подход дает возможность изучить экономическое поведение с позиций субъективизма и объективизма.

С точки зрения субъективизма состояние экономической системы зависит от множества факторов, но, в первую очередь, от личности, которая вбирает в себя многообразие психологических качеств и характеристик. На данный момент значение личности в истории развития социума приобретает новое значение: субъект может быть активным источником преобразований на различных уровнях существования и функционирования общественных систем.

Постнеклассический научный подход опирается, в первую очередь, на правила самоорганизации и открытости, которые показывают, что базисом сбалансированного развития социума становится плодотворная взаимосвязь составляющих его элементов. Логика утверждения названных принципов

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Экономическое поведение и целостность общества: параметры взаимной детерминации ... С. 66.

² Щеглов Б.С., Чаленко М.В. Становление постнеклассической картины мира в контексте познания социума // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. – 2011. – № 2. – С. 262-267.

реализуется посредством установления взаимодействия социальных институтов и организаций, которые, в свою очередь, опираются на деятельность людей, работающих в них. В конечном итоге индивидуальное действие становится источником жизни для окружающей реальности. В связи с чем важно выстроить описанный алгоритм на разных уровнях взаимодействия. Из этого так же следует, что взаимодействие является ключом к управлению социальным развитием и его ориентиром на приоритетное русло, в котором рынок является ядром экономической жизни, но не разрушает социальную целостность, а способствует ее стабильности. Претворение названных принципов в жизнь может быть основано на совокупной социальной адаптации экономических субъектов.

С точки зрения теории систем взаимодействие осуществляется по принципу «объект–субъект». Однако исследования повседневности свидетельствуют о переходе в новое качественное измерение взаимодействия субъекта с субъектом¹. Социальная кооперация на уровне интерсубъективного взаимодействия с целью достижения поставленных прагматических целей в условиях рынка благоприятно сказывается на развитии всех сфер человеческой жизнедеятельности. Социальная солидарность развивает как личностные навыки общения, так и повышает уровень социального ориентирования, творческого объединения и соучастия при решении социальных задач.

По мнению И. Пригожина, существующие системы складываются из характеристик каждого из ее уровней и на основе этих же признаков развиваются и самоорганизуются². Из этого следует, что поведение отдельных разноуровневых структурных элементов системы выступает предпосылкой ее движения и развития.

Данный подход к анализу поведения человека позволяет встроить элементы материалистического подхода в логику парадигмы «Бог – Бытие –

¹ Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности / В.И. Аршинов [и др.]. – Москва: Прогресс-Традиция, 2011. – 496 с.

² Там же.

Человек». В современном научном познании экономическая сфера занимает центральное место в целостной общественной структуре и обладает возможностью самовоспроизводства, которая базируется на взаимоотношениях «объект – субъект», так и на взаимодействии «субъект – субъект». Такое положение вещей приводит к интеграции и слиянию экономического, культурного и социально-политического потенциалов в единое целое путем интересубъективной кооперации¹.

Исследование роли поведения субъекта в экономической реальности предполагает также изучение такой важной характеристики, как степень свободы реализации субъекта. Анализ свободы предусматривает изучение воздействия внешних факторов, роли случайного и неопределенного, степени взаимосвязи с общественным целым. Логика исследования строится из положения, что субъекту крайне необходима свобода экономического выбора. Но при этом предполагается, что она будет давать возможность индивиду в определенной степени удерживать дистанцию с рыночной системой. Основой для дистанцирования становятся ценностные установки и духовное содержание, которые определяют экономический выбор. При таких условиях индивид выходит за рамки рыночного контроля и стереотипного мышления. Однако реализация представленного варианта свободы может быть исполнена только при определенных внешних условиях, созданных рыночными институтами, с предоставлением разнообразных вариантов и механизмов для реализации индивидуального выбора, и самореализации. Проблема свободы в процессе взаимодействия рыночных структур с субъектом является проблемным полем для научных и практических исследований, так как не находит одновариантного оптимального режима сотрудничества и развития².

¹ Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Методологические основы экономической синергетики (научный доклад). – М.: ИЭ РАН, 2007. – С. 15.

² Негруль (Михайлова) В.В. Синергетический подход в исследовании взаимодетерминации целостности общества и экономического поведения личности // Вестник ВГУ. Серия: Философия. Воронеж: Издательский дом ВГУ. – 2014. – № 4 (12). – С. 158.

Свобода реализации экономического выбора субъекта также обусловлена уровнем существования на современном рынке. В рамках каждого уровня субъект вынужден играть по тем правилам, которые установлены системой. На макроуровне индивид выполняет ряд установленных рынком функций для реализации экономических действий. В условиях микроуровня субъект имеет возможность реализовать не заданные шаблонные алгоритмы, а индивидуальные намерения. При этом индивид может проявить себя в различных ролях, таких как носитель культуры, гражданин, физическое лицо, личность и т. д. Сама индивидуальность и творческий подход к преобразению социально-экономической реальности субъекта определяют специфику поведения на микроуровне и становятся в современном мире практически единственным механизмом трансформации и прогресса социума.

Поэтому очень важно, чтобы не только система была целостной, но и действующий индивид представлял собой сформированную целостность, которая основана в том числе и на условии свободы проявления всех возможных личностных устремлений и реализации социальных ролей, что дает возможность действовать не только на макро-, но также и на микроуровне. В таком случае происходит активное взаимодействие объективных и субъективных предпосылок экономического поведения. Свободная экономика и рынок предполагают многовариантность развития, при условии учета направлений, правил, векторов движения, общественного курса, индивидуальных проявлений личности. В таких реалиях системные взаимоотношения выстраиваются на основе взаимодействия объекта и субъекта при приоритетном положении субъекта¹.

Из этого следует, что главными характеристиками экономической реальности как системы являются открытость и свобода, которые основаны на непрерывном социальном энергетическом обмене с внешней средой.

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Синергетический подход в исследовании взаимодетерминации целостности общества и экономического поведения личности... С. 159.

Данные свойства гарантируют возможность постоянной конструктивной взаимосвязи всех элементов. Подобные взаимодействия порождают микроуровень, формирующий предпосылки для интеграции макроуровня и всей системы в целом. Исходным неделимым элементом взаимодействия выступает субъект как первоначало рыночной реальности¹.

В итоге для того чтобы гарантировать свободу и сделать ее основой для эволюционного развития, необходимо, чтобы противоборство с неопределенностью макроуровня не приводило к потере индивидуальной свободы.

Стоит отметить, что в современном информационном обществе вектор свободы направлен в совершенно противоположную сторону. Для того чтобы уровень свободы был выше, необходимо развивать личностный потенциал и критическое мышление.

Социальная философия дает более широкую трактовку экономического поведения, позволяющую рассматривать его с учетом всеобщих и частных параметров при условии сохранения индивидуальности и творческого потенциала человека как главного актора преобразований социальных систем.

Основным методологическим подходом, использованным в исследовании, выступил системный метод познания, который позволил рассмотреть экономическое поведение как целостную систему действий. Свойство целостности здесь выступило основным механизмом, гарантирующим устойчивое развитие как общества в целом, так и экономическое поведение отдельных людей. При этом внутренняя взаимосвязь составляющих элементов представленной целостности основана как на подобии свойств, так и их различиях, которые в совокупном единстве дают импульс к дальнейшему существованию. Так обеспечивается принцип

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Синергетический подход в исследовании взаимодетерминации целостности общества и экономического поведения личности... – С. 159-160.

гетерогенности на различных ступенях реализации: социальной системы и поведения личности.

На основании теории систем были выявлены внутренние закономерности экономического поведения и их взаимосвязь с внешними функциями современного рынка. Анализ показал, что главными характеристиками экономической реальности как системы являются открытость и свобода, которые основаны на непрерывном социальном энергетическом обмене со своей внешней средой. Подобные взаимодействия порождают микроуровень, формирующий предпосылки для интеграции всей системы. Исходным неделимым элементом взаимодействия выступает субъект как первоначало рыночной реальности. Также свобода служит индивидуализации экономического поведения и развитию творчества отдельного человека как движущей силы социального прогресса.

1.2 Трансформации научных воззрений на экономическое поведение

Протекающие глобализационные процессы в современном социуме активно влияют на экономическое поведение, формируя в нем противоположные ценности из различных экономических систем – рыночной, советской и архаической. В связи с этим довольно затруднительно рассматривать современное экономическое поведение как целостное, так как человеческое поведение, лишенное материальной и духовной зрелости и направленное на максимизацию выгоды, не может быть эффективным и отражать высокий уровень развития человека. Именно поэтому проблема человеческого поведения как одна из важнейших составляющих целостного мира актуализирует проблему перехода общества в новое качественное экономическое измерение, в котором сохранена целостность духовного мира.

Происходящие социально-экономические процессы традиционно рассматривают в рамках экономической науки. Однако в случае с современным экономическим поведением оказывается недостаточно взгляда только одной экономики. Возникает необходимость в изучении объекта исследования в рамках социальной философии. Социально-философский подход дает возможность проанализировать научные воззрения в отношении экономического поведения, которые включают философские, экономические, социологические, психологические и культурологические аспекты.

С самого начала стоит отметить, что философия в период с Древних времен до Средневековья практически не рассматривала и не изучала сферу экономических отношений и особенностей поведения человека столь подробно, как в Новое и Новейшее время. Однако первые попытки осмыслить сферу экономических взаимоотношений были сделаны еще в древности. Так, основные принципы деления общества на рабов и рабовладельцев, законы об укреплении и охране частной собственности были представлены в кодексе царя Хаммурапи Вавилонского (1792–1750 гг. до н. э.)¹. Уровень развития цивилизации вавилонского царствования и применение ультрасовременных законов для того времени имело огромное значение и говорило, что наряду с происхождением и чином важным стратификационным признаком был и имущественный.

В Древнем Китае большее внимание было сосредоточено на правовых аспектах регулирования экономических отношений и немаловажную роль в этом сыграло конфуцианство – учение, созданное Конфуцием (551–479 гг. до н. э.)². Учение о естественном праве стало основой для всей философской и социально-экономической концепции китайского общества. Главным принципом конфуцианской этики, пронизывающим учение, выступила гуманность, которая и на данный момент при всей противоречивости

¹ Текст сборника Законов Хаммурапи в переводе / Пер. и комм. И.М. Волкова // Законы вавилонского царя Хаммурапи. с 8 рисунками и картой / Под общ. ред. Б.А. Тураева. – М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1914. – 81 с.

² Конфуций. Уроки мудрости: пер. с древнекит / сост., вступ. с и коммент. М.А. Блюменкранца. – М.: ЭКСМО-ПРЕСС; Харьков: ФОЛИО, 2000. – 957 с.

человеческого бытия не потеряла своей актуальности как основы социального порядка и баланса. Данные установки в отношении экономической сферы жизни общества свидетельствуют, что в Древнем Китае на тот момент уже рассматривали не только степень экономического развития, но и последствия его воздействия на общество.

Более цельное и масштабное философское осмысление социально-экономической жизни было осуществлено древнегреческими философами. В работе «Домострой» Ксенофонта¹ (430–355 гг. до н. э.) поднимались вопросы экономических взаимоотношений, разделения труда, торговли, денежного обращения, рационального ведения хозяйства. В понимании автора, вещь наделяется рядом функций, которые выражаются в двух видах стоимости: потребительской и меновой. При этом Ксенофонт большое внимание уделял повседневным практикам людей, что можно рассматривать как одну из первых попыток выделить экономическое поведение из других видов человеческого поведения.

Наиболее интересной с точки зрения экономической жизни оказалась работа Платона (427–347 гг. до н. э.) «Государство»², в которой он провел анализ социальной структуры и стратификации и пришел к выводу, что свободные люди подразделяются на три сословия. К высшему сословию он отнес философов, затем следуют воины, и на низшей ступени находятся земледельцы. Экономическое поведение во взглядах Платона было основано на принципе равновесия и личной свободы: «пусть никто не касается моего имущества, если только нет на это каждый раз специального моего разрешения, и я буду поступать точно так же, пока Я в здравом уме...»³. Выявленные характеристики экономического поведения не только дополнили знания о его структуре и функциях, но и заставили по-новому взглянуть на степень важности экономических практик для человека и

¹ Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. Воспоминания о Сократе. Защита Сократа на суде. Пир. Домострой / пер., вступ. ст. и коммент. С.И. Соболевского. – М.: Академия, 1935. – 417 с.

² Платон (ок. 427 – ок. 347 до н. э.). Государство. Законы. Политик. – М.: Мысль, 1998. – 798 с.

³ Диалоги Платона. Законы. Книга XI. – URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/30zak11.htm> (дата обращения: 11.01. 2017)

впоследствии для всего общества. Платон сделал акцент на личном выборе человека в экономических отношениях. Так, уже в античную эпоху рынок рассматривался Платоном как либеральную систему, открытую и свободную.

Аристотель (384–322 гг. до н.э.), в свою очередь, стал первым древнегреческим философом, уделившим столь пристальное внимание исследованию экономических явлений. Автор определил важность фактора пользы, который ложился в основу обменных процессов на рынке и влиял на установление цены и соответствие потребностям личности. Эффект «пользы» распространялся и на сферу хозяйствования. Устанавливалось, что естественными являются лишь те процессы, которые способствуют развитию хозяйства, а те действия, которые направлены на получение неоправданной выгоды, относятся к противоестественным¹.

В научной мысли того времени происходит становление рационального взгляда на действительность, который предполагал существование цельного упорядоченного мира. Роль человека в данном подходе определялась как главенствующая, так как именно человек благодаря своей разумности и познавательной способности мог правильно организовать вокруг себя окружающий мир и привести к гармонии природных и социальных явлений в их целостном единстве. Выражением стремления к достижению социального порядка была организация институтов рабства. «Рабы – помощники по хозяйству» – вот формула домашнего управления, которое было в Афинах и других древнегреческих полисах. В общественном мнении афинян бытовало терпимое отношение к бедности, при которой свободный человек мог владеть 1–2 рабами, а осуждалось богатство при наличии 8–9 рабов. Лучшим считалось нечто среднее, оптимально обеспечивающее развитие мастерской любого профиля – 4–6 рабов. Существовали и специальные законы, регулирующие взаимоотношения рабов и хозяев². Для Аристотеля было характерно неприятие чрезмерного потребления и стремление к

¹ Аристотель. Политика / пер. с др.-греч. С.М. Роговина. – М.: РИПОЛ классик, 2010. – 592 с.

² Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей: историко-философские очерки и портреты / изд. 2-е, доп. – М.: Канон+, 2010. – 487 с.

установлению гармонии на всех социальных уровнях. Здесь усматривается тенденция к определению целостности личности, которая, в свою очередь, может выступать основой для гармоничного существования всего общества.

В теории «непрерывного изменения» Гераклита¹ человек рассматривается как часть единой Вселенной, что придает ему разумности и способности для понимания законов природы и жизни. Именно благодаря объединению разумности человека и Вселенной приводится в движение весь окружающий мир. Основу экономических взаимоотношений и вообще материального мира многие античные философы видели в разумности человека и его способности взаимодействовать с реальным миром и природой. К слову, общественная целостность Афин была нарушена во время Пелопоннесской войны, когда на рынок было «выставлено» большое количество пленных, что было скорее выгодно, чем разумно.

Наряду с такими понятиями, как «гуманность», «разумность», «целостность», большое значение в философских учениях приобрело понятие «свобода». Так, изучая экономическую сферу и труд, Сократ² отводил понятию «свобода» особое место, так как полагал, что она заключается вовсе не в том, чтобы только есть и спать, а в том, что именно свободный труд делает людей более здоровыми, справедливыми, знающими и состоятельными. Идеи Сократа вполне созвучны с современностью и находят свое отражение в условиях развитого либерального рынка, где свобода личного выбора дает человеку возможность проявить свою индивидуальность и самореализоваться, благотворно повлияв на окружающую действительность.

Принято считать, что в Средние века науки Арабского Востока и Западной Европы развивались изолированно друг от друга. Тем не менее мы обнаруживаем очевидные параллели в учениях Востока и Запада. Арабский

¹ Гераклит // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. / пер. А.В. Лебедева. – М.: Наука, 1989. – № 22. – С. 176-257.

² Ксенофонт. Указ. соч.

мыслитель Ибн Хальдун¹ (1332–1406 гг.) в концепции общественного прогресса рассматривал отдельного человека как важное действующее звено на пути к всеобщему богатству и благополучию. Базисом социального порядка Ибн Хальдун считал право частной собственности, которое рассматривалось как прирожденное и неотрывное от природной сути человека. При этом рост личного достатка, по мнению Ибн Хальдуна, не мог повлиять на иерархию социальных слоев и правящий класс.

Схожие идеи об экономических основах мы находим у итальянского богослова Фомы Аквинского² (1225–1275 гг.), рассматривающего общественное разделение труда в качестве основ бытия человека и социума в целом. Неким фундаментом хозяйства Фома Аквинский считал частную собственность и право человека на богатство. В трудах философа сформулированы идеи рационализма экономических взаимоотношений, которые выразились в теории «справедливой цены» и «справедливого процента», основанной на трудовых затратах, то есть на обмене эквивалентов.

Рассмотренные научные подходы Ибн Хальдуна и Фомы Аквинского говорят о высоком значении уже в Средневековую эпоху индивидуального труда и собственности как атрибутов общественного развития, при котором приоритетом становится защита интересов граждан. Основной формой результативной деятельности становится труд и главным действующим лицом – человек и его повседневные практики.

Более широкое развитие таких идей представлено в экономической мысли эпохи Реформации, которая произвела на свет довольно прогрессивные для того времени взгляды Мартина Лютера на экономическую жизнь. Лютер предложил на суд общественности 95 тезисов против торговли индульгенциями. Свои основные теоретические взгляды автор изложил в работе «О торговле и ростовщичестве» (1524) и в «Наказе

¹ Ибн Хальдун. Введение (ал-Мукаддима) / сост., пер. с араб. и прим. А.В. Смирнова // Историко-философский ежегодник, 2007. – М.: 2008. – 530 с.

² Святой Фома Аквинский. Сумма теологии / под ред. Н. Лобковица, А.В. Апполонова; пер. А.В. Апполонова. – М.: Издатель Савин С.А., 2006–2007. – Т. I-II. – 816; 654 с.

приходским священникам выступать с проповедями против ростовщичества» (1540). В данных трудах Лютер модифицирует классическую христианскую точку зрения на труд и предлагает рассматривать его как «богоугодное дело» и форму служения ближнему¹. Подобное толкование впервые в истории научной мысли раскрывает сущность труда вообще. По поводу торговли и ростовщичества Лютер в своем «Наказе» наставляет, что священники должны «приучать народ» относиться к ростовщикам и скрягам как к «живым чертям»². Лютер предложил, как нам видится, первую модель экономического поведения, которая предполагала христианскую мораль, основанную на усердном труде и служении.

Иной взгляд на роль и деятельность человека в материальном мире предложила эпоха Возрождения. Макиавелли одним из первых продемонстрировал противоположные взгляды на основные понятия философии, такие как Бог, Бытие и Человек. Человеческую способность к разумной деятельности и проявлениям воли Макиавелли выразил в понятии «*virtu*». Макиавелли обратил внимание на саму природу человеческого поведения и мотивацию. Основным элементом развития любого общества он рассматривал конкуренцию и противоборство между людьми. Именно экономические факторы в его учении выступили основой политической борьбы и конкуренции. Знаменитый итальянский мыслитель считал очевидным, что серьезные преобразования в государстве осуществляет высший обеспеченный слой граждан, который стремится к сохранению своего положения и материальных благ³. В рассуждениях Макиавелли четко прослеживается попытка охарактеризовать степень воздействия экономики на всю общественную жизнь. При этом источником данного воздействия он считал человека, в противоречивой природе которого он усмотрел как

¹ Лютер М. Избранные произведения / пер. и ком. К.С. Комаров, Ю.А. Голубкин, Ю.М. Каган. – СПб.: Андреев и согласие, 1994. – 433 с.

² Нуреев Р.М. Генезис капитализма: роль институтов, благоприятных для развития предпринимательства // Пространство экономики. – 2011. – Том 9. – №. 4. – С. 122-141.

³ Макиавелли Никколо (1469–1527). Государь. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. – 303 с.

созидательную мотивацию к действию, так и иную, основанную исключительно на личной выгоде.

Развитие капитализма привело к более активному изучению экономической жизни и роли государства в хозяйственной деятельности. Жан Боден¹ (1530–1596) как один из первых представителей меркантилизма ставил частную собственность выше суверенитета монарха. Именно данное утверждение оспаривалось представителем утопического социализма Томасом Мором, который отрицал социальную полезность частной собственности. Такое отношение к частной собственности во многом явилось реакцией на экономическое поведение лордов (английских феодалов – землевладельцев), затеявших «огораживание» – сгон крестьян с земель, разрушение хозяйств и организацию на освободившихся землях пастбищ для овец. Это был первый в истории Европы геноцид против своего народа, который поддержала королевская власть. Данные события привели к пересмотру устоявшихся идей в отношении позиции человека в экономике, которому отводилась ведущая роль на основе труда и частной собственности. Наметился кризис нехватки информации в отношении принципов и мотивации экономического поведения, которое может не только способствовать целостности общества, но и приводить к разрушительным сценариям в реальности. Так, в Новое время появляется множество теоретических подходов в отношении анализа экономической деятельности.

В «Левиафане» Т. Гоббса² рассматривается следующая модель рынка – «собственническое рыночное общество», в котором абсолютно все элементы хозяйственной деятельности подчинены рынку. Роль человека в данном обществе сводится к возможности продавать свою «*power*» (*силу*), которая понимается как средство или возможность достижения будущего блага. Понятие «*power*» у Гоббса приобретает несколько значений и выражается, как и в естественных природных талантах и умениях, так и в статусных

¹ Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой философии: в 4 т. – М.: 1970. – Т. 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. – С. 141-147.

² Гоббс Т. Левиафан. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.

возможностях, которые в совокупности приводят человека к неизменному «торгу» в качестве продавца или покупателя на «рынке власти»¹. Здесь описаны уже в большей степени коммерциализированные отношения, лишённые духовности и ценностей неэкономического порядка. Это говорит, что «рынок» Гоббса, как и сегодня в большей степени основан на рациональном расчёте и роли человека придается меньшее значение, оно сводится к механическим торгам за выгодные условия.

Джон Локк как сторонник принципов меркантилизма в своем труде «Рассуждения о понижении процента и повышении ценности денег»² считал внешнюю торговлю главным средством обогащения страны. Однако в трудовой деятельности он усматривал основу и меру богатства различного рода. Такого же мнения придерживался и Юм³. Критикуя меркантилизм, он считал, что именно труд является главным богатством государства.

Дальнейшее развитие философской и социально-экономической мысли привело к более широкому и глубокому анализу роли человека в экономических и социальных процессах. Многие ученые обратили внимание на ключевые понятия свободы и равенства. Прогрессивные идеи отразились в социализме Мелье⁴, который отрицал неравенство между людьми и считал его главным недостатком современного общества. Ш.Л. Монтескье⁵ выступал с активной критикой узких идей и считал, что промышленное производство и торговля – это ключ к богатому будущему страны. Вольтер⁶ большое значение придавал активной деятельности человека и считал, что именно такой подход может послужить улучшению качества жизни. В итоге основные идеи такого взгляда на поведение человека выразились у Вольтера

¹ Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. – Минск.: Харвест, М.: АСТ, 2001. – 304 с.

² Локк Дж. Избранные философские произведения: в 2 т. / вступ. ст. И.С. Нарского. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 734 с.

³ Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая. О познании / пер. с англ. С.И. Церетели, вступит. ст. М.А. Абрамова, прим. И.С. Нарского. – М.: Канон, 1995. – 400 с.

⁴ Мелье Ж. Завещание. в 3 т. / пер. с франц. Ф.Д. Капелюша и Г.П. Полякова. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1954. – 444; 454; 473 с.

⁵ Монтескье Ш. Избранные произведения / общ. ред. и вступ. ст. проф. М.П. Баскина; примеч. Р.С. Миндлинной; Акад. наук СССР. Ин-т философии. – М.: Госполитиздат, 1955. – 800 с.

⁶ Вольтер. Статьи и материалы / под ред. М.П. Алексеева. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1947. – 224 с.

в теории меморизма. Именно труд автор рассматривает как основу развития государства.

В работах Жан-Жака Руссо¹ можно усмотреть попытку диалектико-материалистического толкования социально-экономического прогресса. В трактате «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755) автор поднимает вопрос о процессе развития общества, его характере и сложностях, сопутствующих ему. Изучая распределение социальных благ и положение отдельных групп общества, Руссо приходит к выводу, что существующее в обществе неравенство является результатом прогресса. По мнению автора, человеческая деятельность выступает движущей силой развития и источником богатства, однако негативными результатами такого прогресса можно считать рыночную систему, неравенство и вырождение человеческих ценностей.

Дени Дидро² в отличие от Жан-Жака Руссо по-другому понимал прогресс. Он его рассматривал с точки зрения анализа человеческого поведения и эмоций и выявил, что стремление всех людей к удовольствию приводит к развитию и совершенствованию всех важнейших процессов, в которых участвует человек. В своих научных поисках Дидро занимался изучением обществ, в которых отсутствовали основные пороки капиталистического общества – частная собственность и неравенство, что позволило автору прийти к выводу, что именно человек и его труд являются наиважнейшими ресурсами.

Сторонниками идей Дидро можно считать Клода Адриана Гельвеция³ и Поль Анри Гольбаха⁴. Данные мыслители в своих рассуждениях о человеческой природе и ее роли в общественном прогрессе шагнули в сторону большего индивидуализма. С точки зрения Гельвеция, такие индивидуальные проявления, как удовольствие и страдание являются

¹ Руссо Ж.-Ж. Pro et Contra // Идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752–1917). Антология / сост. А.А. Златопольская и др. – СПб.: Издательство РХГА, 2005. – 798 с.

² Дидро Д. Избранные философские произведения. – М.: Госполитиздат, 1941. – 282 с.

³ Гельвеций К. Сочинения в 2 томах. – М.: Мысль, 1973–74. – Т. 1. – 647 с.; Т. 2 – 687 с.

⁴ Гольбах П. Избранные произведения в 2 томах – М.: Мысль, 1963. – Т. 1. – 715 с.; Т. 2 – 563 с.

базисной основой всех процессов, происходящих в социальной реальности, а на самолюбии, как считает автор, строится общественная мораль. По мнению Поль Анри Гольбаха, основным стимулом в поведении человека становится удовлетворение своих собственных индивидуальных интересов.

Идеи ученых эпохи Просвещения пронизаны мыслью о большой роли индивидуального фактора в развитии общества вообще и экономической сферы в частности, это подтверждает, что изучение экономического поведения человека во многом является ключом к пониманию законов социального прогресса.

Несколько иной взгляд на человеческую природу и особенности его поведения находится в трудах немецких философов. В первую очередь, к данной тематике обращается Иммануил Кант в своей книге «Антропология с прагматической точки зрения» (1798 г.)¹. По мнению Канта, человек принадлежит одновременно миру природы и миру разума. Подобно древнегреческим философам, Кант большое значение придает рациональности и разумности человеческого мышления, дополняя это качество нравственными, природными составляющими. В этом заключается суть нравственно-натуралистического дуализма учения И. Канта. Двойственная человеческая природа, по мнению Канта, приобретает большое значение для хозяйственной жизни, где сталкиваются разнонаправленные векторы, выражающиеся, с одной стороны, в единстве интересов, солидарности и удовлетворении общественных потребностей, а с другой стороны, в приоритете личных интересов и свободе выбора.

И.Г. Фихте, анализируя историю человечества, обратил внимание на пятую стадию развития – «завершенного оправдания и освящения», для которой была характерна высокая степень разумности и рациональности, о которой не раз упоминали философы разных эпох, и которую ставили в основу прогресса. Фихте утверждал, что «...человечество уверенной и

¹ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / пер. с нем. Н.М. Соколова. – Изд. 4-е. – М.: URSS; Ленанд, 2017. – 194 с.

твердой рукой создает из себя точный отпечаток разума»¹. Наряду с экономистами того времени основой совершенствования государства Фихте называл трудовую деятельность человека, которая является инструментом развития государства и гарантом личного блага человека. Именно поэтому Фихте считает задачей государства осуществление экономических функций, которое всегда должно преследовать цель реализации права на существование посредством труда, то есть служить созданию в государстве условий, достойных человека.

Исследуя вопрос труда и степень его важности для развития человечества, еще один классик немецкой философии Гегель² пришел к выводу, что развитие производительных сил и реализация права на труд в государстве ведет к прогрессу, всеобщности и целостности.

Здесь стоит обратить внимание, что Г.В.Ф. Гегель указывает и на последствия движения человечества к всеобщности путем развития производительных сил. Этот процесс приводит к так называемой «отчужденности» человека от мира. Созданная человеком на основании собственной разумности капиталистическая система начинает управлять его жизнью и диктовать свои условия.

Классическая немецкая философия хоть и не напрямую рассматривала экономическое поведение, однако глубокий анализ человеческого бытия и его сущности раскрыл некоторые закономерности индивидуального существования, взаимодействия и социальной реальности. Экстраполируя эти знания на хозяйственную жизнь, мы снова находим определяющую роль человеческой деятельности и труда в развитии общественной системы.

В Новое время в большей степени развивалось теоретическое течение меркантилизма, идеи которого были основаны на приоритете благосостояния государства с учетом активного вмешательства в хозяйственную

¹ Фихте И.Г. Сочинения в 2 томах / сост. и примеч. В. Волжского. – СПб.: Мифрил, 1993. – Т. 2. – 798 с.

² Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Философия истории / пер. с нем.: Густава Шпета, Алексея Водена. – Москва: Эксмо, 2007. – 876 с.

деятельность. Экономическое поведение человека не рассматривалось как инструмент влияния на рынок и жестко регламентировалось.

Позже критики меркантилистской теории, например Уильям Петти¹ (1623–1687), обратили внимание на то, что ценность товара определяется затраченным на его производство трудом. Подобные идеи были реализованы в работах основоположника экономического либерализма Адама Смита², который заявил о главенствующей роли индивида в экономической жизни государства и сформулировал концепцию «экономического человека» (*homo economicus*). Данная концепция представляла индивида как максимально разумного и рационального, принимающего решения на основе соображений выгоды и полезности. Однако известно о так называемой «проблеме Адама Смита», а именно, – о сочетании в его исследованиях эгоистической и неэгоистической мотивации в представлениях об экономическом человеке. Английский философ, исследуя поведение человека, в целом, признавал, что мотивация человеческих действий строится на основе социальных ожиданий окружающих его людей, то есть личные интересы измеряются общественными критериями (Теория нравственных чувств, 1759 г.) При этом Смит уточнял, что такой подход к анализу поведения человека больше подходит для этических исследований, а в рамках экономической сферы он малоприменим, так как личный интерес здесь главенствует. Позиция *laiser-faire*, по мнению Смита, наилучшим образом способствует развитию рынка и свободной конкуренции. В итоге, несмотря на противоречивость взглядов самого А. Смита, в классической экономической теории его ассоциируют, прежде всего, с характеристикой экономического человека как эгоиста, и данная трактовка существует по сей день.

Развитие исследования роли индивида в экономической жизни привели Адама Смита к разработке «доктрины невмешательства»³ государства в экономику (франц. *laissez-faire*), которая была основана на идее исключения

¹ Петти В. Трактат о налогах и сборах; *Verbum sapienti* – слово мудрым; Разное о деньгах. – М.: Ось-89, 1997. – 110 с.

² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.

³ Там же.

государственных органов из процесса принятия решений на рынке и закрепления приоритета за индивидом. Механизм такого влияния основан на рыночной конкуренции, которая создается с помощью внутренней системной гармонии и законов самого рынка, и это позволяет индивидам как части этой единой системы на основе своего неосознанного рационального выбора наилучшим образом влиять на рост личного и государственного благосостояния. Это выразилось и в сути экономического поведения, которое рассматривается как поведение, соответствующее рыночной обстановке, разумное, основанное на стремлении увеличить выгоду и уменьшить потери при реализации данного типа поведения.

Рассмотренная модель «экономического человека», предложенная в рамках классической экономической теории, достаточно хорошо подходила для объяснения капиталистических законов рынка и отражала основные векторы его развития. Однако все неучтенные в рамках данного подхода внеэкономические факторы в действительности оказывают сильнейшее влияние на экономическое поведение и во многом его определяют. При этом стоит отметить, что для науки и общества концепция Смита имела немалое значение, так как вместе с ней пришло признание приоритета человека над государством в социально-экономических взаимодействиях в отличие от идей меркантилизма.

В рамках экономического либерализма изучение экономического поведения и роли индивида на рынке активно продолжалось различными исследователями: Томасом Мальтусом¹ (1766–1834), Давидом Рикардо² (1722–1823), Жаном Батистом Сэй³ (1767–1832), Джоном Стюартом Миллем⁴ (1806–1873). Взгляд на экономическую жизнь представителей либерализма принципиально не отличался от идей Смита и основной характеристикой экономического поведения называли рациональность, которая выражалась в

¹ Мальтус Т.Р. Опыт закона о народонаселении. – Петрозаводск: Петроком, 1993. – 139 с.

² Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное (в 3 т.). – М.: Госполитиздат, 1955. – 539 с.

³ Сэй Ж.Б. Трактат по политической экономии / вступ. ст. и коммент., сост. М.К. Бункина и А.М. Семенова. – М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации: Дело, 2000. – 229 с.

⁴ Милль Дж. О свободе / пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. – 1993. – № 11. – С. 10-15.

механистическом стремлении к максимизации прибыли и минимизации затрат. На один из факторов этого процесса, а конкретно на минимизацию затрат, большее внимание обратил Давид Рикардо в своей теории оптимального сочетания факторов производства (труда, земли и капитала). Именно минимизация сравнительных издержек лежит в основе прогресса и процветания государства. Однако существенных изменений в отношении анализа сущности экономического поведения сделано не было.

Изучением экономической сферы жизни и экономического поведения занимался К. Маркс¹. В своей теории экономическое поведение он рассматривал с точки зрения функционального значения и утверждал, что оно направлено на регулирование сотрудничества производительных сил и производственных отношений в обществе. Личный вклад Маркса заключается в определении независимой переменной – способа экономического производства². Взаимодетерминация экономического поведения человека и целостности общества, по Марксу, обусловлена тесной взаимосвязью различных компонентов в жизни общества. Экономическая переменная в более ранних его работах являлась самой приоритетной, а в более поздних – становится в один ряд с другими факторами, оставаясь, однако, первой в этом ряду. Понимание Марксом высочайшей роли экономического фактора в развитии общества и в наши дни является актуальным и правомерным, что находит подтверждение в реалиях сегодняшнего дня. Функциональное значение экономического фактора, сформулированное Марксом, и сегодня выходит далеко за рамки производственных отношений, становясь частью повседневных неэкономических практик.

Экономическое поведение в дальнейшем рассматривали в рамках различных теоретических течений. Для более точных расчетов и прогнозирования поведения индивида на рынке в рамках маржинализма А.

¹ Маркс К. Капитал: к критике политической экономии. – М.: Эксмо, 2017. – Т.1. – 1202 с.

² Козер Л.А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте / пер. с англ. Т.И. Шумиловой; под ред. д-ра. филос. наук, проф. И.Б. Орловой. – М.: Норма, 2006. – С. 118.

Маршалл¹, У.С. Джевонс², Л. Вальрас³ занимались математизацией исследований хозяйствующих субъектов. Данные исследования только подтвердили более ранние научные изыскания по поводу рациональности как основы экономического поведения.

Параллельно с маржиналистами основатель австрийской экономической школы К. Менгер⁴ сформулировал свою теорию предельной полезности, которая представлена у него в виде сущностного продолжения концепции человеческой деятельности как динамического процесса⁵. Такой вариант теории принципиально отличался от математической модели Вальраса и Джевонса и выводил ученого в совершенно другую плоскость исследования. Основанием для формулировки теории полезности стал субъективный подход, который впервые в истории экономической теории центром изучения сделал человека и его поведение, действия и намерения.

Установленные Менгером принципы позволяли рассматривать действующего субъекта первопричиной и источником социального прогресса. В рамках субъективизма процесс институционализации социальной системы описывается как неконтролируемый, но протекающий на основании стандартизации определенных моделей человеческого поведения⁶. С точки зрения Менгера, модель поведения человека начиналась с постановки цели, с которой индивид связывает свою субъективную ценность и, ориентируясь на нее, действует по продуманной схеме, которая была обусловлена ценностью поставленной цели. Из этого следует, что полезность средств зависит от субъективной ценности цели. В итоге Менгер приходит к выводу, что сформулированный закон предельной полезности основан на человеческой деятельности.

¹ Маршалл А. Принципы экономической науки. – М.: Директ-медиа, 2012. – 2127 с.

² Джевонс У. Политическая экономия: монография. – СПб.: Народная польза, 1905. – 121 с.

³ Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. – М.: Изограф, 2000. – 448 с.

⁴ Менгер К. Основания политической экономии. Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2008. – 434 с.

⁵ Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество. – Челябинск: Социум, 2007. – 202 с.

⁶ Менгер К. Указ. соч.

Представитель австрийской школы Л. Мизес¹ тоже развивает идеи субъективизма и приходит к выводу, что экономика изучает не только цифры и неодушевлённые предметы, а в первую очередь – поведение людей, их внутреннюю мотивацию к действиям, их потребности и культуру². Рассматривая действующего индивида, Мизес говорит об идеальной конструкции экономики, которая представляет собой прежде всего свободный рынок. При этом он свободен не только как пространство самореализации индивидов, но и как самостоятельная структура без чуждых составляющих.

В итоге можно констатировать, что австрийская школа воплотила долгий путь экономической науки к субъекту и индивидуальному действию, тем самым представив человека как живой действующий конструкт, обладающий противоречивыми характеристиками и составляющими, которые в итоге складываются в целостную движущую творческую единицу.

Немаловажное значение для науки имело также исследование экономического поведения в рамках институциональной теории, которая предложила новый взгляд на экономическое поведение индивида и процесс принятия им решений на рынке. В рамках институциональной теории Т. Веблен³ исследовал поведение «праздного класса» и выявил, что для данной социальной категории характерно так называемое «показное», или «демонстративное», потребление, которое направлено на демонстрацию высокого достатка и социального статуса. Так называемый «эффект Веблена», как ни странно, имел отношение не только к представителям высших слоев населения, но также оказывал влияние и на низшие слои. Инструмент «демонстративного потребления» подталкивает индивидов с помощью дорогих товаров и услуг «приближаться» к высшим слоям и создавать впечатление более широких, по отношению к реальным, экономических возможностей. Данное исследование пошатнуло основы

¹ Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / пер. с англ. А.В. Куряев. – Челябинск: Социум, 2012. – 875 с.

² Там же.

³ Веблен Т.Б. Теория праздного класса / пер. С. Сорокина. – М.: Либроком, 2011. – 368 с.

теоретической модели «экономического человека», который, как оказалось, в реальности не всегда поступает рационально и исходит только из соображений выгоды и полезности.

Развитием данной идеи занимался У.К. Митчелл¹, который на основе сформулированных Дж.Р. Коммонсом принципов институциональной экономики (закономерности, «экономические циклы»)² пришел к выводу, что на поведение людей оказывают влияние не только экономические факторы. Он считал, что немаловажное значение при принятии решений для экономических агентов играет психологическая мотивация и денежный фактор. В результате исследований в рамках институциональной теории появилось понятие «ограниченной рациональности», которая изменила взгляд на процесс принятия решения реальным индивидом и признала ограниченность познавательных способностей человека³. Как оказалось, индивид в поведении на рынке не придерживается принципа максимизации, а большую роль для него играет критерий удовлетворительности. Институциональное направление позволило пошатнуть и опровергнуть теоретическую конструкцию «экономического человека» и наполнить экономическую теорию реальным смыслом.

Представители кейнсианской теории Дж.М. Кейнс⁴, Дж. Хикс⁵, Э. Хансен⁶ в основе процессов регулирования рынка и поведения экономических агентов видели решающую роль государства и отмечали, что значение такого вмешательства особенно возрастает в условиях социально-экономических кризисов. Дж.М. Кейнс занимался исследованием экономического поведения и также отмечал его рациональность, однако понимание самой рациональности отличалось от других теоретических

¹ Митчелл У.К. Экономические циклы. Проблема и ее постановка / пер. с англ. Е.Д. Кондратьевой, О.Е. Пряхиной и В.Э. Шпринка; вступ. ст. А.Г. Герценштейна. Проблема капиталистического цикла. – М.; Л.: Государственное издательство, 1930. – 503 с.

² Коммонс Дж. Институциональная экономика // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2007. – Т. 5. – № 4. – С. 59-70.

³ Саймон Г.А. Рациональность как процесс и продукт мышления / пер. с англ. К.Б. Козловой и М.А. Бланко // Thesis. – 1993. – Вып. 3. – С. 16-38.

⁴ Кейнс Дж.М. Указ. соч.

⁵ Хикс Дж. Стоимость и капитал. – М.: Прогресс, 1993. – 488 с.

⁶ Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. – М: Финансовая Академия, 2008 – 466 с.

подходов. Акцент делался не на поведении отдельного индивида на рынке, а на соотношении спроса и предложения, что впоследствии привело к появлению понятий предельной склонности к сбережениям и предельной склонности к потреблению. Поэтому рациональность Дж.М. Кейнсом понималась более широко и не имела прямого отношения к максимизации личной выгоды. Подобное понимание позволило выявить, что при воздействии на экономическое поведение дополнительных факторов, таких как, например, экономический кризис, недостаток информации о ситуации на рынке или другие психологические факторы, рациональность может принимать иные качественные формы, вплоть до иррациональности¹. Кейнс указывал, что значимая часть экономической деятельности стимулируется иррациональным началом («*animal spirits*») из-за чувства неустранимой неопределенности индивидов в отношении будущего, и был уверен, что иррациональное является основой экономической неустойчивости².

Появление в рамках кейнсианской теории расширенного понимания рациональности, которая при определенных условиях трансформируется в иррациональность, наилучшим образом объяснило непоследовательность реальных экономических практик индивида. Однако новое понимание особенностей экономического поведения индивида не привело к определению ему главенствующей роли на рынке в отличие от государства.

В рамках неоклассического подхода, авторами которого выступили Р. Солоу³, П. Самуэльсон⁴, Н. Калдор⁵, Р. Харрод⁶, теоретическая модель экономического человека как максимизатора полезности выступила основой исследований. Философским основанием неоклассической теории выступил принцип классического либерализма, согласно которому человек служит

¹ Кейнс Дж.М. Указ. соч.

² Холопов А.В. Общая теория Дж.М. Кейнса: взгляд 80 лет спустя // Вестник МГИМО. – 2016. – № 3 (48). – С. 163-171.

³ Солоу Р.М. Лауреаты Нобелевской премии по экономике: автобиографии, лекции, комментарии. – СПб.: Наука, 2009. – Т. 2. – С. 107-124.

⁴ Самуэльсон П. Экономика: с 2 т. – М.: Алгон; ВНИИСИ «Машиностроение», 1994. – 740 с.

⁵ Философия экономики: антология / под ред. Дэниела Хаусмана; пер. с англ. Н. Автономовой и др. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. – С. 265-268.

⁶ Харрод Р. Теория экономической динамики / пер. с англ. В.Е. Маневича; Российская акад. наук, Центральный экономико-мат. ин-т. – М.: ЦЭМИ РАН, 2008. – 209 с.

высшим судьей самому себе и является последней инстанцией в оценке своего благосостояния. На основании данного подхода главным объектом экономических исследований выступило экономическое поведение хозяйствующего субъекта.

Неоклассическая теория по результатам проведенных исследований выделила четыре типа экономического человека: потребитель, производитель, продавец, покупатель. Указанные типы экономического человека, с точки зрения неоклассической теории, в условиях рынка представляют собой автономных экономических агентов, действующих сугубо в рамках заявленной траектории. Такой консервативный взгляд на типы экономического поведения распространился в дальнейшем и на представления о рациональности поведения. Неоклассическая теория закрепляет постоянство внешних и внутренних составляющих выбора при реализации экономического поведения, отрицая непостоянство среды, в которой действует реальный индивид. Г. Беккер¹ как один из авторов этой идеи позиционировал ее как универсальную и стремился применить ее не только в рамках экономической сферы общества, но и распространить ее на области жизнедеятельности, не имеющие отношение к экономике.

Противоположный взгляд на возможности индивида и степень его независимости продемонстрировали представители неоинституционализма (Р. Коуз, О. Уильямсон, Д. Норт)², в рамках которого был использован принцип методологического индивидуализма. Данный подход отдал приоритет системе предпочтений, интересов и потребностей индивида, посредством которой осуществляется дальнейший анализ общественных институтов и роли индивида в них³. Исследователями особое внимание было уделено мотивации экономического поведения как основания принятия

¹ Беккер Гэри С. Человеческое поведение: экономический подход. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 336 с.

² Коуз Р. Фирма, рынок и право; пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2007. – 224 с.; Уильямсон О.И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS. – 1993. – Т. 1. Вып. 3. – С. 39–49.; Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги Начала, 1997. – 180 с.

³ Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли: пер. с англ. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – С. 11, 33.

экономических решений. Снова была использована идея ограниченной рациональности как фактора одномерности человеческого восприятия.

В дальнейшем идея «ограниченной рациональности» была дополнена исследованием «оппортунистического поведения», изучением которого занимался О. Уильямсон¹. И это позволило более полно взглянуть на процесс принятия решения индивидом и максимизацию полезности и выгоды. Суть данного подхода заключается в том, что индивиды, следуя исключительно своим интересам, ведут себя «оппортунистически», то есть нарушая установленные правила. Большое значение в обществе играют установленные нормы и правила, а также система социальных институтов их реализующая, как гарант того, что индивиды будут поступать в рамках установленных правил. Как отмечает О. Уильямсон, социальные институты необходимы ограниченно разумным существам небезупречной нравственности.

Теория «ограниченной рациональности» хоть и оспорила базовые основы модели «экономического поведения», но при этом подвергла сомнению возможности человеческого интеллекта и моральные характеристики человека, что выглядит весьма спорным, так как подобное мнение невозможно считать универсальным для всех индивидов.

Интересной теорией, которая обычно описывается как третий этап развития австрийской школы субъективизации экономической теории, выступила теория радикального субъективизма (один из вариантов посткейнсианства), автором которой явился Шэккл². Модель экономического человека Шэккла основана на полном отрицании объективной реальности и на признании только своей собственной мысленной реальности. Схема экономического поведения в теории радикального субъективизма построена на «свободе незнания» настоящего и будущего состояния индивида. Подобная неопределенность создается не только самим индивидом, но и

¹ Уильямсон О.И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS. – 1993. – Т. 1. Вып. 3. – С. 39-49.

² Shackle G.L.S. The Bounds of Unknowledge. In J. Wiseman (ed), Beyond positive economics. – N.-Y.: St. Martin's Press, 1983.

окружающими его людьми, которые так же действуют в условиях «незнания». По мнению Шэкля, выбор экономического субъекта появляется из ничего и это в чистом виде творческий процесс. Однако теория Шекла имеет очевидные недостатки, которые проявляют себя при анализе социальной действительности, которая на деле ограничивает действия человека и его творческие проявления внешними воздействиями.

Поведенческая экономическая теория в лице Г. Саймона¹, Х. Лейбенштейна², Р. Сайерт, Дж. Мерча³ во многом по аналогии с институциональной теорией признает ограниченную рациональность экономического поведения хозяйствующих субъектов. Авторы предполагают, что рациональность может быть ограничена недостатком информации и ограниченными познавательными способностями индивидов. Но в рамках поведенческой экономической теории, несмотря на указанные ограничивающие факторы, экономические субъекты способны активно влиять на рынок и институциональную систему⁴.

Г. Саймон предложил выстраивать анализ процесса принятия решения на основе двух функций – функции поиска и функции принятия удовлетворительного варианта (*satisficing*). Сам процесс поиска правильного решения происходит в пределах нахождения первого подходящего (удовлетворительного) варианта⁵. Таким образом? данный подход отрицает модель «экономического человека», в рамках которой поиск оптимального решения происходит из множества подходящих. Приемлемость или неприемлемость варианта Саймон определяет с помощью заимствованной из психологической науки категории «уровень притязаний», разработанной Куртом Левиным⁶.

¹ Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления... С. 16-38.

² Теория потребительского поведения и спроса / сост. и общ. ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 1993. – С. 304-327.

³ Сайерт Р., Марч Дж. Поведенческая теория фирмы. – 2-е изд. – Cambridge: Wiley-Blackwell, 1992. – 268 с.

⁴ Автономов В.С., Белянин А.В. Поведенческие институты рыночной экономики: к постановке проблемы // Общественные науки и современность. – 2011. – № 2. – С. 112-130.

⁵ Теория фирмы / под. ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 1995. – С. 54-72.

⁶ Левин К. и др. Уровень притязаний. Вып. 2. – Субъект деятельности: Общая психология: сб. текстов. – М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 1998. – С. 45-67.

Подобные рассуждения можно найти и в модели «инерционного поведения» американского экономиста Роналда Хайнера¹. По его мнению, индивиды, действующие в условиях реального рынка, располагают заранее готовым шаблонным набором правил поведения и решений, которые помогают им реагировать на различные часто встречающиеся ситуации или принимать решения в условиях неопределенности. Хайнеру² удалось установить, что быстрые готовые шаблонные варианты действий в условиях реального рынка чаще всего оказываются более выгодными, чем долгий расчет и максимизация полезности. Исследование «инерционного поведения» позволило вывести формулу универсального условия надежности, которая включает в себя как выгодность принятия решения, так и его вероятность³.

Установленные закономерности поведения хозяйствующих индивидов можно найти в различных экономических культурах, и выбор определенного решения чаще всего будет зависеть именно от сложившейся системы норм поведения в условиях заданного рынка или общества.

Продолжение идей поведенческой теории и модели «инерционного поведения» активно развивалось в рамках экспериментального исследования, предпринятого Дж. Харшаньи и Р. Зельтенем⁴. Им удалось установить, что указание на возможные ошибки при принятии экономических решений не ведет к изменению поведению индивидов. Это основано на идее «ограниченной рациональности», и одним из основных факторов, воздействующих на экономическое поведение, считается мотивация. В результате была разработана трехуровневая модель принятия решений. При этом стоит отметить, что, принимаемые индивидом решения могут отличаться от уровня к уровню⁵ и человек не обязательно должен долго

¹ Heiner R. The origin of predictable behavior // Amer. Econ. Rev. – 1983. – № 4. – P. 560-593.

² Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории: (Очерк истории западной экономической жизни) / Рос. АН, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Наука, 1993. – 174 с.

³ Негруль (Михайлова) В.В. Онтологические основания экономического поведения личности... С. 133-143.

⁴ Харшаньи Дж., Зельтен Р. Общая теория выбора равновесия в играх / Пер. с англ. Ю.М. Донца и др.; предисл. Л.А. Петросяна. – СПб.: Экон. шк., 2001. – 405 с.

⁵ Лисин А.И. Идеальное: Общая теория идеальности материи. – М.: Издательство Икар, 2012. – 808 с.

подбирать наиболее оптимальный вариант решения проблемы. В реальности чаще всего индивид выбирает наипростейший вариант, к которому он привык, также он может подключить воображение или использовать все три уровня¹. Важно отметить, что данное исследование полностью отрицает рациональность выбора, так как выбор действия осуществляется не на основе мышления, а на основе неосознанной мотивации. Аналогичные рассуждения о неосознанности мотивации также можно встретить у Кейнса в его понятии «*animal spirits*»².

Представитель поведенческой экономической теории Харви Лейбенштейн³ предложил идею «переменной рациональности». Автор считал, что степень рациональности экономического поведения зависит от двух обстоятельств. В первую очередь, на поведение оказывает влияние физиологический фактор, который выражается в виде инстинкта самосохранения, экономии энергии, и в минимальной рациональности. Вторым фактором, влияющим на поведение, является социальная природа человека, система институциональных правил и норм, которые увеличивают степень рациональности при принятии решений. Таким образом, в процессе принятия индивидом решений происходит столкновение указанных полярных факторов. В итоге в реальности индивид склонен к принятию решения, которое носит характер оптимального в достаточной для индивида степени рациональности. Достигнутый компромисс вовсе не отражает максимальной степени рациональности и результативности.

Французский исследователь в области экономической психологии Пьер-Луи Рейно⁴ также сосредоточил свое внимание на степени затрат, которые человек использует при реализации экономического поведения. Экономическое поведение разделяется с учетом затрат умственной энергии

¹ Лисин А.И. Идеальное: Общая теория идеальности материи. – М.: Издательство Икар, 2012. – 808 с.

² Кейнс Дж.М. Указ соч.

³ Лейбенштейн Х. Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательского спроса // Теория потребительского поведения и спроса / сост. и общ. ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 1993. – С. 304-327.

⁴ Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории: (Очерк истории западной экономической жизни) / Рос. АН, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Наука, 1993. – 174 с.

на следующие типы: осознанное; рациональное; полностью неосознанное поведение; квазирациональное поведение. С точки зрения Рейно, квазирациональное поведение может проявлять себя в разных формах, носить характер «не всегда осознанного поведения» типичного для предпринимателей, и форму «эпизодически осознанного поведения», характерного для потребителей¹.

Указанные условия формирования экономического выбора подтверждают мысль, что экономическое поведение представляет собой не однолинейный процесс, а сложноустроенный, многоуровневый целостный механизм, существующий относительно конкретной социальной ситуации и воздействующих на него факторов.

Важным аспектом изучения рациональности экономического поведения является фактор ограниченности информации, который упоминается во многих научных подходах, в особенности в рамках исследования «ограниченной рациональности». Неоавстрийская школа в лице Ф. Хайека² предложила концепцию неявного и рассеянного знания. Хайек утверждал, что все знания, которыми обладает человек, не ограничены только осознанными компонентами. Важное место в этой системе занимает пласт неосознанных практик, привычек, стереотипных установок и комплексов, определяющих поведение человека. Подобные знания зачастую не имеют отношения к реальности и носят характер заблуждений и мифов. Однако рыночная система использует все виды знаний, которыми обладает человек, и формирует на основе совокупности получаемых знаний систему цен, влияющую на всех участников рынка. Именно поэтому Хайек указывает на, что активное вмешательство государства в рыночную систему приводит к обратному негативному результату³.

¹ Жданов Д.А. «Человек экономический» – взгляды и подходы // Журнал экономической теории. – 2014. – № 3. – С. 106-115; С. 110.

² Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок / пер. с англ. О.А. Дмитриевой; под ред. Р.И. Капелюшникова. – Челябинск: Социум, 2011. – 392 с.

³ Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество... С. 111–138.

Описанный обратный эффект свидетельствует, что целостность экономического поведения может быть реализована только в условиях достаточной свободы индивида и возможности проявлять свою индивидуальность в экономических действиях. Такой принцип существования становится основой для стабильного развития рыночной системы.

Свобода индивидуального экономического выбора является предметом обсуждений как классического экономического либерализма, так и неолиберализма, известного также под названием рыночного фундаментализма. И если классический либерализм призван обосновать идею невмешательства государства в дела рынка, то представители неолиберализма (Р. Манделл, М.Флеминг, А. Рюстов и их последователи)¹ видели главной задачей государства и «мирового сообщества» обеспечение и поддержание такого невмешательства. Идея свободы принимает диверсифицированный характер и трансформируется в идею рыночной свободы, которая становится абсолютным приоритетом социального развития. В сухом остатке отрицание национального государства, во-первых, ведет к отрицанию государства как института, а во-вторых, заменяет государственную власть «менеджерами».

Дж. Сорос как один из современных идеологов неолиберализма говорит, что современный рынок основан на принципах конкуренции и любое нарушение и ограничение реализации данного принципа ведет к дисфункции системы. Задача государства – охрана и гарантия рыночной свободы. Такой подход получил название *рыночного фундаментализма*².

¹ Манделл Р. Теория оптимальных валютных зон // Евро – дитя Манделла? Теория оптимальных валютных зон: сб. ст. : пер. с англ. – М.: Дело, 2002. – С. 62-72; Fleming J.M. Domestic Financial Policies under Fixed Exchange Rates // IMF Staff Papers. – 9 (November 1962). – P. 369-379; Рюстов А. Между капитализмом и коммунизмом // Концепция хозяйственного порядка. Учение ордолиберализма / общ. ред. К. Херрманна-Пиллата. – М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1997. – С. 62-114.

² Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности... С. 167.

Гуманистически ориентированная интерпретация экономического поведения ярче всего проявила себя в идеях коммунитаризма¹. По мнению коммунитаристов, социальная справедливость может быть обеспечена таким вектором экономического поведения, в котором актуализируется ориентир на мораль (Ч. Тейлор), «общность и братство», коллективную взаимопомощь (А. Макинтайр), справедливость (М.Дж. Сэндел)².

Наиболее остро проблемы гуманизации экономической жизни представлены в теории наиболее популярного сегодня представителя американского коммунитаризма Амитаи Этциони³. Автор считает, что экономическое рациональное поведение реализуется в рамках того общества, в котором находится индивид и определяется масштабами самой личности. В условиях реальной рыночной системы на экономическое поведение хозяйствующего субъекта оказывают влияние различные группы факторов, в результате, в таких условиях практически становится невозможным реализовать рациональное максимизирующее поведение, направленное только на выгоду.

Изучая мотивацию экономического субъекта, Этциони указывает на двойственность человеческой природы и говорит, что поведение формируется под воздействием как личных интересов, так и общественных норм, и правил. Этциони отмечает, что данный принцип формирования рациональности в поведении индивида будет срабатывать вне зависимости от ситуации и места реализации. Подобные трактовки экономического поведения можно найти как в нравственно-натуралистическом дуализме Канта, так и у представителей немецкой исторической школы. Развивая идею социальной ответственности, А. Этциони подчеркивает, что при выборе

¹ Савченко И.А. Коммунитарная идея и социокультурная практика // Современные исследования социальных проблем. Электронный научный журнал. – 2015. – № 5. – URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/5201310/pdf_133 (дата обращения: 12.06.2017).

² Тейлор Ч. Пересечение целей: Спор между либералами и коммунитаристами // Современный либерализм. – М.: Прогресс-Традиция; Дом интеллектуал. кн., 1998. – С. 227-240; Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали. – М.: Академич. проект, 2000. – С. 59-60; Сэндел М.Дж. Справедливость. Как поступать правильно. – М: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 352 с.

³ Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2004. – 342 с.

средств для достижения целей необходимо учитывать не только рациональные, но и духовные аспекты, которые в не меньшей степени характерны для индивида как члена общества¹.

В (нео)либеральных и коммунитарно-гуманистических концепциях экономического поведения по-разному интерпретируется идея целостности общества. В обществе, где экономическое поведение самоорганизуется в духе «рыночного фундаментализма», важной ценностью является индивидуализм, поэтому целостность общества будет иметь механистический характер. Сегменты такой «общественной машины» не связаны между собой ничем, кроме отношений обмена. Поэтому любые нарушения в экономике (кризисы) нарушают и социальную целостность.

В коммунитарном сообществе целостность носит более естественный характер, поскольку взаимосвязи между сегментами общества скреплены не только и не столько отношениями обмена, но и более глубокими основаниями: этикой, эмпатией, чувством ответственности и справедливости.

Современный взгляд на неолиберализм и «экономического человека» представлен во взглядах французского исследователя К. Лавалья², который обращает внимание на роль рыночной системы в жизни человека и на зависимость индивида от существующей диктатуры капиталистической системы. Ученый оценивает роль субъекта в социальных и экономических процессах как достаточно важную, однако, подчеркивает, что зачастую имеет место слишком общее представление о социальной роли субъекта. В реальности, по мнению К. Лавалья, значение приобретает только личный интерес субъекта – интерес, который навязан извне и контролируется социумом, властью, конкуренцией. При этом «желания» человека не учитываются и не входят в процесс принятия решений, что говорит об отсутствии творчества (искусства) и о невозможности выхода за границы стандартной навязанной схемы поведения. Это возвращает нас к идее о

¹ Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. – СПб.: Экономическая школа, 1998. – 229 с.

² Дардо П., Лаваль К. Неолиберализм и капиталистическая субъективация / Логос. – №1(80). – 2011. – С. 103-117.

вариантах свободного выбора индивидом в условиях либерального рынка и проявлениях интересубъективной кооперации, творческого соучастия в целях гуманизации социума.

В продолжение современных идей гуманизации экономики и роли человека в данном процессе также можно рассмотреть деятельность «Римского клуба», созданного в 1968 г. для изучения перспектив развития биосферы и пропаганды идеи гармонизации отношений человека и природы¹. На сегодняшний момент данной общественной организацией опубликовано более 49 докладов, в которых освещены самые актуальные проблемы современного человечества.

Наибольший резонанс вызвал один из первых докладов клуба «Пределы роста», основной идеей которого стало утверждение, что современный мир достиг наиболее высокого уровня своего развития и увеличение производства возможно без привлечения новых ресурсов и энергии. В связи с этим основная мысль докладчиков была направлена на экономное отношение к уже имеющимся ресурсам. Однако, несмотря на актуализацию очевидных проблем и развитие их в последующих докладах, практически никаких сдвигов в сторону реальных действий со стороны общественности сделано не было. Более того, некоторые высказывания по поводу необходимости сокращения населения Земли, разрушения государственных и национальных границ, создания мирового правительства повлекли за собой огромное количество критики².

При этом в самом клубе многие идеи также подверглись сомнениям. Так, немецкий исследователь в сфере системного анализа Эдуард Пестель в критике доклада «Пределы роста» указывал на несовершенство концепции в

¹ Римский клуб. Официальный сайт. – URL: <http://www.clubofrome.org/> (дата обращения: 10.12.19.)

² Римский клуб. – URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/94749/1/%D0%A0%D0%B8%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%BA%D0%BB%D1%83%D0%B1.pdf> (дата обращения: 15.12.19)

которой не были отражены и описаны реальные параметры существующего мирового устройства, его многообразие и полярность¹.

На основании вышеизложенных положений Римского клуба можно предположить, что, во-первых, необходимо усилить роль индивида в условиях свободного рынка для гармонизации экономической сферы и впоследствии всех сфер жизнедеятельности человека, и, во-вторых, при формировании концепции гуманизации экономики на основе этики и социальной справедливости, стоит учитывать гетерогенность социальной системы, которая основывается на индивидуальности и творчестве.

Анализ рассмотренных теоретических концепций показывает, что качественные экономические трансформации могут быть достигнуты в результате усиления системной целостности и перехода от директивного управления к регулируемой государством рыночной самоорганизации. Важным фактором такого перехода является наличие необходимого количества хозяйствующих субъектов, способных к адаптации к рынку и системным изменениям, к самоорганизации экономического пространства. Успешное развитие рынка может быть основано на создании благоприятной среды и возможностей для экономической деятельности на личностном и институциональном уровнях.

Философский анализ экономического поведения показывает, что рассмотренные в рамках различных теоретических школ условия формирования экономического выбора подтверждают суждение, что экономическое поведение представляет собой не однолинейный процесс, а сложноустроенный, многоуровневый, целостный механизм, существующий относительно конкретной социальной ситуации и воздействующих на него факторов.

Исследование экономической сферы и экономического поведения личности показывает возможность реконструкции целостного и ценностного

¹ Пестель Э. За пределами роста: глобал. пробл. современности и деятельность междунар. орг. Рим. клуб / пер. с англ. Е.В. Нетесовой; общ. ред. и вступ. ст. Д.М. Гвишиани. – М.: Прогресс, 1988. – 268 с.

принципа в отношении индивида и его деятельности. Важным аспектом реализации намеченных позиций в рамках философского подхода к экономическому поведению является гуманизация экономической сферы, наполнение рынка духовным содержанием.

1.3 Онтологические и аксиологические составляющие экономического поведения

Онтологические составляющие экономического поведения могут быть рассмотрены в рамках социальной онтологии, которая включает в себя анализ экономической деятельности, ее функциональной роли в социальной системе.

Исследование всей экономической сферы, ее содержания и специфики в рамках онтологии основано на анализе самых разных теоретических подходов, которые в совокупности могут помочь ответить на основные сущностные вопросы, касающиеся экономического поведения. Основным действующим актором в условиях рынка был и остается субъект, так как без его реального участия вся созданная система остается безжизненной и недееспособной, даже если часть операций берет на себя «безсубъектная» цифровая экономика.

Разработкой теоретических подходов к изучению видов, форм и моделей экономического поведения занимаются многие современные исследователи, среди которых можно отметить В.С. Автономова и А.Е. Шеститко¹. Многие отечественные исследователи (А.А. Юрченко, А.А. Шабунова, И.А. Левандина, Н.В. Ложкина)² в своих работах делают

¹ Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории: (Очерк истории западной экономической жизни) / Рос. АН, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Наука, 1993. – 174 с.; Шеститко А.Е. Модели человека в экономической теории. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 142 с.

² Юрченко А.А. Человек как онтологическое основание экономической реальности: опыт философского анализа: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Магнитогорск: 2006. – 151 с.; Шабунова А.А., Белехова Г.В. Экономическое поведение населения: теоретические аспекты: препринт. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 136 с.; Левандина И.А. «Экономический человек»: концептуальные версии: социально-философский анализ:

акцент на изучении онтологических, эпистемологических и ценностных составляющих¹. При этом стоит отметить, что интегративный подход демонстрирует актуализацию проблемы духовного основания экономического поведения в условиях современного социума и происходящих в нем трансформаций в сфере социального взаимодействия.

Объектом исследования в рамках онтологического подхода, в первую очередь, становятся принципы существования экономической реальности и специфика взаимодействия экономического субъекта с ней.

Экономическая действительность является специфической независимой частью человеческого существования, в основе которой лежит собственная логическая структура и ряд закономерностей, которые нельзя не учитывать. Логика устройства экономической реальности основана на постулатах необходимости и долженствования, которые могут быть реализованы в ситуациях, когда индивид соприкасается с поведением другой личности и это взаимодействие выходит за рамки общепринятых правил и установленных норм. Именно поэтому не все варианты человеческого поведения можно отнести к экономическому, а только те формы, которые включают в себя принцип необходимости².

Онтологический подход позволяет рассмотреть природу экономического поведения, его роль в общественном целом, принципы существования, место и степень влияния на существование социально-экономической системы. Основой для анализа экономического поведения становится бытие, выступающее в качестве универсального свойства, которое определяет особенное и всеобщее в социально-экономической реальности, устанавливает ряд первостепенных взаимосвязей с различными подсистемами общества.

дис. канд. филос. наук: 09.00.11. – Ростов-на-Дону: 2008. – 173 с.; Ложкина Н.В. Философско-антропологические основания экономического подхода к изучению поведения человека: дис. канд. филос. наук: 09.00.13. – Пермь, 2005. – 184 с.

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Онтологические основания экономического поведения личности... С. 133-143.

² Там же. – С. 134.

Онтологические принципы экономического поведения личности определяются в большей степени усилением бессистемных сложноконтролируемых процессов, которые можно наблюдать в различных сферах жизнедеятельности современного социума. При этом наибольшее внимание привлекают к себе нормативные аспекты регулирования экономической сферы. Определенные нарушения, ограниченность и односторонность экономического поведения приводят к дисбалансу системы, нарушают ее целостность и устойчивость существования¹. Однако, несмотря на выделенные факторы в виде социальных конфликтов, отстраненность индивида от трудовой деятельности и социальных ценностей, дисфункциональность можно преодолеть путем ценностных преобразований, перехода к иному содержанию экономической культуры при условии удержания традиционных базисных установок.

В XX веке ученые стали больше внимания уделять социокультурным и культурно-историческим аспектам динамики экономического поведения. Не случайно Д.С. Миль указывал, что экономическое поведение во всех своих проявлениях не может тотально детерминироваться предпосылками экономического характера (например, конкуренцией). Немалую значимость в данном случае имеют коллективные привычки и обычаи².

Британский исследователь Т. Лоусон³ в рамках экономической онтологии обратил внимание на другой фактор познания социальной экономической реальности. Автор утверждал, что необходимо при изучении и формировании теоретических объектов ориентироваться исключительно на реальные объекты и максимально исключать из исследования необоснованные математические расчеты и абстрактность. По его мнению, такой «реализм» может гарантировать большую достоверность и возможность учитывать многосложность социальных систем (экономическая

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Онтологические основания экономического поведения личности... С. 134.

² Миль Дж.С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии / пер. с англ.: В.Б. Бобров и др. – М.: Эксмо, 2007. – С. 309.

³ Лоусон Т. Современная «экономическая теория» в свете реализма // Вопросы экономики. – 2006. – №2. – С. 75-98.

онтология представлена как часть социальной), степень их открытости или закрытости. Однако его взгляды подверглись в конечном итоге серьезной критике, и попытка трансформировать классическую онтологию лишь ограничила возможности познания нового подхода. Поэтому экономическая онтология не может быть лишена какого-либо аспекта познания, в том числе, и абстрактного конструирования исследуемых объектов¹.

В отличие от онтологии экономической теории, которая ориентирована на конкретный анализ объекта, философский подход делает акцент на исследовании сущего как синтезе представлений обо всех вещах, их содержании и природе, материальных и духовных аспектах². С точки зрения философии, наиболее интересными для изучения в экономической сфере становятся содержание, специфика и принципы жизнедеятельности. Онтология экономики является отдельной подсистемой общей онтологии и предопределяет познание и поиск причинноследственных связей в области экономической реальности³.

Исследование сущностных оснований экономического поведения приводит к необходимости получения ответов на ряд вопросов, и первейшим из них является вопрос о том, «что это такое?» и «какую часть экономической сферы оно занимает?». При этом научный поиск в этой сфере в конечном счете влечет за собой потребность в установлении степени его целостности в отношении системы. Ответы на данные вопросы возможно получить при изучении результатов деятельности субъектов социально-экономической реальности и способов их функционирования в условиях рынка. Более глубокое познание экономического поведения включает в себя рассмотрение логики внутренних процессов, принципов взаимодействия составляющих, поиск связи с другими элементами социальной системы и места в ее структуре.

¹ Кошовец О.Б., Фролов И.Э., Чусов А.В. Онтологический анализ отношения теории и реальности в методологии экономической науки / Философия и общество. – №1-2 (76). – 2015. – С. 156-176.

² The Economic World View: Studies in the Ontology of Economics / Edited by U. Mäki. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – P. 7.

³ Негруль (Михайлова) В.В. Онтологические основания экономического поведения личности... С. 133-143.

Экономическое поведение традиционно рассматривается в социально-философских исследованиях с точки зрения человеческой деятельности и деления его на подвиды в зависимости от преобладающих методов и форм взаимодействия с социальной реальностью. Так, различают «человека социологического»¹ и «человека экономического»². Основными различиями в формулировке специфических черт представленных поведенческих моделей становятся мотивация и способы преобразования реальности. В частности, «человека социологического» характеризуют как альтруиста, ориентированного на установленные социальные нормы, без направленности на разумный расчет и индивидуальную выгоду. А «*homo economicus*» представляется независимым, эгоистичным и исключительно рациональным человеком.

Всесторонняя оценка человеческого поведения позволяет получить результаты, характеризующие личностные особенности экономического субъекта, типичные паттерны поведения, познать основное содержание его экономического опыта как части всеобщего и целого. Становится также возможным оценка взаимосвязи полученных результатов с его социально-демографическими и статусными характеристиками.

Однако в процессе анализа становится невозможным четко разъединить и обособить различные типы поведения человека. Провести грань между социальным и экономическим поведением так же сложно, как разграничить подсистемы общественной жизни, в частности, – социальную и экономическую подсистемы. Ситуация взаимопроникновения общественных и поведенческих подсистем обусловлена прочными взаимосвязями, которые на основе единства экономической, социальной и духовной сфер общественной жизнедеятельности образуют целостность³.

При этом стоит отметить, что исследование онтологических оснований всех видов поведения человека приводит к понятию личности, которая

¹ Dahrendorf R. Homo Sociologicus. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2010. – 157 p.

² Смит А. Указ. соч.

³ Негруль (Михайлова) В.В. Онтологические основания экономического поведения личности ... С. 137.

выступает базисом для его реализации и проводником во всех видах социального взаимодействия. Конечным творением деятельности личности является социальная реальность. Однако активная деятельность личности не является однонаправленной и также испытывает на себе обратное воздействие социальной реальности. Это воздействие выражается в создании определенных условий для жизнедеятельности людей, формировании социальных норм и институтов для их контроля, что в итоге предопределяет социальные ожидания в отношении экономического поведения. С точки зрения А.А. Юрченко¹, поскольку сам человек является и субъектом в рамках системы, и представителем самой системы как объект, процесс взаимодействия этих уровней всегда будет основываться на условии разнообразия системы, в которой человек себя сможет реализовать².

Экономическая сфера проявляет свое бытие в двух формах – объективной и intersubъективной. Для объективной формы характерна сложноустроенная структура и высокая степень организации, которая направлена прежде всего на закрепление императивной роли имущественно и властно преобладающего класса. В случае с intersubъективной формой существования формируется концепция мышления индивидов, основанная на определенных правилах и ценностных установках в отношении социальной действительности. Результатом влияния этой концепции становится выбор предпочтительной стратегии поведения.

Intersubъективная форма организации бытия может воздействовать на личность и ее поведение в разных формах³:

1. Для институциональной формы характерно воспроизведение различных культурных норм, традиций, обычаев и других регуляторов с помощью их утверждения, и поддержания.

2. Дискурсивная форма социальной действительности представляет собой единство общественного мнения, стереотипных установок,

¹ Юрченко А.А. Указ. соч.

² Негруль (Михайлова) В.В. Онтологические основания экономического поведения личности... С. 133-143.

³ Ананьин О.И. Онтологические предпосылки экономических теорий. – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 50 с.

формирующих культурные образцы и ментальность в отношении социального взаимодействия, составляя содержание повседневности¹.

На основании различения представленных форм экономической реальности в философской науке сформировались реалистичные и феноменалистические онтологии общественной жизни².

В рамках традиционного научного представления о закономерностях и принципах существования экономической реальности сформировалось мнение об институциональных основах поведения индивидов. Так, например, экономическое поведение предпринимателей и рабочих зависимо от институциональных правил. Именно поэтому такое поведение представляется скорее функциональным, учитывая их особенности³. В такой ситуации принцип поведения экономических субъектов проявляется в рамках заданной экономической реальности, ее правил и встроенной функции конкуренции. При этом стоит обратить внимание на тот факт, что экономическая реальность сама по себе не устанавливает линию поведения индивидов. Здесь срабатывает другой механизм воздействия, который основан на синтезе опыта поколений, их навыков, закрепленных глубоко в сознании человека, и который постоянно соотносится с современной социокультурной реальностью⁴.

Центральные положения действительной картины экономической реальности представлены в учении А. Смита⁵. Важную роль в его научном исследовании сыграло обоснование принципа «невидимой руки», который поддерживал эгоистические устремления всех участников рынка к собственной выгоде. По его мнению, такие устремления индивида не только вредят, но и являются основой роста материального благополучия, то есть ведут к «цели, которая совсем и не входила в его намерения»⁶.

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Онтологические основания экономического поведения личности... С. 133-143.

² Там же. – С. 137-138.

³ Там же. – С. 133-143.

⁴ Там же. – С. 138.

⁵ Смит А. Указ. соч.

⁶ Негруль (Михайлова) В.В. Онтологические основания экономического поведения личности... С. 133-143.

Г. Гегель¹ и К. Маркс² при анализе трудовой деятельности человека, заявляли, что человек не только воссоздает вокруг себя социально-экономическую действительность, но и порождает себя путем творчества и развития. Однако К. Маркс одновременно рассматривал и обратную сторону труда, которая выражалась в отчуждении человека от себя и от других, потере его природной сущности в условиях капиталистического общества. Конкуренция рассматривалась как основной принцип поведения участников капиталистического рынка³.

М. Вебер видел в таких экономических процессах угрозу для духовной составляющей жизни общества и в качестве решения проблемы предлагал обращение к природе поведения индивидов, возвращение к ценностям протестантской этики⁴.

В конечном итоге изучение онтологической составляющей экономического поведения личности позволяет установить, что человек в условиях социально-экономической реальности играет роль и субъекта, и объекта. Современный рынок жестко контролирует и направляет поведение современного человека, которому приходится адаптироваться и принимать стратегию выживания в конкурентных условиях. Выбранная стратегия направлена на решение разно-уровневых задач, начиная с повседневных нужд и заканчивая проблемами становления и развития на рынке, повышения качества образования и профессионализма, личной реализации⁵.

Процесс удовлетворения потребностей человека в условиях современного социума может проходить дисфункционально, и какие-либо ограничения в области социальных потребностей могут приводить, по мнению Г. Маркузе, к формированию «одномерного индивида»⁶. По мнению

¹ Экономические взгляды Гегеля в иенский период // Вопросы философии. – 1956. – № 5. – С. 151-162.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: изд 2-ое. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – Т. 42. – С. 62-63, 81-82.

³ Маркс К. Капитал: критика политической экономии / предисл. Ф. Энгельса. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. – М.: Политиздат, 1983. – 905 с.

⁴ Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем.: М.И. Левина, П.П. Гайденоко, А.Ф. Филиппов. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: РОССПЭН, 2006. – 648 с.

⁵ Негруль (Михайлова) В.В. Онтологические основания экономического поведения личности ... С. 138-139.

⁶ Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: REFL-book, 1994. – 368 с.

автора, данный тип личности не ориентирован на поддержание и сохранение традиционных ценностных установок, а нацелен на удовлетворение эгоистических устремлений в виде получения личной выгоды.

Стоит признать, что для современного экономического поведения характерна одномерность реализации, несмотря на то, что в его содержании сформировано несколько вариантов для реализации своих действий. Некоторые варианты оказываются невозможными в связи с ограниченностью ресурсов для совершения задуманного. Для упрощения принимаемых индивидом решений предполагается подключение социокультурных компонентов действительности. Но современное капиталистическое устройство экономической сферы направлено в обратную сторону и стремится оторваться от заданного вектора культуры. Различные варианты экономического поведения, такие как коррупция и спекуляция, по мнению Дж. Сороса, проявляют себя в сферах традиционно не экономических и пытаются их переустроить по принципу выгоды и полезности.

Роль отдельной личности в становлении экономической реальности рассматривается с противоположных точек зрения. С одной стороны, сформировано мнение, что индивидуальный актор является центральным элементом экономики и определяет ее существование. Однако существует и немало противников этой идеи, настаивающих на том, что роль индивидуального актора хоть и важна, однако он не может воздействовать на экономические процессы и регулировать их¹. Финский исследователь У. Мяки², исследуя экономическое поведение, определил ряд важных его параметров: «нормативная ценность собственного благосостояния актора, включенного в рациональную теорию выбора (Hardin), новый образ восприятия действительности, в основе которого самооценка, вступающая в противоречие с нашей картиной здравого смысла (Pettit), обремененность экономических акторов, являющихся подлинными субъектами, властными

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Онтологические основания экономического поведения личности ... С. 139.

² The Economic World View: Studies in the Ontology of Economics... P. 8.

полномочиями (Davis), влияние веры и риска в условиях неопределенности с позиции онтологии вероятности (Runde)»¹.

В итоге человек как субъект экономического поведения, обладает множеством вариантов для собственного выбора при достижении устремлений. Но при этом свобода этого выбора в реальности сталкивается с естественными экономическими факторами, основанными на частной собственности². Разрешение этого вопроса некоторые мыслители видели в распространении ценностей другого порядка и уровня. К примеру, Соловьев и Булгаков обращались к религии как источнику духовности, но, как показала практика, варианты синтеза оказались малорезультативными³. Попытка М. Вебера возвысить нравственные ценности в экономическом поведении тоже оказалась безуспешной⁴.

Обращение к истокам развития экономической сферы и роли экономического поведения в ее рамках показывает, что в ходе всей человеческой истории (от древней рабовладельческой формы экономического устройства до современного свободного рынка) границы свободы экономического выбора постепенно расширяются. Дж. Сорос по этому поводу утверждает, что в последнее время привилегированные экономические субъекты в условиях мирового экономического кризиса в полной мере понимают важность движения к социальному единству⁵.

Подобные идеи можно найти в более ранних работах Дж. Кейнса, который предложил концепцию идеала новой рациональности, в которой заложены иные варианты сотрудничества предпринимателей с потребителями, основанные на ценностях и принципах общественного блага. Именно такое взаимодействие, по его мнению, может упрочить положение

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Экономическое поведение и целостность общества: параметры взаимной детерминации... С. 58-68.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: изд 2-ое... С. 87-88.

³ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. – соч. в 2 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 1. – 892 с.; Булгаков С.Н. Философия хозяйства / отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 464 с.

⁴ Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем.: М.И. Левина, П.П. Гайденко, А.Ф. Филиппов. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: РОССПЭН, 2006. – 648 с.

⁵ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма: Открытое общество в опасности / пер. с англ. С.К. Умрихиной, М.З. Штернгарца. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 260 с.

экономической сферы¹. Однако на практике данные принципы реализуются довольно неохотно или не реализуются совсем. Современные предприниматели наибольшее внимание уделяют не социальной ответственности, а личному благополучию и стабильности. Дж. Кейнс видел решение этой проблемы в поддержании и сохранении традиционных ценностей, нравственных и моральных основ².

Таким образом, онтологический анализ природы экономического поведения личности демонстрирует, что современный социум пронизан различными противоречиями, в результате чего нарушается его целостность и устойчивость. Вариантом для разрешения этих проблем может выступать насыщение экономического поведения смысловыми элементами нового гуманистического порядка и приближение человека к сути своей природы для удержания собственной целостности, которая включает в себя как личные, так и социальные предпосылки.

Необходимость трансформации экономического поведения и его направленности требует дополнительного исследования *аксиологического аспекта экономического поведения*. В рамках ценностного подхода появляется возможность проследить взаимосвязь различных видов экономического поведения с культурными образцами, ценностями, системой социальных норм и нравственных моральных установок индивида³.

Философский взгляд на проблему ценностей в сфере экономической реальности в большей степени отражен в работах М. Вебера, В.С. Автономова, В.Э. Бойкова, С.А. Дятлова, А.И. Добрынина, Е.Г. Ясина⁴.

¹ Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег... С. 178.

² Там же.

³ Негруль (Михайлова) В.В. Аксиологический аспект философского осмысления экономического поведения... С. 105-113.

⁴ Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем.: М.И. Левина, П.П. Гайденко, А.Ф. Филиппов. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: РОССПЭН, 2006. – 648 с.; Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории: (Очерк истории западной экономической жизни) / Рос. АН, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Наука, 1993. – 174 с.; Бойков В.Э. Человек и рынок. – М.: Луч, 1993. – 55 с.; Дятлов С.А., Марьяненко В.П., Селищев Т.А. Информационно-сетевая экономика: структура, динамика, регулирование: монография. – СПб.: Астерион, 2008. – 416 с.; Экономическая теория / Под ред. А.И. Добрынина, Л.С. Тарасевича, 3-е изд. – СПб.: Изд. СПбГУЭФ, Питер, 2004. – 544 с.; Ясин Е.Г. Исследование культурных ценностей – общее дело социальных наук // Психология. Журнал ВШЭ. – 2008. – № 2. – С. 25-36.

Для того чтобы более предметно разобраться с содержанием аксиологического подхода к анализу экономического поведения, необходимо выделить основные ценностные категории. Современные глобальные аксиологические категории находят свой источник в понятиях «истины, добра и красоты», проявляя в полной мере свой потенциал при формировании жизненных личных, групповых и общественных установок в различных сферах жизнедеятельности. В зависимости от поставленной цели и степени социального взаимодействия в процессе ее достижения рассматриваются следующие виды ценностей: материальные и духовные, инструментальные и терминальные, целерациональные и ценностно-рациональные. Из данной классификации становится понятно, что ценности различного характера несут в себе гетерогенный потенциал для воздействия на поведение человека, который основывается на рациональности поведенческих актов как условиях достижения цели и этической возможности применения методов удовлетворения потребности¹.

Если рассматривать экономические терминальные ценности, то они основаны на категориях материального достатка и процветания, таким образом влияя на поведение человека. Они представляют собой уровень устремлений человека по отношению к возникающим потребностям. Актуальность данного вида ценностей может утрачиваться в результате достижения поставленных целей.

Экономические инструментальные ценности отражают суть противопоставления идеалов справедливости и несправедливости, помогая определить вектор применяемых методов и средств², а также выступают критерием социального взаимодействия. Необходимость существования данного вида ценностей определяется необходимостью повышения уровня мотивации в достижении личных и общественных целей, отражающих порядок, ответственность и безопасность.

¹ Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем.: М.И. Левина, П.П. Гайденоко, А.Ф. Филиппов. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: РОССПЭН, 2006. – 648 с.

² Негруль (Михайлова) В.В. Аксиологический аспект философского осмысления экономического поведения ... С. 106.

При всестороннем социально-философском анализе ценностного содержания и нацеленности экономического поведения необходимо учитывать в качестве условия синтез обязательных составляющих: 1) субъекта, способного выбрать разумное направление для приложения усилий; 2) объекта как части окружающей действительности; 3) эмоционального акта отражающего взаимодействие субъекта и объекта¹.

Представленная структура ценностного содержания начинается с источника целеполагания, который формируется на основе эмоций, мышления, менталитета и этнических особенностей, что в совокупности влияет на вектор реализации экономического поведения личности. Система ценностей включает в себя комплекс противоположных явлений, которые в сочетании дают возможность рассматривать разумные и интуитивные предпосылки восприятию действительности. Такая форма устройства ценностей становится базисом для возникновения и реализации человеческих интересов, мотивации и способов продвижения и использования определенных методов на пути к достижению поставленных целей в зависимости от внутренних потребностей².

Ценности устанавливают ориентиры глобального прогресса, личного поведения, мотивацию, в том числе и в экономической сфере. А. Маршалл предложил классифицировать мотивы экономического поведения и расположить их в определенном порядке. Автор выделяет эгоистические и альтруистические мотивы. Для эгоистического мотива характерно тяготение к получению личной выгоды, страх бедности, перспективы оплаты, опасение санкций, стремление к социальному одобрению, избегание унижений. Также в эту категорию мотивов включается интерес к трудовой деятельности. К ресурсам альтруистических мотивов А. Маршалл относит социальную ответственность и мораль³.

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Аксиологический аспект философского осмысления экономического поведения ... С. 106.

² Там же. – С. 105.

³ Маршалл А. Принципы экономической науки ... С. 228.

В условиях современной социальной реальности чаще всего мы сталкиваемся с преобладающей ролью эгоистических устремлений при достижении целей и удовлетворении потребностей личности. Лидирующая позиция материального базируется на сущностных характеристиках и витальных потребностях, которые определяют вектор жизнедеятельности и место индивида в социальной структуре. При этом фактор обладания властью играет немаловажную роль при достижении материальных, социальных и духовных потребностей.

Из этого следует, что ценности проникают в суть и мотивацию поведенческой активности индивида и определяют разумный выбор действий и направление приложения усилий. Все это говорит, что ценности являются элементом экономического сознания, которое позволяет ориентироваться в условиях экономической реальности и налаживать взаимодействие с другими акторами рынка. В связи с этим сумма терминальных и инструментальных ценностей, представляющих собой продукт активности, устанавливает степень развития культуры, человечности и соразмерности с мировоззренческими установками¹.

Поэтому актуальность приобретает гуманистическая сторона развития экономической реальности, в рамках которой наблюдается упадок и разрушение человеческого социокультурного и духовного содержания. Наблюдается разрушение ценностных основ личности, представленных в понятиях доброты, эмпатии, справедливости. Подход к взаимодействию на личном и групповом уровнях видоизменяется и проявляется эффект «двойных стандартов», который основан на интересах выгоды и расчета и проникает во все виды социального взаимодействия. Многие исследователи в области экономики и философии, такие как М. Фридман, Ф. Хайек и Л.

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Аксиологический аспект философского осмысления экономического поведения ... С. 107.

Мизес¹, считают это явление опасным источником политической и экономической экспансии, направленной на ограничение свобод личности.

По мнению Л.А. Микешиной², в социальной эпистемологии аксиологический аспект рассматривается в рамках развития общественного целого и «таких альтернативных начал, как универсальное и конкретное, коллективное и индивидуальное, отвергнуть или признать необходимым “присутствие разума” в объективном мире общества»³. Центральным социально-философским вопросом становится поиск максимально точных «человекообразных» характеристик с использованием общих понятий глобального аксиологического пространства индивида⁴. С точки зрения В.С. Кравеца, в рамках ценностного анализа объекта материального мира приобретает значение вероятность допуска его в жизненное пространство и культурную среду. При этом, по мнению автора, главным действующим лицом в системе ценностей выступает человек со всеми его чувственными и познавательными потенциалами⁵.

Н.А. Бердяев в более ранних исследованиях затрагивал вопросы, связанные со смыслообразующими человеческими ценностями и утверждал, что центральное место в ценностной иерархии должны занимать традиционные категории духовности, трудовой деятельности, отчизны и патриотизма⁶. При этом, по мнению автора, консюмеризм порождает бедность, и мир материальных вещей не может конкурировать с духовной сферой и отвергать ее. Основные элементы материального мира, такие как

¹ Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать: наша позиция: пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2007. – 356 с.; Хайек, Ф. Индивидуализм и экономический порядок / пер. с англ. О.А. Дмитриевой. – 2-е изд. – М.; Челябинск: Социум, 2020. – 424 с.; Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / пер. с англ. А.В. Куряев. – Челябинск: Социум, 2012. – 875 с.

² Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – С. 336.

³ Негруль (Михайлова) В.В. Аксиологический аспект философского осмысления экономического поведения ... С. 107-108.

⁴ Там же.

⁵ Кравец А.С. Субъективная форма бытия ценностей // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2012. – № 2. – С. 71.

⁶ Русская философия собственности, XVIII-XX: сборник / Авт.-сост. К. Исупов, И. Савкин. – СПб.: Ганза, 1993. – 510 с.

порядок трудовой деятельности, структура труда и его результативность, напрямую связаны с духовным миром и его содержанием¹.

По мнению М. Вебера, тяготение людей к получению максимальной прибыли характерно для многих социальных групп различного уровня, в особенности в благоприятных для этого условиях². При этом хозяйственная деятельность, с точки зрения автора, основана на балансе прибыли и расходов. В этом случае подключается механизм рационализации правовых и экономических факторов, в зависимости от умений и предпочтений человека.

Ценностные установки занимают центральную позицию в культуре и менталитете, оказывая при этом определяющее влияние на образование и реализацию экономического поведения. В менталитете утверждены традиционные, устойчивые национальные, территориальные и религиозные смыслы интерпретации окружающей действительности.

Понятие менталитета в словаре современной западной философии раскрывается как «сущностная ступень группового и личностного мышления и бессознательного, которое проявляется в готовых шаблонах и формах восприятия с точки зрения индивида или группы». Менталитет образует свое наполнение в зависимости от установленных систем традиций, культуры, социальной среды и всех сфер существования человека – и впоследствии сам же и определяет и создает сознание³.

В отношении менталитета иногда складывается определенная установка, в соответствие с которой менталитету относят традиционные ценности и архаичные стереотипные установки экономического мышления. Это делается с целью объяснения причин негативных процессов в обществе и упоминания «недостаточной активности» населения⁴. При этом, по мнению Н.И. Василюка, исследование ментальных особенностей экономического

¹ Русская философия собственности, XVIII-XX: сборник / Авт.-сост. К. Исупов, И. Савкин. – СПб.: Ганза, 1993. – 510 с.

² Вебер М. Избранное. Образ общества ... С. 46-47.

³ Современная западная философия: словарь / сост.: Малахов В.С., Филатов В.П. – М.: Политиздат, 1991. – С. 176.

⁴ Василюк Н.И. Социально-аксиологическая мотивация экономического поведения россиян: автореф. дис. канд. соц. наук: спец. 22.00.03. – Новочеркасск, 2005. – С. 9.

поведения дает возможность рассмотреть не только устаревшие формы мышления, но и новейшие параметры экономического поведения. Новые параметры проявляются в способности ценностной адаптации в условиях рыночных трансформаций. Современное состояние рынка проявляется в сосуществовании и проявлении как ценностей советского периода и натурального хозяйствования, так и современных ценностных установок¹.

В настоящее время изучение социально-экономических стратегий адаптации демонстрирует расхождение реализации индивидами выбранной модели поведения и уровня адаптации к новым условиям деятельности. Так, у индивидов с более благополучным материальным положением отмечается преобладание ценностей упорства в процессе деятельности и материального достатка. А для представителей альтернативных моделей экономического поведения специфичны ценности традиционной культуры: справедливость, коллективизм, патернализм².

Различия в формировании моделей экономического поведения и специфики хозяйственной деятельности зависят от того, какая система ценностей на данный момент является определяющей в обществе. Нарушения и расстройство ценностных установок объясняются в российских исследованиях как недостаток универсальных идеальных образов и социальной платформы для продвижения, распространения и утверждения, новых правил и взглядов в сознании людей³.

Исследование особенностей экономической ментальности в регионах Восточной Европы, проведенное П. Штомпкой, продемонстрировало, что основной преградой на пути трансформации рыночной системы стал синдром «социалистической ментальности»⁴. По мнению Б.И. Успенского,

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Аксиологический аспект философского осмысления экономического поведения ... С. 109.

² Бондаренко О.В. Ценностно-аксиологические факторы выбора моделей экономического поведения // Вестник ЮРГТУ (НИИ). – 2008. – № 1. – С. 41-44.

³ Принцип целостности в понимании социальной реальности (аксиологический аспект) / под ред. д-ра филос. наук, проф. Л.П. Станкевича. – Липецк: ЛГТУ, 2010. – 110 с.

⁴ Штомпка П. Социология социальных изменений: пер. с англ. / под ред. В.А. Ядова; Ин-т «Открытое общество». – М.: Аспект-пресс, 1996. – 414 с.

отличительной характеристикой русского мира является ярко выраженная ценностная контрастность¹.

Немаловажное значение для ценностных ориентаций приобретает экономическая культура, которая располагает необходимым набором официальных и неофициальных инструментов для фильтрации и трансляции будущим поколениям определенных ценностей. Основной целью этого процесса выступает распространение моральных норм и образцов, направленных на сохранение и лучшую организацию процесса труда, потребления, размещения материальных благ и побуждения адекватного экономического поведения. Следует обратить внимание на то, что степень активности экономических агентов тесно связана с уровнем обладания информацией о содержании и нацеленности коллективной работы, а также согласием с личными и общественными ценностями, спецификой чувственных реакций в отношении этого согласия².

В условиях эволюции рыночной экономики происходит ряд институциональных трансформаций, которые порождают череду сложностей. Конструкция убеждений и ценностей экономической культуры, основанная на опыте предыдущих поколений, не в состоянии оказать воздействие при разрешении сложностей современности³.

В науке на данный момент не сложилась единая точка зрения о соотношении поведения индивида и его ценностных устремлений, так как данная взаимосвязь не обоснована в рамках прикладного исследования. Л.К. Григорян⁴ в рамках социологического подхода выделяет две преобладающие ценностные траектории экономического поведения:

¹ Успенский Б.А. Избранные труды: в 3 т. / 2-е изд., испр. и перераб. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Шк. «Языки рус. Культуры», 1996. – С. 220.

² Негруль (Михайлова) В.В. Аксиологический аспект философского осмысления экономического поведения ... С. 110.

³ Авдей О.В. Экономическая культура как фактор экономической социализации // Социальные факторы инновационного развития экономики: сб. науч. ст. / редкол.: И.В.Новикова [и др.]. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2011. – С. 87.

⁴ Григорян Л.К. Соотношение ценностей и моделей экономического поведения: межконфессиональный анализ // Ценности культуры и модели экономического поведения: научная монография / под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. – М.: Спутник+, 2011. – С. 166-184.

1. Экономически-прогрессивное поведение. Оно нацелено на реальные экономические достижения, разумное потребление и отношения взаимовыгодного сотрудничества. В экономическом поведении данного типа реализуются мотивы достижения и власти, экономической свободы и партнерской благожелательности;

2. Экономически-регрессивное поведение. Оно определяется традицией, экономической пассивностью и недальновидностью. Преобладающие мотивы такого поведения – конформистские и гедонистические¹.

О.И. Уильямсон на основании данных социологического исследования показывает, что в условиях реального рынка одновременно могут быть реализованы противоположные установки экономического поведения. Экономическое поведение может приобретать различные формы в зависимости от инструментальных ценностей, которые могут формировать как приспособленчество, так и ориентацию на максимальную прибыль или незаконное поведение².

На сегодняшний день выделяют еще один тип поведения на рынке, который в большей степени ориентирован на эмоциональную культуру, проявляющуюся в ценностях удовольствия. Преобладающими специфическими чертами данной личности становятся поверхностное мышление, основанное на ценностях низкого порядка. На основе данных характеристик индивид в условиях своего существования ориентирован на получение личной прибыли или благ для близкого окружения, «своей» группы лиц. При этом отмечается снижение уровня осознанности мыслительных процессов, преобладание одномоментных идей. Именно такой портрет человека относится к теоретической конструкции «массового

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Аксиологический аспект философского осмысления экономического поведения... С. 105-113.

² Уильямсон О.И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа... С. 43.

человека», для которого характерна «замкнутость души»¹, лишаящая индивида способности к эмпатии и соучастию².

Выделенные модели поведения и направленность ценностных ориентаций свидетельствуют, что в условиях существующей экономической культуры и под воздействием рыночных и глобализационных факторов зачастую формируются экономические модели поведения, не ориентированные на кооперацию и созидательный труд, что приводит к дисфункциональным нарушениям в обществе. Подтверждение описанных тенденций можно найти и в реалиях российской действительности, где наблюдается достаточно низкая оценка наемного труда и предпринимательской деятельности, так как подобные виды активности воспринимаются в качестве инструмента для получения индивидуальной выгоды³. Однако такое отношение к данным видам деятельности является парадоксом, так как большинство индивидов ориентировано в обычных экономических практиках на получение личной выгоды. В данном случае проявляются признаки экономически регрессивной модели экономического поведения, которая, основываясь на традициях и менталитете, отрицает саму суть рыночной системы и предпринимательскую активность, наделяя ее негативными характеристиками. Негативные ориентации можно обнаружить и в процессе «теневизации» экономического поведения, что проявляется в отдалении от государственной системы и общественных интересов, регулирующих уровень эгоистических устремлений на обогащение⁴.

Описанные тенденции способствуют возникновению общественных, законодательных и этических проблем. По мнению С.Н. Булгакова, «Политическая экономия... есть прикладная этика, именно этика

¹ Джерелиевская И.К. Личностная детерминанта социального порядка: аксиологический аспект: автореф. дис. ...канд. филос. наук: 09.00.11. Социальная философия. – М.: 2009. – С. 31.

² Негруль (Михайлова) В.В. Аксиологический аспект философского осмысления экономического поведения... С. 105-113.

³ Измеров А.И. Влияние модернизации на экономическое поведение россиян / Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – №2. – 2014. – С. 105-108.

⁴ Негруль (Михайлова) В.В. Аксиологический аспект философского осмысления экономического поведения ... С. 111.

экономической жизни»¹. Поэтому логика современной рыночной системы должна быть построена в соответствии с задачами социального прогресса, моральными образцами и установками².

Г. Хофстед в рамках социологических исследований также рассматривал кросс-культурные параметры экономического поведения. Были выявлены различные параметры культуры, характеризующие тип экономического поведения: степень индивидуализма – коллективизма; уровень дистанции власти (большой – малый); пределы неприятия неопределенности (сильные – слабые); степень мужественности – женственности в культуре³. Итоги исследования показали, что для стран постсоветского пространства свойственна ориентация на общинность, категоричность и тип женской культуры. Выявленные характеристики во многом влияют на поведение людей, на их устремления и ценностные ориентиры. Именно поэтому автор призывает рассматривать культуру в качестве компонента экономической реальности⁴.

Важным аспектом исследования ценностных оснований экономического поведения является социальная психология. С точки зрения Г. Саймона⁵, индивиды в условиях социальной реальности принимают решения и реализуют свое поведение по отличному от классических теоретических экономических моделей сценарию⁶. Данное утверждение автора базировалось на том, что индивид испытывает на себе воздействие различных факторов, в том числе психологических.

А. Тверски и Д. Канеман делали акцент на изучении абстрактных интерпретаций специфики поведения личности. В результате, исследуя

¹ Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии. Т. 1: От марксизма к идеализму: – М.: Наука, 1997. – С. 23.

² Негруль (Михайлова) В.В. Ценностные и ментальные факторы формирования экономического поведения личности // SWorld. – 2014. – Вып. 3 (36). – Том 21. – С. 24-28.

³ Колонтай М.М. Влияние национальных культур на становление и развитие менеджмента в разных странах (исследования Гирта Хофстеда). – URL: <http://mkolontay.ru/sites/default/files/materials/HOFSTED5.PDF> (дата обращения. 15.04.2019)

⁴ Там же.

⁵ Simon H.A. A Behavioral Model of Rational Choice // The Quarterly Journal of Economics. – Vol. 69. – Feb. 1955. – №1. – P. 99-118.

⁶ Негруль (Михайлова) В.В. Ценностные и ментальные факторы формирования экономического поведения личности... С. 24-28.

модель «экономического человека», ученые пришли к выводу, что выделенные параметры не соответствуют реальности и поведению индивидов, для которых в большей степени характерны не разумные основания, а интуитивная мотивация¹.

Заслуживает внимания также географический фактор формирования экономического поведения представителей конкретных народов. По этому поводу А. Маршалл в своих рассуждениях указывал, что свойства характера и особенности поведения зависят от этнокультурных и социально-антропологических характеристик индивида, формируемых на основе природно-ландшафтных факторов². Данный аспект затрагивал В.О. Ключевский в работе «Курс русской истории». Он устанавливал взаимозависимость национального характера с природой и занятиями жителей³.

Еще одним фактором, оказывающем влияние на экономическое поведение являются религиозные ценности, так как они выступают традиционным, привычным источником информации и существующих в обществе ценностей и образцов. Данное обстоятельство не утрачивает полностью своего значения и сегодня, хотя, нужно признать, что в условиях мультикультурного общества понятие «доминирующей религиозной культуры» становится менее актуальным.

Разница во взглядах у представителей различных религиозных течений отражается и на специфике поведенческих установок. Так, например, отношение к трудовой морали в православии отличается от протестантизма, где трудолюбие оценивается более высоко. Для православной культуры характерно преувеличенно положительное отношение к бедности, здесь приветствуются традиционно аскеза и поклонение святым. Отношение к материальному достатку, скорее, негативное, скупость порицается, а

¹ Kahneman D., Smith Vernon L. l'economie est aussi une Science de l'homme // Problemes Econ. – 2003. – N. 2790. – P. 1-7; Tversky A. Intransitivity of Preferances // Psychologica Review. – 1969. – Vol. 76. – P. 31-48.

² Маршалл А. Принципы экономической науки ...С. 270.

³ Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Курс русской истории. – М.: Мысль, 1987. – Ч. 1. – С. 315-317.

бедность воспринимается как достоинство¹. Представленная одномерность религиозных взглядов и ценностей в отношении социально-экономической сферы и труда современного человека в светской жизни значительно трансформированы и носят опосредованный характер.

По мнению М. Вебера, религия выступает в качестве основополагающей культурной детерминанты, которая предопределяет содержание и формы экономического поведения, включая его негативные проявления, такие как коррупция и мошенничество². Интересным для изучения является и исследование М. Палдама³, которое демонстрирует, что в современных государствах, где главенствуют мировые религии, теневизация экономики более развита, чем в государствах с иными религиозными течениями⁴.

Исследование различных факторов, оказывающих воздействие на ценностное основание экономического поведения приводит к пониманию того, что для благополучной жизнедеятельности людей, необходимо трансформировать поведение человека, которое будет ориентировано на возрастающую роль нематериальных ценностей для всех социальных институтов в равной степени. При отсутствии единения с природой, с ее содержанием и законами бытия, не может быть сформирован благополучный социум. Исходя из этого экономическое поведение не может быть результатом экономического расчета, который не дает возможности для развития и прогресса. Вектор развития экономического поведения должен быть созвучен целям общественного целого, его духовным образцам и ценностям⁵.

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Ценностные и ментальные факторы формирования экономического поведения личности... С. 24-28.

² Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем.: М.И. Левина, П.П. Гайденко, А.Ф. Филиппов. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: РОССПЭН, 2006. – 648 с.

³ Paldam M. Corruption and Religion Adding to the Economic Model / KYKLOS. – Vol. 54. – 2001. – Fask. 2/3. – P. 383-414.

⁴ Негруль (Михайлова) В.В. Ценностные и ментальные факторы формирования экономического поведения личности... С. 24-28.

⁵ Там же.

В итоге универсализация экономического мирового пространства, углубление конфликта с природой актуализировали перед современным человеком задачу поиска иного взгляда на ценностное основание экономической деятельности. Становится важным вопрос об ее упорядочивании в соответствии с моральными образцами устойчивого развития общества и противодействием техногенным катастрофам. В связи с чем на первый план выходит необходимость укоренения на уровне человеческого сознания экономического актора иного восприятия расчета и личной выгоды, то есть с направленностью на общественное благо¹.

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Аксиологический аспект философского осмысления экономического поведения ... С. 111-112.

Глава 2. Экономическое поведение и системность общества

2.1 Социально-атомистический и холистический подходы к пониманию социального и индивидуального в экономическом поведении

История философского осмысления экономического поведения неизменно связана с осмыслением человеческого поведения в целом. При этом диалектическое понимание человеческой природы приводит к представлению его как микрокосма и микросоциума одновременно. И даже в том случае, когда в исследовании доминирует социальная составляющая, человек как философское понятие составляет ядро, вокруг которого формируется проблематика и научные поиски.

При анализе индивидуального и социального, рассматриваются определенные стороны и качества человека, так как он является системой, объединяющей эти уровни. Поэтому практически невозможно рассматривать индивидуальное без социального и наоборот, так как отграничить данные свойства друг от друга можно только в контексте противоположного.

Социальное и индивидуальное в отдельности составляют целостные структуры, сформированные из элементов своего уровня бытия. Но в условиях социальной реальности социальному и индивидуальному постоянно приходится активно сталкиваться, что приводит к различным формам кооперации и взаимодействия. Соотношение индивидуального и социального не всегда носит равнозначный характер и социальное может играть преобладающую роль, выступая источником развития или причиной дисфункциональности¹.

Понимание социального и индивидуального в экономическом поведении может рассматриваться с точки зрения различных теоретических подходов и

¹ Звездкина Э.Ф. и др. Теория философии. – М.: СЛОВО; Эксмо, 2004. – С. 202-203.

даже в контексте разных наук. Однако наибольшим потенциалом изучения диалектики социального и индивидуального обладают методологические принципы атомизма и холизма, способные раскрыть весь спектр особенностей и сущности данной проблематики. Атомистические и холистические подходы только на первый взгляд вступают в противоречие, а на практике могут дополнять друг друга и выявлять разнородные характеристики и особенности.

Данные подходы представлены в рамках различных наук (экономика, социология, философия). Однако в контексте нашей работы наиболее применимыми представляются экономические и философские исследования. Особый интерес в контексте нашего исследования вызывает область институциональной экономики, где традиционные принципы методологического индивидуализма и холизма интерпретированы по-новому и дают, на наш взгляд, возможность взглянуть на социальное и индивидуальное в экономическом поведении с точки зрения диалектики. Традиционное противостояние методологических принципов индивидуализма и холизма в отношении экономической сферы здесь трансформируется в *middle way* – методологический институционализм¹, который позволяет отойти от ограничительных факторов индивидуализма и холизма и допустить в исследование важные новые составляющие условия.

В отношении экономического поведения это проявляется, во-первых, в том, что экономический субъект выступает источником преобразования системы, рынка, поэтому она не бывает обезличена, и даже цифровая экономика всегда конечна и ограничена волей экономических субъектов. Во-вторых, субъект всегда испытывает на себе влияние институциональных норм и правил, что невозможно абсолютно ограничить и контролировать. В-третьих, все преобразования системы основаны на взаимодействии и кооперации отдельных индивидов. И, в-четвертых, исследование

¹ Кирдина С.Г. К переосмыслению принципа методологического индивидуализма. – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 54 с.

целостности социальной и экономической систем основано на изучении степени функциональности составляющих их элементов, в том числе и индивидов, осуществляющих деятельность в рамках установленных институциональных правил. Выделенные характеристики подводят нас к выводу, что диалектика социального и индивидуального в экономическом поведении обоснована и находит свое отражение в принципе методологического институционализма, который изучает социальное через активную совместную деятельность, творчество и преобразования составляющих ее индивидуумов с учетом институциональных норм и правил.

В философии социально-атомистический и холистический подходы обладают собственными характеристиками и границами осмысления объектов и процессов, среди которых наиболее важными для применения в данном контексте выступают следующие:

1) рассмотрение части и целого и способов их взаимосвязи, части (элемента или подсистемы) как своего рода целого и целого (системы) как построенного из подогнанных друг к другу частей (элементов или подсистем). Сюда включается и проблема, что первично и что вторично (часть или целое), и рассмотрение эволюционных способов взаимосвязи частей в целом, а также иерархической организации, уровневого строения целого (системы);

2) анализ дискретности и непрерывности в явлениях и процессах в природе, обществе, человеческой деятельности. Непрерывность связана с самой процессуальностью мира, дискретность – с его структурной организацией, хотя сами структуры сложного мира предстают как процессы: они трансформируются, распадаются или соединяются, что приводит к образованию все более сложных структур, все более мощных комплексов объединений. То есть структуры являются структурами-процессами;

3) установление связи между дискретностью и квантовостью процессов в мире. Квантовость связана не только с существованием неких далее неделимых единиц (атомов, индивидов), но и со скачкообразным переходом

между уровнями организации и с существованием порогов чувствительности или порогов восприятия сложных формообразований мира¹;

4) рассмотрение всех отношений во внутреннем (холистическом) или внешнем (атомистическом) контексте;

5) уровневая онтология, трактующая сущность (природу) холизма и атомизма как исследовательских программ, которая представляет целостный мир в виде множества целостных миров и уровней их (со)существования. При этом существующие уровни по-разному представлены в пространстве и времени, что обеспечивает гетерогенность целостности как условие эволюции. Также условием развития различных частей целого является коммуникация (согласованность), а не контроль, как принято считать².

В связи с необходимостью осмысления социального и индивидуального в экономическом поведении описанные принципы атомизма и холизма становятся наиболее применимыми для поиска внутренних и внешних взаимосвязей и противоречий в изучаемых элементах.

С точки зрения эволюционного холизма разрешение дилеммы социального и индивидуального в экономическом поведении может быть осуществлено с помощью превращения сложного в простое. Данный подход подразумевает разложение сложных многоуровневых процессов на простые элементы и выявление их динамических свойств, которые могут объяснить многие социальные процессы. В рамках данного подхода был выявлен эффект циклической причинности, который представляет собой взаимодействие и взаимообусловленность элементов микроскопического уровня и параметров порядка макроскопического. При этом первичность и вторичность элементов установить весьма сложно. Важным результатом такого взаимодействия является порождение новых элементов макроскопического уровня, которые воздействуют на структуру всей

¹ Князева Е.Н. Атомизм и холизм в современной теории сложности // Философия и культура. – 2013. – № 6 (66). – С. 736-737.

² Шрейбер В.К. Уровневая онтология вложенное пространство // Вестник ЧелГУ. – 2014. – № 25 (354). – С. 17-24.

системы и в дальнейшем предопределяют ее существование. То есть здесь можно наблюдать эффект эмерджентности¹.

Стоит обратить внимание на эмерджентность не только всей системы в целом, но и ее элементов в отдельности. В результате данных процессов формируются отдельно характеристики и свойства элементов системы и отдельно – всей системы, что не дает возможности свести все к единым характеристикам и приравнять части и целое. Здесь мы выходим за рамки привычной формулы для холизма «целое больше суммы частей» и приходим к качественной разнице, а не к количественной².

С точки зрения эволюционного холизма, приобретение новых качеств социального и индивидуального порядка в экономическом поведении является результатом циклической причинности, которая дает возможность оценить роль экономического поведения как на индивидуальном, так и на социальном уровне без расстановки приоритетов. Исследуя современное экономическое поведение как элемент микроуровня социальной действительности, мы находим в нем ряд новых характеристик и свойств, не характерных для других видов индивидуального поведения (преобладающая роль экономического поведения, потребительское мышление, экономизация дружеских и семейных отношений). В этом проявляется эмерджентность экономического поведения, которая при взаимодействии с параметрами порядка макроуровня наделяет новыми свойствами социум. Однако стоит обратить внимание, что макросоциальные свойства системы контролируют и ограничивают воздействие элементов микроуровня, что в итоге приводит к формированию новой структуры. Поэтому нельзя утверждать, что экономическое поведение может разрушить существующую систему, скорее речь идет об активном индивидуальном воздействии и предопределении новых свойств системы и ее структуры.

¹ Князева Е.Н. Атомизм и холизм в современной теории сложности... С. 738.

² Там же.

Еще одним важным параметром в рамках холистического подхода выступает требование разнообразия элементов, составляющих систему. При этом важно обратить внимание на то, что целостность может быть сформирована только на основе целостных элементов, которые при объединении начинают приобретать свойство системной целостности и действовать целенаправленно. Для экономического поведения, основанного на принципах гуманности и духовности, необходимо воспитание целостной личности как действующей единицы (Пифагор), которая способна стать частью целого, и на основе своей индивидуальности обеспечить разнообразие элементов системы как гаранта существования общей целостности¹. Только после этого целостная система может воздействовать на свою часть в полной мере и дополнять ее новыми свойствами. Поэтому нельзя описанный процесс формирования взаимосвязей целостной системы обратить вспять и начать формировать экономическое поведение сразу на уровне системы, так это бесполезное воздействие. Весь процесс должен быть осуществлен сначала на индивидуальном уровне и только потом перейти на уровень социальный.

Продолжение идей холизма можно найти в теории энактивизма (Ф. Варела, Э. Рош, Э. Томпсон). В рамках данной концепции человек представлен как независимый действующий социальный актор, который создает и модифицирует свое поведение, формирует индивидуальную реальность, самого себя. При этом в ходе своей активности индивид тщательно отбирает только важную информацию и инструменты для своего микрокосма. Данный отбор осуществляется в рамках постоянного взаимодействия с активной средой, социумом, который предлагает разные возможности и варианты развития для индивида. Результатом данного взаимодействия при совпадении интересов становится создание целостности нового уровня – ко-эмерджентного мира. Поэтому считается, что основой для успешности данных процессов является познавательная активная

¹ Князева Е.Н. Атомизм и холизм в современной теории сложности ... С. 738-739.

деятельность. Из этого следует, что процессы рождения целостного мира и целостного актора являются взаимозависимыми процессами, которые невозможны без активной среды и познающего действующего индивида. По этому поводу М. Мерло-Понти писал: «Внутри и вне неразделимы. Мир полностью внутри меня, а я полностью вне самого себя»¹.

На основании изложенных идей можно рассматривать экономическое поведение как индивидуальный акт, ведущий к получению знаний и опыта, на базе которого конструируется реальность. Далее происходит активный процесс взаимодействия со средой, который порождает измененную действительность. Это снова приводит исследование в исходную точку – к индивидуальному действию, с которого начинаются все социальные процессы, в том числе и экономические. Условиями для формирования нового ко-эмерджентного мира становятся предоставление возможностей и информации для индивида со стороны среды и определенный уровень свободы в данной социальной системе.

Социально-атомистический подход рассматривает свойство дискретности эволюции сложных систем. Это свойство выражается во множестве параллельных вариантов эволюции отдельных целостных элементов (личностей), основанных на своей индивидуальности. Этот эффект называется *кустящейся эволюцией*. При этом не все появляющиеся варианты эволюции могут существовать бесконечно долго в системе, многие не приживаются и уничтожаются самой системой. То есть остаются только те варианты эволюции, которые соответствуют правилам этой системы. Их можно назвать эволюционными «*правилами запрета*»²: не все формы и свойства экономического поведения могут быть сохранены системой, а лишь те, которые были спроецированы целостной личностью и прошли отбор, прежде чем перейти в свойства макроскопической системы.

¹ Князева Е.Н. Атомизм и холизм в современной теории сложности ... С. 742.

² Там же. – С. 739-741.

При этом формирование целостности и свойств системы возможно только при условии родства эволюционных векторов отдельных личностей. Это значит, что индивидуальные устремления и предпочтения должны обнаружить определенные сходства, культуру, менталитет и другое, если рассматривать в контексте социального. В экономическом поведении должен сформироваться определенный уровень экономической культуры, гуманности, этики и свободы, необходимой для индивидуального самовыражения, построения собственной линии эволюции.

Система обращается к анализу множества эволюционных линий только тогда, когда они достигают определенного количества или качества, способного быть замеченным и увиденным системой. Поэтому процессы формирования общего вектора эволюции и его изменения не происходят молниеносно. Они, скорее, носят накопительный эффект, который проявляется в количественном или качественном значении «видимости». В данном контексте развитие экономического поведения, проникновение его принципов в другие виды поведения и сферы жизни общества, приобретение им новых качеств и инструментов воздействия может быть признаком накопительного эффекта для будущего качественного «энергетического скачка». Однако какой именно это будет «скачок» и в какую сторону, зависит от тех смыслов и свойств, которые формируются в нем сейчас на индивидуальном уровне, для того чтобы в будущем повлиять на социальное.

Еще одним свойством, выделяемым в рамках атомизма, является «самоподобие сложных структур». Если рассматривать социум как пример сложной структуры, то здесь индивидуум должен быть подобен социальной группе или всему социуму сразу (при условии, что индивид понимается как целостная сформированная неделимая единица). В рамках данного подхода сравнение производится с фрактальной структурой и цикличным принципом эволюции. Если рассматривать феномен экономического поведения, то оно

находит свое подобие в разных социальных пластах и типах социального взаимодействия¹.

Атомистический подход реализует себя и в контексте лингвистической гипотезы и языкового вопроса². В данной теории прослеживается отсылка к истокам формирования личности как социального продукта, как части целого. Представляется, что структура мира подобна структуре языка. Согласно гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа³ язык разделяет существующий мир на атомы и процессы. При этом связующим звеном в таком разрозненном пространстве элементов становится мыслящий человек, способный вербально выразить свои чувства и мысли. Благодаря своим способностям человек становится продуктом эволюции окружающего мира, его неотъемлемой частью. Разрозненные элементы и процессы окружающей среды влияют на формирование человека и его способность к адаптации и вживанию в этот мир, поэтому во многом конечные характеристики человека зависят от воздействующих на него структур и требований окружающей среды⁴.

Можно провести параллели с некоторыми характеристиками современного индивида, действующего в условиях рынка, которого обвиняют в одномерности. Возможно, упрощенная модель современного человека в условиях рыночной экономики соответствует требованиям системы, в рамках которой индивид наиболее адаптивен и способен в последующем к самореализации. Атомистический подход позволяет взглянуть на проблему индивидуального в экономическом поведении с нетрадиционной точки зрения, объясняя наличие негативных свойств современного человека как начальный этап процесса прохождения адаптации к современному миру, который только на завершающих стадиях может приобрести новые свойства и стремления к духовным ценностям.

¹ Князева Е.Н. Атомизм и холизм в современной теории сложности... С. 739-741.

² Там же. – С. 744.

³ Ковлакас Е.Ф. К вопросу «Гипотезы лингвистической относительности» Сепира-Уорфа // Культурная жизнь Юга России. – 2007. – № 6. – С.77-79.

⁴ Князева Е.Н. Атомизм и холизм в современной теории сложности... С. 744-745.

Рассмотренные особенности индивидуального и социального в экономическом поведении показывают, что холизм и атомизм не противоречат друг другу, а скорее дополняют общее представление о рассматриваемых процессах. Экономическое поведение выступает свойством человека как микрокосма, способного сконструировать свое жизненное пространство. Однако при этом экономическое поведение постоянно испытывает на себе влияние социального, в котором заложены условия культуры, свободы, характера информации и вектора всеобщего развития. Влияние социального и индивидуального в экономическом поведении может приобретать разные формы, как разрушительные, так и созидательные. Деструктивные эффекты взаимодействия социального и индивидуального в экономическом поведении проявляются тогда, когда социальное перестает функционировать в индивидуальном (в результате, в экономических действиях доминирует эгоцентризм субъекта), а в социальном исчезает индивидуальное креативное начало. Если же соотношение индивидуального и социального движется в ином направлении, социальное воплощается в индивидуальном в виде социально-ответственной экономической активности (социально-этический бизнес, социальный маркетинг; благотворительность, помощь), а индивидуальное проявляется в индивидуальном в качестве творческого предпринимательского начала.

Созидательные эффекты взаимовлияния социального и индивидуального в экономическом поведении реализуются через интересубъективность, которая создает условия для кооперации, поиска и проявления новых творческих форм преобразования социально-экономической реальности, социального. Однако при этом ролевые позиции внутри социальных, прежде всего, экономических, институтов обязательно должны сохраняться, так как социальные институты функционируют только на основе определенных социальных позиций. Смещение таких позиций ведет к дисфункции социального института.

2.2 Системный характер общества в социально-философском осмыслении

Начиная с конца XIX века в рамках философской науки сформировался ряд новейших задач, которые были направлены на изучение, соединение и взаимопроникновение различных факторов, отражающих как частные индивидуальные, так и всеобщие объективные предпосылки познания окружающей социальной цельной действительности. Среди них можно отметить исторические, логические, эволюционные и революционные факторы.

Определение новых задач в науке и философии XX века привело к развитию системных идей и к заключительному оформлению методологии системного подхода. Определяющим отличием нового методологического подхода от классической немецкой философии стало применение и использование математических моделей, которые могли на более качественном уровне представить исследование системной целостности бытия. Научные представления в рамках системной теории способны проиллюстрировать творческий потенциал социальной реальности посредством использования категорий «скачок», «перерыв постепенности», «переход в новое качество»¹.

Существует мнение, и оно достаточно популярно, что категория целостности и системный подход в общем «родились» в недрах естественных и технических наук. Действительно, открытия в области физики, в частности Второй закон термодинамики (согласно которому, говоря простыми словами, системный эффект не является суммарным), были сигналом для представителей точных наук к отказу от механистической суммарной парадигмы, где доминировали аналитический подход и закон сохранения энергии².

¹ Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 9.

² Гухман А.А. Об основаниях термодинамики. – М.: URSS, 2010. – С. 56-57.

Теоретические основы научно-философского подхода в отношении системного анализа бытия были заложены в различных исследованиях русских философов, таких как философия всеединства и логика «цельного знания» В.С. Соловьева¹ и философия «органического целого» Н.О. Лосского², учение А.С. Хомякова о «соборности» человеческого духа³ и концепция «культурно-исторических типов»⁴ общественной жизни Н.Я. Данилевского⁵. В более поздний период были представлены «всеобщая организационная наука» А.А. Богданова⁶, «философия имени» А.Ф. Лосева⁷, идеи естественного «антропокосмизма» В.И. Вернадского⁸ и «теория функциональных систем»⁹ П.К. Анохина¹⁰.

Однако более результативный в качественном наполнении системных идей период начинается с середины 20 века и подразделяется на два этапа развития: 1) исследование равновесных систем; 2) исследование неравновесных систем¹¹.

К первому этапу можно отнести идею принципов действия «равновесия» системных объектов, которые были реализованы и описаны в общей теории систем Л. Берталанди¹², в кибернетических управленческих моделях (У. Эшби, Н. Винер и К. Шеннон, С. Бир, С. Лем)¹³, в

¹ Соловьев В.С. Философские начала цельного знания. – М.: Академический проект, 2011. – 383 с.

² Лосский Н.О. Мир как органическое целое / Избранное. – М.: Правда, 1991. – С. 115-218.

³ Соборность как судьба России. А.С. Хомяков // Русские мыслители / С.Н. Астапов, Н.С. Капустин, О.Т. Кирсанова и др.; науч. ред. д-р филос. наук, проф. И.Н. Лосева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – С. 157-165.

⁴ Данилевский Н.Я. Культурно-исторические типы и некоторые законы их движения или развития // Россия и Европа / сост. и коммент. А.В. Белова; отв. ред. О.А. Платонов. – изд. 2-е. – М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. – С. 113-138.

⁵ Гореликов Л.А. Идея целостности в основаниях современной научной картины мира: социально-исторический подход: дис. ... д. филос. наук: 09.00.11, 09.00.01. – Великий Новгород: 2006. – 634 с.

⁶ Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 480 с.

⁷ Лосев А.Ф. Философия имени. – М.: Издательство Олега Абышко, 2016. – 666 с.

⁸ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. – М.: Сов. Россия, 1989. – 704 с.

⁹ Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. – М.: Наука, 1978. – 395 с.

¹⁰ Гореликов Л.А. Указ. соч.

¹¹ Системные исследования: ежегодник, 1971 / под ред. И.В. Блауберга и др. – М.: Наука, 1972. – С. 35-54.

¹² Берталанди Л. Общая теория систем – Критический обзор // Исследования по общей теории систем: сборник переводов / общ. ред., вст. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969. – С. 28.; Прангишвили И.В. Системный подход и общесистемные закономерности. – М.: СИНТЕГ, 2000. – 528 с.

¹³ Эшби У.Р. Введение в кибернетику. – М.: URSS, 2017. – 430 с.; Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. – 2-е изд. – М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.; Шеннон К. Бандвагон // Работы по теории информации и кибернетике. – М.: Изд. иностр. лит., 1963.

социально-экономических концепциях (М. Месарович, А. Раппопорт, К. Боулдинг)¹, в глубинных социально-философских отечественных системных исследованиях (И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин)².

Второй период охватывает последние три десятилетия XX века (продолжаясь и ныне) и основан на исследовании теоретико-методологических принципов развития неравновесных саморазвивающихся, сложных и сверхсложных систем, которые представлены в теориях И. Пригожина³, В.И. Арнольда⁴, Я.Г. Синая⁵. Анализ истории развития системных идей демонстрирует, что основные ее положения находятся в тесной связи с основными постулатами социально-гуманитарных наук.

В начале XX в. А.А. Богданову удалось завершить важный для всей науки труд в области организационной науки, теории систем и системного метода. В нем автор сформулировал ряд принципов и закономерностей, которые оказались применимы в самых различных областях природы и общества⁶.

Во второй половине XX века формируется новое направление в области исследования систем – информационно-кибернетическое, основными представителями которого стали Н. Винер, К. Шеннон, У. Эшби, С. Бир⁷. В рамках данного подхода исследователям удалось по-новому взглянуть на вопросы управления и организацию. Тесная связь

– С. 667-668.; Бир С. Кибернетика и менеджмент. – М.: КомКнига, 2011. – 280 с.; Лем С. Сумма технологий. – М.: АСТ, 2012. – 640 с.

¹ Месарович М., Мако Д., Такаха И. Теория иерархических многоуровневых систем. – М.: Мир, 1973. – 344 с.; Гвишиани Д.М., Садовский В.Н. Системные исследования. Методологические проблемы. – М.: URSS, 1997. – Вып. 25. – 392 с.; Боулдинг К.Э. Экономическая наука и социальные системы // Панорама экономической мысли конца XX столетия. – 2 т. – СПб.: Экономическая школа, 2002 – Т. 2 – С. 907-927.

² Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – С. 75-76; Блауберг И.В., Юдин Б.Г. Понятие целостности и её роль в научном познании. – М.: Знание, 1972. – 48 с.

³ Пригожин И. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках. Изд.4, испр. – М.: URSS, 2016. – 304 с.

⁴ Арнольд В.И. Теория катастроф. – М.: Леонард, 2016. – 134 с.

⁵ Синай Я.Г. Введение в эргодическую теорию. – М.: 1996. – 132 с.

⁶ Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 480 с.

⁷ Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. 2-е издание. – М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.; Шеннон К. Бандвагон / К. Шеннон. Работы по теории информации и кибернетике. – М.: Изд. иностр. лит., 1963. – С. 667-668. URL: <http://www.vbv.vbv.narod.ru/bandwagon.htm> (дата обращения: 06.11.2017); Эшби У.Р. Введение в кибернетику. – М.: URSS, 2017. – 430 с.; Бир С. Кибернетика и менеджмент. – М.: КомКнига, 2011. – 280 с.; Лем С. Сумма технологий. – М.: АСТ, 2012. – 640 с.

кибернетического метода с математическим позволила более точно просчитать связи, динамику и закономерности существования систем.

В 70-е годы происходит очередной виток в истории изучения самоорганизации систем, что приводит к становлению синергетики как нового научного направления. Область изучения самоорганизующихся систем, предложенная В.И. Арнольдом¹, Г. Николисом, И. Пригожиным и И. Стенгерсом², Г. Хакеном³, С.П. Кудрямовым, Е.Н. Князевой и Г.Г. Малинецким⁴ и рядом других ученых была заметно расширена в рамках научного познания природы, общества и космоса.

В рамках качественного обзора существующих подходов в отношении изучения системной целостности наиболее интересна классификация Б.Г. Юдина: 1) элементаристский, 2) функционально-организменный, 3) структурно-реляционный, 4) монадологический⁵.

1. В первом, элементаристском, подходе центральным является понятие «система» и обосновывается, что ее основой является комплекс совокупных элементов. При этом составляющие элементы этого ряда не подвергаются распаду и дальнейшему делению. Однако такая интерпретация системы демонстрирует определенные слабости и недостатки, которые выражаются в повторяемости и несогласованности утверждений, опирающихся на то, что основанием жизнеспособности системы становится качество «неделимости» составляющих ее частиц. Именно данное свойство может подрываться различными внешними воздействиями на систему, в результате чего целостность системы может быть нарушена. Несмотря на довольно далекие в историческом разрезе предпосылки развития данных

¹ Арнольд В.И. Указ. соч.

² Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: URSS, 2014. – 304 с.; Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. – М.: Мир, 1990. – 343 с.

³ Хакен Г. Синергетика: в 2 ч. Часть 1: Принципы и основы: Неравновесные фазовые переходы и самоорганизация в физике, химии и биологии. Часть 2: Перспективы и Приложения: иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. – изд. 2, доп. – М.: URSS, 2015. – 880 с. (Ч. 1 – 448 с., Ч. 2 – 432 с.)

⁴ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики: Синергетическое мировидение. – изд. 3, доп. – М.: URSS, 2010. – №20. – 256 с.; Новое в синергетике: Взгляд в третье тысячелетие // Информатика: неограниченные возможности и возможные ограничения / ред. Г.Г. Малинецкий, С.П. Курдюмов. – М.: Наука, 2002. – 480 с.

⁵ Гореликов Л.А. Указ. соч.

идей, которые были описаны еще в трудах Эпикура, Демокрита и Платона, данный взгляд на устройство системы стал базисом для разработки более современных подходов¹.

2. Функционально-организменный подход Л.Ф. Берталанфи² ориентирован как целый ряд обстоятельств внешнего мира, так и на внутреннюю целостность живого организма как единого начала определенной системы функций³. Функционалистский взгляд на систему строится на объединении всех знаний о внутреннем мире организма, на специфике объединения отличных друг от друга его свойств, которые утверждают свой собственный концепт взаимоотношений и выражают независимость при соприкосновении с внешним миром.

В рамках данного подхода рассматривается процесс взаимодействия с реальностью, и он представлен в виде цикличного принципа и предопределяет целостность системы. Обозначенные процессы протекают в условиях локализации и сдерживания внутренних процессов посредством внешних ограничителей, что впоследствии приводит к искажениям степени интегративности системы, возрастанию роли одних функций в ущерб другим, и, наоборот, в определенные временные промежутки.

Такие исторические дисбалансы, порождающие нестабильное преобладание тех или иных элементов и их функций, обусловленных противоречивыми процессами внутреннего и внешнего характера, интеграцию и разобщенность, ведут к временной целостности. Они не могут на данный момент удовлетворить намерения современного человека в процессе его познания, стремящегося гармонизировать человеческую цивилизацию и найти пути выхода из кризиса.

3. В рамках третьего, структурно-реляционного, подхода выделяется понятие «структура», которое исследует корреляцию составных частей

¹ Поздняков А.А. Философские основания классической биологии: Механицизм в эволюционистике и систематике. – М.: URSS, 2015. – С. 23.

² Системный подход в современной науке / В.Н. Садовский, А.И. Уёмов, М.С. Каган и др. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 30-31.

³ Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. – М.: Наука, 1978. – С. 118.

единого целого и впоследствии специфику выполняемых ими функций. Наибольшего уровня единства и реализации элементы системы достигают в форме «структурной организации». В основе исследования системной реальности в рамках структурно-реляционного подхода находится равенство структуры. Система может опереться на структуру как на четко установленный свод правил, которые регулируют взаимоотношения и сходство ее элементов¹. Такой принцип существования, основанный на структуре и институционализированном единстве ее элементов, наиболее всего применим к социальным системам, которые находятся в гармонии с устремлениями всего человечества.

Наиболее оптимальным вариантом реализации структурно-реляционного подхода и принципа подчиненности системных зависимостей становится предметная сущность «больших», «саморегулирующихся систем»².

Применительно к анализу системы устанавливается прямая схема подчинения составных элементов целого структурному центру, что выражается во внешних проявлениях взаимосвязи части и целого и односторонней зависимости неравнозначных элементов. Впоследствии такое устройство приводит к формированию дисгармонии и конкурирующей борьбе внутри системы, что обусловлено сопротивлением отдельных элементов строгим правилам единообразия структуры³. Одним из примеров такой рассогласованности и сопротивления действия элементов и структурного центра в современном мире, выступает феномен глобального терроризма, насыщаемый различными источниками.

В технических областях науки структурно-реляционная интерпретация системы реализовалась в так называемой реляционной модели баз данных, принципы которой были впервые сформулированы Е.Ф Коддом во второй

¹ Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1980. – М.: Наука, 1981. – С. 212-213.

² Гореликов Л.А. Указ. соч.

³ Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. ... С. 118.

половине шестидесятых годов прошлого столетия¹. Современное понимание подхода отражено в книге К.Дж. Дейта². В социальных науках структурно-реляционный подход оформился, прежде всего, в структурном функционализме Т. Парсонса³.

4. В рамках монадологического подхода представлен более точный образ системной реальности, в котором ее основой выступает внутреннее единство ее элементарных частей. Данная структура элементов изначально опирается на «системное качество» целого и бесконечно стремится к нему как к своему итогу: каждая монада особым, лишь ей одной присущим способом «воспроизводит в себе систему в целом»⁴. Главной отличительной чертой системы является ее качественная определенность, которая отражает её содержание и место среди других объектов. Благодаря этому свойству объект имеет возможность всегда находить внутри себя потенциал и заново себя воспроизводить, в итоге составляя целостность⁵.

Монадологический подход позволяет взглянуть на систему с точки зрения равенства всех элементов, которые, транслируя своё качественное бытие, стремятся в гармонии составить целостность.

Более того, по мнению Г. Лейбница, каждая монада наделена не только возможностью отражения целого с учетом личных характеристик, но и повторения его системы устройства и взаимозависимостей⁶.

По мнению В.С. Степина, в методологии системного познания важнейшим аспектом исследования полноты и содержания универсума является сочетание противоположных принципов, которые направлены как на постижение основополагающих структур и элементов, так и на изучение

¹ Кодд Е.Ф. Реляционная модель данных для больших совместно используемых банков данных // Системы управления базами данных. – 1995. – № 1. – С. 5-21.

² Дейт К.Дж. Введение в системы баз данных. – М.: Вильямс, 2006. – 1328 с.

³ Парсонс Т. О социальных системах. – М.: Академический проект, 2002. – 539 с.

⁴ Гореликов Л.А. Указ. соч.

⁵ Там же.

⁶ Лейбниц Г.В. Начала природы и благодати, основанные на разуме / Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1982. – Т. 1. – С. 405.

объединяющих параметров¹. В таком научном поиске можно усмотреть взаимосвязь монадологического понимания и элементаристского. Взаимосвязь данных позиций суммирует знания о природе составных частей и степени их интеграции, которые дают представление о потенциале к внутреннему саморазвитию и внешнему преобразению реальности.

В основе социально-философского познания можно найти целый ряд методологических принципов, которые составляют цельную модель для освоения содержательных характеристик системы. Этому служат принципы «целостности» и «структурности», «направленности» и «иерархичности», «самоорганизации» и «целесообразности», «саморазвития» и «историчности». Обозначенные принципы выстраивают логическую цепочку движения мысли в условиях конкретных исторических и научно-методологических предпосылок, в связи с изменчивыми процессами преобладания субъективного и объективного, внутреннего и внешнего потенциала бытия.

Специфика познания обусловлена требованиями «взаимоотрицания» и «взаимосвязи», «самотождественности» и «самоотрицания», а в логическом измерении претворяется в принципах «достаточного основания» и «тождества», «исключения третьего» и «противоречия»², которые отрицают исключительно теоретические аспекты изучения системы и подталкивают к принятию во внимание диалектической природы окружающей действительности, что впоследствии может привести к более полному подлинному результату познания³.

В итоге можно утверждать, что целостное системное восприятие предметов и явлений, и их взаимосвязей может быть воплощено в жизнь в полной мере в условиях реализации саморазвития как основания существования «органической целостности» как установленной нормы

¹ Степин В.С. Синергетика и системный анализ // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. – М.: 2004. – С. 66.

² Гореликов Л.А. Указ. соч.

³ Там же.

системной действительности, реализующей внутреннюю гармонию при условии внешнего разнообразия.

В разное время мыслители уже обращали внимание на принцип развития и условия существования целостного мира. И. Кант считал, что в основании целостного бытия лежит глубочайший ресурс разума, который наполняет и определяет систему.

С точки зрения Гегеля целостный мир строится на основе принципа самоотрицания, благодаря которому система всегда внутри себя способна обновиться. Этот процесс приводит к внутренним изменениям и обогащению содержания без каких-либо внешних посторонних воздействий¹.

К. Маркс, представивший материалистическое понимание общественной жизни, считал, что общество является «частью природы», которая развивается вследствие «разумной целеполагающей деятельности людей». Люди сами «творят свою общественную жизнь», и вовсе не какие-то «внешние высшие силы» делают это². При этом социальную систему автор видит целостным организмом, не разделяемым на сумму элементов, существующим по собственным законам развития.

Немецкий социолог Луман предложил совершенно новый взгляд на общество и систему. Он стремился создать «живую» теорию, которая бы комплексно трактовала и раскрывала суть существования систем. В рамках своей теории Луман рассматривает три этапа в развитии системного подхода³:

1 этап – общество есть определенная целостность, подобная живому организму.

2 этап – обнаруживаются различия между обществом как социальной системой и организмом как системой биологической. Системы разделяют на закрытые и открытые.

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – М.: Мысль, 1970–1972 – Т. 1. – 501 с.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: 2 изд. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. – Т. 13. – 770 с.

³ Луман Н. Общество как социальная система. (Общество общества Ч. 1) Пер. с нем. / А. Антоновский. – М.: Логос, 2004. – 232 с.

3 этап – развитие системного мышления связано со способностью систем к самопроизводству.

Теория Лумана основана на утверждении реально существующей системы, и в отличие от прежних концепций система в ней не рассматривается как теоретическая идеальная конструкция. Все рассуждения Лумана основаны на положении «то, что есть – система»¹. Именно поэтому, значимым является то, что система тесно взаимосвязана с окружающей действительностью, из которой она проистекает. Немаловажное значение здесь приобретает различие системы и общества, которое демонстрирует границу и масштаб взаимодействия со средой.

Важными характеристиками системы, в отличие от внешней среды, являются высокая степень регламентации и разделение на уровни, что приводит впоследствии к тому, что система уменьшает интегративность окружающей действительности за счет селективной реакции на внешние сигналы. В результате Луман приходит к выводу, что система способна к самоорганизации. Этот процесс он представляет в виде определенного алгоритма, который основан на безусловной зависимости системы от окружающей действительности и невозможности существования первой без последней, но несмотря на это сама суть системы не определяется внешними процессами².

Также Луман вводит понятие новых характеристик системы, которая способна сама себя организовать и выстроить свой собственный порядок. По мнению автора, система является самовоспроизводящейся, то есть аутопойетической. По аналогии с биологическими законами существования живой клетки организма автор предлагает рассматривать и систему. Речь идет о возможностях клетки за счет химических внутренних процессов постоянно самовоспроизводиться и не зависеть от внешнего воздействия.

¹ Озирченко Д. Некоторые понятия системной теории Никласа Лумана // Социологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 110.

² Луман Н. Общество как социальная система. (Общество общества Ч. 1) Пер. с нем. / А. Антоновский. – М: Логос, 2004. – 232 с.

Именно этот принцип Луман и переносит на аутопойетические системы и общество относит к такому типу систем¹.

В рамках исследования общества Луман также фокусирует внимание на важности изучения отличительных качеств социальных систем и особенностей общества как одной из таких систем. Одним из важнейших качеств системы, по мнению Лумана является коммуникация, которая выступает основой общества и воспроизводит взаимосвязь в нем. Данная точка зрения отрицает предыдущие теории, которые отводили эту роль социальным действиям и социальным ролям. Природа самой коммуникации, по мнению автора, всегда социальна, так как определяется взаимодействием как минимум двух субъектов, а сам процесс коммуникации включает в себя акты различения информации, сообщения и понимания.

Луман рассматривает коммуникацию тоже как систему и так же, как и общество относит ее к аутопойетическим системам. Это происходит благодаря тому, что все элементы коммуникативной системы существуют в своем закрытом пространстве и воспроизводятся через коммуникацию. Процесс коммуникации невозможен без участия сознания, которое тоже является закрытой системой. Однако сознание не является носителем коммуникации. Так же немаловажным качеством коммуникации является ее способность к самонаблюдению. Именно благодаря этому общество обладает уникальной способностью к самоописанию. На коммуникативном уровне происходит множество одновременных актов самоописания общественной системы, но нельзя какое-либо из них называть абсолютно верным или неверным. В условиях глобализации мировой системы и совершенствования средств коммуникации Луман усматривал тенденции к уходу от региональных обществ, а всю окружающую действительность называл единой мировой системой².

¹ Луман Н. Общество как социальная система. (Общество общества Ч. 1) Пер. с нем. / А. Антоновский. – М: Логос, 2004. – 232 с.

² Луман Н. Что такое коммуникация? / Пер. Д.В. Озирченко // Социологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 114-125.

В итоге можно говорить, что изучение целостности происходит в основном в рамках системного подхода и базируется на методологическом принципе познания, построенном на делении целого на части. Такой подход отличает саму систему от целостности и позволяет сделать вывод о более высокой роли системы в иерархической цепочке понятий. Однако подобная точка зрения скорее относительна и зависит от целей исследования целостности или системности объекта, поэтому объективно ранжировать данные категории невозможно. В мировом масштабе целое и система взаимозависимы и определяют друг друга.

2.3 Системность и целостность общества как диалектические основания экономического поведения

Целостность наряду с функциональностью и динамичностью является неотъемлемым свойством системы. В то же время системный характер явлений (в нашем случае – экономического поведения) является фундаментом его целостности. Таким образом, системность и целостность общества можно рассматривать в качестве диалектических оснований экономического поведения.

Идея о диалектике части и целого (не сводимого к сумме частей) была высказана Платоном¹, чей идеализм, по наблюдению А.Ф. Лосева, относился к материализму Аристотеля так же, как диалектика к феноменологии². Тем не менее, идея несводимости целого к сумме его частей была потеснена сначала материализмом Аристотеля («Единое само по себе не сущность чего-либо. И это вполне обоснованно, ибо единое означает меру некоторого множества»)³, а затем механистическими концепциями Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка и

¹ Лосев А.Ф. Бытие–имя–космос. – М.: Мысль, 1993. – С. 375.

² Там же. – С. 376.

³ Аристотель. Метафизика. – М.: Эксмо, 2015. – С. 114.

французских материалистов XVIII в., в которых целое сводилось к сумме частей¹.

Позднее, в русле диалектического материализма, К. Маркс, признавая вслед за Г.В.Ф. Гегелем² несводимость целого к сумме его частей³, сделал упор на категорию причинности, которая нашла свое выражение, например, в принципе движения от абстрактного к конкретному. Между тем, еще в немецкой классической философии (Ф. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель)⁴ было показано, что вопросы первичности и причинности в развитии проблемы «части и целого» в известной мере противоречат принципу системности и, по большому счету, бесперспективны в плане теории, поскольку целое не может существовать без составных частей и наоборот⁵.

Диалектический метод позволяет конкретизировать категорию целостности, не противопоставляя его понятию системы и не отделяя его от него. Диалектическая природа *целостности* объясняет глубокий потенциал и актуальность этой философской категории. Не случайно «свойство интегративности» интерпретируется как базовая характеристика целостности (И.В. Блауберг)⁶. Интеграция как квинтэссенция целостности представляет собой «дихотомное единство дифференциации и сближения» (И.А. Савченко)⁷. В интеграции сосредоточена диалектика целостности, поскольку она характеризуется как двусторонний процесс сближения и отталкивания частей целого, что в итоге составляет процесс развития системы (Г. Спенсер)⁸.

¹ Блауберг И.В. Часть и целое / Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 476.

² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. ... Т. 2. Философия природы. – С. 498.

³ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные сочинения в 9 т. – М.: Политиздат, 1986. – Т. 4. – С. 302-304.

⁴ Шеллинг Ф.В.И. Сочинения. – М.: Мысль, 1989. – Т. 2. – С. 352; Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. ... Т. 2. Философия природы. – С. 527-529.

⁵ Блауберг И.В. Часть и целое ... С. 476.

⁶ Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – С. 75.

⁷ Савченко И.А. Интегральные критерии классификации социокультурных отношений // Савченко И.А. Вестник Вятского государственного университета. – 2010. – Т. 2. – № 4. – С. 57-62; С. 61-62.

⁸ Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. – М.: Современный литератор, 1998. – С. 554.

В ряде случаев такие содержательно близкие понятия *всеединства*¹ и *социальной солидарности*² подкрепляют категорию целостности положительной коннотацией. Так, основными характеристиками развития современного общества стали глобализм и универсализация. По ряду параметров можно обнаружить признаки *целостности* в этих процессах. Главное, что объединяет целостность, с одной стороны, и глобализацию, и универсализм, – с другой, – это диалектический характер обозначенных явлений. «Глобализация разобщает не меньше, чем объединяет, она разобщает, объединяя, – расколы происходят по тем же самым причинам, что и усиление единообразия мира... То, что для одних представляется глобализацией, для других оборачивается локализацией; для одних – это предвестник новой свободы, для других – неожиданный и жестокий удар судьбы» (З. Бауман)³. Диалектический подход позволяет обнаружить в глобализме и универсализме «систему без солидарности» и, тем более, «систему без всеединства», что не позволяет определять глобальные процессы как ориентированные на целостность.

Продолжая тему глобализации и универсализации, отметим, что именно на их фоне проявили себя сложные противоречивые процессы современности – социальные и природные, субъективные и объективные, духовные и материальные. В ряду глобально значимых вопросов, генерированных возобладавшей (начиная с XIX века) технократично-рыночной направленностью развития человеческой цивилизации, можно выделить три ведущих:

1. Выживание человеческого рода в условиях появления все новых форм оружия массового уничтожения и опасности его попадания в руки фанатиков и террористов.

¹ Треушников И.А. Русская Духовность в межкультурной коммуникации сквозь призму философии всеединства // Соловьевские исследования. – 2010. – № 4 (28). – С. 48-57.

² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Наука, 1996. – С. 285.

³ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. Коробочкина М.Л. – М.: Весь Мир, 2004. – 185 с.

2. Угроза мировой природной катастрофы на фоне роста мирового народонаселения и растущей потребности мировой индустрии в сырье и ресурсах.

3. Самый важный вопрос, в котором так или иначе интегрированы предыдущие, связан с так называемым «современным антропологическим кризисом»¹, который обусловлен сложностью сохранения личностного начала в отдельном человеке и в обществе в целом в условиях роста и распространения разнообразных феноменов отчуждения².

Единое начало обсуждаемых вопросов отражает такие смыслообразующие диалектические единства, как личность и общество, человек и природа, культура и натура, прогресс и традиция, «сдержки и противовесы» и т.д.

Проблема существующих противоречий раскрывается в процессе рационального самоопределения человека в мире, его адресном осмыслении целостности объективной реальности при условии ее интеграции объективных и субъективных характеристик³. Открытая рациональность отличается от закрытой особой «познавательной позицией», которой свойственен «критический рефлексивный анализ» всего интеллектуального материала, на котором базируется позиция или даже парадигма. Такая открытая рациональность, как в сфере теории, так и в различных областях практической деятельности, предполагает перманентное развитие гностических возможностей человека, расширение горизонтов постижения действительности отдельной личностью⁴. Подобный подход к рациональности воплощается в системном методе, который, опять же, представляет собой реальную *целостность* человеческой мысли, ее идейную суть. Именно категория *целостности* позволяет постичь диалектику

¹ Демиденко Э.С. Экотехнологический Апокалипсис, или «конец света» природного человека: доклад XIX Всемирному философскому конгрессу, секция «Экология и будущее жизни на Земле». – Брянск: Очаг, 1993. – 50 с.

² Кутырёв В.А. Разум против человека: (философия выживания в эпоху постмодернизма). – М.: Directmedia, 2015. – 102 с.

³ Гореликов Л.А. Указ. соч.

⁴ Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 176 с.

гносеологической *определенности и неопределенности* в постижении явлений материального, духовного и социального порядка¹.

Социально-философское познание категории целостности основано на оптимальном сочетании разнонаправленных представлений о действительности.

Первый способ субъективно-логического осмысления выражается в исследовании сущностных характеристик индивидуального сознания. Реализация данного варианта понимания основана на алгоритме воплощения в жизнь целостности как определенного примера для реализации ее логической схемы в субъективных образах сознания. Однако стоит учитывать, что выбор основных и второстепенных характеристик целостности основан также на индивидуальной специфике самосознания².

Кардинально отличным и более продуктивным способом понимания целостности является *второй подход* – объективно-исторический, который основан на изучении всеобщего самосознания, а не индивидуального. Именно поэтому в рамках данного взгляда сформировано представление, что признаки целостности необходимо искать в коллективной практике всего человеческого сообщества³. Не случайно В.Н. Сагатовский в своих теоретических изысканиях утверждал, что сущностным и определяющим центром неповторимой природы мировой целостности является бесконечная мощь божественного Абсолюта (образа, вдохновлявшего Гегеля и Шеллинга⁴), который не зависит от логики индивидуального самосознания и утверждает его края⁵. «Абсолют как безусловное в-себе-бытие есть положительное ничто... Единственное общее знание об Абсолюте есть "знание о незнании"»⁶. Здесь обнаруживаются явные параллели с концепцией

¹ Дорожкин А.М, Доронин Д.Ю. Гносеологическая неопределённость в научной и мифологической рациональности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – №1(3). – С. 35-46.

² Гореликов Л.А. Указ. соч.

³ Там же.

⁴ Кричевский А.В. Образ Абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга. – М.: ИФ РАН, 2009. – 198 с.

⁵ Гореликов Л.А. Указ. соч.

⁶ Там же.

«философской веры» К. Ясперса¹, которая интегрирует «знающих о своем незнании» и становится таким образом условием внутриличностной и общественной целостности².

Особенность познания специфики и масштабов Абсолюта в рамках человеческого самосознания предопределяет наличие в его содержании разнонаправленных характеристик и потенциалов, которые выражаются впоследствии в его бесконечной непостижимости. Из этого следует, что целостность является основой для реализации абсолютного в реальной действительности и становится базовой характеристикой всеобщности³.

Качественное исследование базовых характеристик мировой целостности показывает, что она, в первую очередь, не характеризует какие-либо конкретные объекты, а скорее определяется в зависимости от условий конкретного исторического периода, научных принципов и стиля мышления⁴.

В данном контексте особую значимость подход И.В. Блауберга в отношении взаимосвязи свойств целостности и противоречивой сущности системной реальности. Автор впервые обозначил определяющее место целостности при формировании системы в целом и ее отдельных свойств в отдельности. И.В. Блауберг говорит, что целое представляет объект, способный к объединению характеристик⁵. Понятие «целостность» (*wholeness, die Ganzheit, la integrite*) в отличие от «целого» характеризует внутреннее содержание и творческое основание конкретного объекта как завершенного целого. По мнению И.В. Блауберга, целостность выступает в качестве цели и условия осмысления целостных объектов. Такие возможности целостность приобретает благодаря характеристикам

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – С. 26, 47, 430, 465.

² Савченко И.А. Интегральная идентичность и тестовый метод // Обучение, тестирование и оценка. – Н.-Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова. – С. 135-139; 139.

³ Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии: (филос. основы мировоззрения) ...С. 179.

⁴ Там же. – С. 184.

⁵ Гореликов Л.А. Указ. соч.

устройства, основанного на двухступенчатой структуре, включающей в себя актуальное и потенциальное знание¹.

Изучая иерархию свойств целостных объектов, И.В. Блауберг на ведущую позицию помещает «интегративность». В данном понятии целостность находит специфическую возможность приобретения новых отличительных характеристик, не свойственных ее отдельным элементам, а возможным в своем проявлении только при условии соединения и взаимодействия². Смысл целостности выступает как единство противоположностей. Стоит отметить, что логическое построение и постижение конкретной целостности проходит определенные этапы, выражающиеся на начальной стадии осмысления категориями части и целого, которые определяют вектор социально-философского познания. На последующем этапе происходит обращение к изучению части и целого по отдельности, что дает возможность на завершающем этапе соединить все результаты познавательного процесса и вычленить «конкретное целое»³. Целостность благодаря способности «соединять» становится основой для реализации потенциалов саморазвивающегося конкретного целого. Для научного познания становится важным вопрос трактовки категорий части и целого⁴.

Используя в качестве историко-философского критерия преобладающую в ту или иную эпоху интерпретацию проблемы части и целого, можно выделить три продолжительных периода: античность, Новое время и современность⁵.

Философия Нового времени демонстрирует своим методологическим содержанием равноправное сочетание противоположностей, в контексте которого рационализм находит свои основания в категориях целого, а эмпиризм исходит из положений частного. Немецкая классическая школа

¹ Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – С. 159.

² Там же. – С. 75-76.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Гореликов Л.А. Указ соч.

избегает такого жесткого разделения в научном поиске и пытается объединить полярные взгляды в одном подходе, который также видит основой и сущностью целостности способность к саморазвитию. Как отмечал Гегель, природа может выступать базисом для формирования исключительно ограниченной целостности, а базисом универсальной целостности может выступать духовная жизнь человеческого общества, которая утверждается как всеобщность и метод реализации саморазвивающейся органической целостности¹.

С точки зрения И.В. Блауберга и Э.Г. Юдина, «часть и целое характеризуют роль данных категорий в сумме предметов и явлений, а также связь, которая соединяет эти предметы, что в последствии проявляется в возникновении новых качеств, не характерных предметам в условиях их изоляции»². Подобная скоррелированность предметов, обладающих необходимым ресурсом внутреннего единства, и обозначается понятием «система». Понятие «система» совершенно по-другому позволяет взглянуть на взаимоотношения целостности и целого. Оно позволяет представить их в равнозначном поле как взаимодействие «органических» и «суммативных» систем, которые рассматривают взаимосвязь целого и частного в открытой форме, способной продемонстрировать сущностное содержание целостности посредством множественности внешних функций частей и их умения саморазвития³. Категория системности рассматривается как способность к интеграции и иллюстрирует отношение к системе без дальнейшей дифференциации⁴.

По мнению И.В. Блауберга, взаимоотношения системности и целостности по природе своей диалектичны и соотносятся как общее и частное в жизненном круговороте и постоянной смене крайностей⁵. В.Г. Афанасьев объясняет и рассматривает их взаимодействие в другой

¹ Гореликов Л.А. Указ. соч.

² Блауберг И.В., Юдин Б.Г. Понятие целостности и её роль в научном познании ... С. 16.

³ Гореликов Л.А. Указ. соч.

⁴ Блауберг И.В., Юдин Б.Г. Понятие целостности и её роль в научном познании ...С. 18.

⁵ Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход... С. 80.

плоскости. Он описывает «системность» как более масштабный объект по сравнению с целостностью¹. Однако И.В. Блауберг предъявляет более жесткие требования к сущности системной реальности и определяет, что отличительными характеристиками системных образований, выступает тесная и отрегулированная взаимосвязь между его элементами, которая становится основой целостности². Простое сложение отдельных элементов в единую систему, по его мнению, не является гарантом полноты и чистоты системы.

Иной взгляд на категории системности и целостности предлагает Г.А. Югай, который делает акцент на близости и тесной взаимосвязи данных элементов. Однако стоит отметить, что обозначенные взаимосвязи могут носить разнородный характер, а сущность целостности выражается в неделимости, и внутреннем единении составляющих³.

С точки зрения М.И. Сетрова, системность является сущностной характеристикой целостного подхода, который только поверхностно может рассматривать реальность на основании субъективных предпосылок. По мнению автора, процесс рационального мышления основан на замещении несодержательной категории целого сущностным глубоким понятием системы. В дополнение М.И. Сетров утверждает, что базисом существования системной реальности выступает категория «организация», которая объединяет целостность и системность в более емкое образование – органическую целостность⁴.

В.Н. Садовский предложил классификацию свойств системы в которую включил основные свойства (группа А), специфицирующие (группа В) и поведенческие (группа С)⁵. В группу «А» В.Н. Садовский включил признаки, с помощью которых можно описывать внутреннее наполнение системы. Ко второй группе В.Н. Садовский отнес признаки, обрисовывающие особенные

¹ Афанасьев В.Г. Проблема целостности в философии и биологии. – М.: Мысль, 1964. – С. 8.

² Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход... С. 75-76; С. 136.

³ Гореликов Л.А. Указ. соч.

⁴ Сетров М.И. Организация биосистем: Методологический очерк принципов организации живых систем / АН СССР. Ленинградская кафедра философии. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. – 275 с.

⁵ Гореликов Л.А. Указ соч.

системные свойства. В третьей группе «С», по мнению автора, находятся признаки, относящиеся к поведению системы¹. Свойство целостности относится к третьей группе системных признаков, определяющей ее поведенческие возможности.

Таким образом, концепция целостности утверждается в социально-философском познании наряду с эволюцией системной методологии и является ее творческим основанием².

В современном обществе наблюдается некоторый поворот к пересмотру исходных классических научных представлений о предпосылках и факторах целостности и системности. Для С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, А.Ф. Loseva, М. Хайдеггера примером подлинной реальности, демонстрирующим в реальном мире смысловую «цельность» всякого существования, обладает Язык³. Поэтому отличительные черты языковой реальности способны к адекватному усвоению индивидуальным сознанием только в рамках системной методологии. Данный подход обеспечивает возможность эффективно осмыслить разумом «системное целое», а также способствует саморазвитию, претворяющему разнообразие собственных характеристик на основе их внутреннего согласия. Язык как целостность не только специфичен, но и все применим, и в этом его двойственная природа. Философская традиция, в русле которой язык рассматривается как дихотомный фактор целостности общества, продолжается и развивается и в наши дни⁴.

В эпоху глобализации язык выступает в качестве средства маскировки, камуфляжа неопределенности, невнятности в сфере экономики и политики. Действительно, современное общество, по выражению М. Хайдеггера, живет «в некой усредненной и смутной понятности бытия»⁵. Вместе с тем, эта

¹ Системные исследования: ежегодник, 1971... С. 35-54; С. 41.

² Гореликов Л.А. Указ. соч.

³ Там же.

⁴ Образование. Культура. Язык...С. 259-264.

⁵ Хайдеггер М. Бытие и время. Работы и размышления разных лет... С. 3-4.

«бытийная понятность» лишь подчеркивает «непонятности», поскольку смысл бытия в этой «понятности» уходит в тень¹.

С. Булгаков находил определенные упущения в формировании целостного философского миропонимания и усматривал главный просчет ведущих мыслителей современности в игнорировании проблемы слова и Языка². Для С.Н. Булгакова «имя» – интегральная единица, обеспечивающая целостность знаний о мире. Речевой этос, названия вещей, имя (в целом, всеобщем) – это то, что этому негативизму и отрицанию бытия в целом еще сопротивляется.

У Павла Флоренского «имя» выступает как внешнее определение целостности и характера личности, предмета или явления. Диалектика формы и внутреннего содержания имени формирует его целостность и нераздельность. Изменение имени может трансформировать целостность и сущностные характеристики личности, предмета или явления³.

«Философия имени» А.Ф. Лосева (которая в рабочем варианте имела название «Диалектика имени»)⁴ являет собой диалектически сконструированную целостную систему философии языка. Философ рассматривает концепцию *Имени* диалектически, как способ живой социальной интеракции. Представляя диалектику наилучшим методом постижения сущности Имени, Лосев считает ее «ритмом самой действительности», поскольку она дает «абсолютную ясность и строгость мысли»⁵.

А.Ф. Лосев культивирует идею диалектики *самосознания* («бытия-для-себя») и *бытия*, получающих целостность в слове как *эйдосе* вещи. Лосев пишет: «Материалисты прекрасно знают, что существует и сознание, и душа, но только они хотят сознательно удушить и сознание, и душу»⁶.

¹ Моторина Л.Е. Фундаментальная онтология Мартина Хайдеггера // Вестник ВятГУ. – 2007. – №18. – С. 20.

² Булгаков С.Н. Философия имени. – М.: Наука, 2008. – 448 с.

³ Флоренский П.А. Имена... С. 12.

⁴ Ильиных В.С. Концепция диалектики в философии А.Ф. Лосева // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 7. – С. 21-23; 22.

⁵ Лосев А.Ф. Философия имени... С. 181-182.

⁶ Лосев А.Ф. Абсолютная диалектика – абсолютная мифология... С. 214-298; 228.

М. Хайдеггер¹ в своих теоретических изысканиях осуществлял поиск в языке всеобщего средства целостного восприятия, отражения и понимания действительности, что в итоге привело его к выводу, что язык выступает «домом бытия». Однако симпатии Хайдеггера по отношению к феноменологии и отсутствие в его концепции демонстративного интереса к диалектике создают впечатление, что Хайдеггеру не интересен диалектический поиск истины². Несмотря на это, многие исследователи находят в работах Хайдеггера характеристики целостности и диалектики. В его рассуждениях прослеживается диалектическая логика в отношении анализа бытия-сознания, в котором одновременно сосуществуют скрытые смысловые объекты и объекты, раскрытые со временем³.

В диалектических умозаклчениях Хайдеггера находятся очевидные парадоксы неотвратимости прогресса и сопровождающих его духовных потерь, а также признаки интегрирующего и дезинтегрирующего воздействия глобального рынка на человечество. Можно сказать, что диалектическая логика Хайдеггера – это оригинальный способ объединения феноменологии с диалектикой с целью преодоления «недостатков старой философии» (главным идейным оппонентом Хайдеггера, как мы знаем, был Гегель) и поиска пути сохранения человеческого рода как целостности в условиях технологизации, глобализации и рыночной культуры.

Идею о целостности как сущностном, креативном фундаменте мировой реальности, определяющем ее системные характеристики, рассматривает В.Н. Сагатовский. В своих исследованиях автор делает попытку поиска определяющих понятий бытия. Универсум в данном контексте выступает в качестве парадоксальной интеграции целого и частного. Автор

¹ Хайдеггер М. Бытие и время. Работы и размышления разных лет... С. 199.

² Жижек С. Гегель против Хайдеггера: дно делится на два: Негативность, Диалектика и Отклонение // Г.В.Ф. Гегель. Тексты и комментарии. – URL: <http://www.hegel.ru/zhizhek1.html> (дата обращения: 07.11.2017).

³ Антипенко Л.Г. Диалектическая логика в свете фундаментальной онтологии М. Хайдеггера // Институт философии РАН. Официальный сайт. – URL: <https://iphras.ru/page49752799.htm> (дата обращения: 07.11.2017)

рассматривает целостность как неделимое и постоянно порождающее в своем развитии новые качества¹.

Идея целостности, описывая сочетание в сущностном основании в одной действительности конечного и бесконечного планов бытия, показывает спутанность, парадоксальность сущего². Данные парадоксы мышления обретают свою допустимость в аргументах единства противоположностей всеобщих законов бытия, устанавливающих качественные границы беспредельной действительности. В основании любой целостности лежит закон творчества, который позволяет реализовать сущностную природу через объединение двух сил, выраженных через способность создателя и создаваемого.

Из вышесказанного следует, что базисом целостности бытия выступает диалектическая интеграция противоположностей, которая существует в условиях сложноустроенности окружающей действительности. По мнению В.Н. Сагатовского, бытие может приобретать различные формы существования, от относительной до абсолютной. Автор называет данные формы «коррелятом и абсолютном...». При этом «коррелят» В.Н. Сагатовский рассматривает в виде двух форм, которые могут проявляться в объективной однолинейной и субъективной полиинтерпретируемой³. Для нас это важно в том аспекте, что постмодернистская теория познания, ориентированная на исследование субъективных форм социального бытия, может в более полной мере отразить социальную действительность, направленность развития и особенности влияния человеческого поведения на целостность общественной системы.

Постмодерн в отличие от классической теории, опирающейся на линейный детерминизм, обращается к новым цивилизационным характеристикам и тенденциям. Кардинально меняются представления о

¹ Гореликов Л.А. Указ. соч.

² Там же.

³ Там же. – С. 60.

системности, целостности и эволюции развития общества. Социум XXI вв. выступает в виде многообразного фрагментарного феномена.

Ж.-Ф. Лиотар¹, анализируя постмодернистское состояние общества, говорит, что в нем приняты открытость, отсутствие жестких иерархий и противопоставлений. Роль субъекта также пересмотрена, так как, несмотря на то, что он позиционируется более независимым и автономным, в реальности индивид становится «фрагментированной», не целостной личностью, для которой характерна не только реальная, но и символическая деятельность. Интерпретаторы постмодерна утверждают, что общество переходит к новым принципам существования – от способа производства к обществу, контролируемому кодом производства. В современном обществе господствуют символы и знаки (Ж. Бодрийяр)².

Постмодерн отвергает возможность прогнозирования будущего состояния социума и его эволюции. В большей степени это связано не с разнообразием альтернатив, а, скорее, с их отсутствием по причине отрицания целостности и системности общества и впоследствии индивида. Новая идеология, рассматривая основные проблемы развития современного общества, указывает на тотальное потребительство и формирование им «выбрасывающего общества»³. При этом потребление приобретает признаки цикличности в зависимости от моды, предпочтений, стиля жизни и социального статуса.

Зигмунт Бауман в контексте описания трансформаций общественной системы и культуры обращает внимание на важные проблемы переориентаций в системе управления социумом, смещение от центра к разрозненным контролирующим источникам⁴. Главным источником реальной власти в современном обществе Бауман называет рынок, что говорит о преобладающей роли экономического поведения в социальных

¹ Lyotard J.-F. La Condition postmoderne: rapport sur le savoir. – Paris: Minuit, 1979. – 109 p.

² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.

³ Ирхин Ю.В. Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ // Полития. – 2006. – № 4. – С. 148.

⁴ Bauman Z. Postmodernity and Its Discontents. – Cambridge: 1997. – P. 12.

отношениях, которое, с точки зрения постмодернистов, перестало быть инструментом чистого экономического обмена, а приобрело новые характеристики и значение. 3. Бауман, характеризуя особенности «постмодерна», рассуждает о взаимосвязи «власть – рынок – потребитель» и утверждает, что роль индивида возрастает, перераспределяются роли в социальной системе, поведение становится источником не только информации, но и действенным механизмом социальных процессов.

Однако интерпретаторы постмодерна в данном вопросе весьма скептически относятся к усиливающейся роли человека, так как считают, что его мышление подвержено влиянию потока знаков и смыслов, которые направлены на регуляцию всей социальной системы¹. Автор приходит к выводу, что основой социальной дифференциации становятся потребляемые знаки. Символический обмен становится основополагающей универсалией современного потребительского общества. Происходит отмирание социальных правил, наступают антирационалистические патологии. Наблюдается ценностный перекося в сторону гедонизма и индивидуализма, что также влияет на целостность личности и ее роль в социуме.

В результате нельзя утверждать, что постмодерн в полной мере может объяснить диалектические основания системности общества и их проявления в экономическом поведении, но он достаточно широко рассматривает проблемы кризиса и непредсказуемости социальной системы, индивидуализированного и фрагментированного индивида. Новый подход иллюстрирует повсеместное распространение в современном социуме власти знаковой системы, символизма и иллюзии². Выделен возможный вектор позитивного развития, основанный на формировании гуманизма, либерализма и воспитании творческого индивида-интеллектуала.

Из вышесказанного следует вывод, что диалектическое родство между параметрами системы и целостности присутствует. Целостность социальной

¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. – М.: Республика: Культурная революция, 2006. – С. 52.

² Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. – М.: Постум, 2015. – С. 56.

системы определяет ее развитие и сопровождает процесс формирования. Особое значение здесь приобретает целостность информационно-знакового структурного уровня социальной системы, на котором зарождается иная модифицированная цель существования системы и который является итогом коллективной деятельности людей. Эта целостность на сегодняшний день все более разрушается и дезориентируется. Присутствие структурной целостности позитивно сказывается на сохранении компонентной целостности, то есть на продуктивном взаимодействии между отдельными подсистемами общества.

Целостность личности в современном обществе подвергается трансформации и дроблению, взаимодействие приобретает новые формы, основанные на символическом обмене, преобладающей формой поведения становится потребительство. Модерн закрепостил личность, отрицал ее свободу, индивидуальность и внутренний потенциал самореализации. Постмодерн создает иллюзию свободы и индивидуализации, творчества, заменяя их символами и виртуальной реальностью. Все эти процессы напрямую влияют на эволюцию социальной системы и на ее целостность.

Немаловажным фактором выступают прогресс социальной системы и его влияние на ее структурное состояние. Если развитие принимает экстенсивно-экспансивную форму, это может приводить к нарушениям целостной социальной системы по причине внешнего воздействия. Иная ситуация характерна для интенсивно развивающихся социальных систем, которые переходят от одного целостного структурного состояния к другому более высокому уровню развития и в итоге прогрессируют.

Глава 3. Интеграция социального и индивидуального в экономическом поведении

3.1 Между открытостью и однородностью: две концепции целостности

Современная цивилизация проходит путь коренных преобразований, которые направлены на качественный скачок на новую ступень своего развития, выраженного в постиндустриальной форме. В новых условиях первоочередное значение приобретают глобализация, креативность и инновации как фактор интенсивного производства¹.

На первый план выходит изучение перспектив общественного развития, особенностей поведения, менталитета и духовного содержания человека в современном мире. Исследование активного взаимодействия человека с окружающим миром и природой, несмотря на глобально унифицирующие тенденции, может способствовать сохранению культурной уникальности различных народов и государств в контексте мировой интеграции.

Первопричину глобального кризиса современного мира и происходящих коренных изменений многие ученые видят в конфликте человека и природы, что в итоге может выразиться в виде техногенной катастрофы и стать угрозой для всего живого на земле. Согласно исследованиям академика С.П. Капицы «мир находится на пороге грандиозного качественного скачка»², но возникает закономерный вопрос – будут ли способствовать эти качественные изменения прогрессу общества и

¹ Ерофеев И.В. Постиндустриальное общество: становление новой социальной реальности в контексте отечественной модернизации: автореф. дисс... канд. филос. наук: 09.00.; Твер. гос. ун-т. – Саранск, 2008. – С. 3.

² Капица С.П. Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле: очерк теории роста человечества. – М.: Изд-во Ин-та физ. проблем, 1999. – С. 86.

его реорганизации в рамках гуманистической культуры, основанной на человеческом разуме.

Высказанные опасения по поводу современных общественных процессов обусловлены двумя разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, они выражены глобализацией как инструментом интеграции различных обществ, культур и рынков в единое унифицированное пространство. С другой – постмодерном как социокультурным периодом¹, основаны на дезинтеграции и хаосе, при котором формируются потребительские практики, утрачиваются и разрушаются механизмы единства и целостности общества.

Теория систем в данном противостоянии выступает определенным компромиссом и позволяет сформировать представление о порядке, формирующемся из хаоса². По этому поводу В.А. Кутырев в своей работе «Борьба миров» высказывает опасения за будущее человечества вообще, так как, по мнению автора, человечество разделилось на два противоборствующих лагеря, что выражается в столкновении мира культуры и мира техники³. Рассматриваемый конфликт проявляется не только на социальном уровне, но и на личностном. Противоположные векторы развития формируют искаженное восприятие реальности, фрагментируют и размывают целостность и индивидуальность личности.

Целостность представляет собой важнейшую характеристику для любой существующей и действующей системы и выступает основным гарантом ее устойчивого развития, которое может быть реализовано только при условии интеграции и гармонии всех элементов системы.

Анализ глобализационной стратегии современного мира показывает, что стремление поглотить и использовать для своего существования всевозможные рынки, товары и услуги выступает не единственной целью. На первый план выходит влияние на индивида и совокупность его различных

¹ Савченко И.А. Многоэтничное общество: в поисках маршрута интеграции. – М.: Инфра-М, 2011. – С. 98.

² Пригожин И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / Илья Пригожин, Изабелла Стенгерс; Перевод с англ. Ю.А. Данилова; Общ. ред. и послесл. В.И. Аршинова и др. – М.: Прогресс, 1986. – С. 86.

³ Кутырев В.А. Человеческое и иное: борьба миров. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 295 с.

потенциалов с целью встраивания его в систему глобализма. При этом контроль осуществляется в основном в рамках экономической сферы, которая задает тенденции и диктует образцы поведения, транслируемые на всю жизнедеятельность человека. Это впоследствии не дает человеку возможности проявлять в полной мере свою человеческую сущность и быть полноценной частью целостного мира. Данная ситуация приводит к необходимости переосмысления принципов протекания современных социальных процессов посредством применения поведенческого подхода и системы различных взаимосвязей.

Поэтому идея единого мира может быть реализована только при условии целостности не только общества, но и самого человека. В.С. Степин отмечает, что в условиях современности появилась возможность создания целостной научной картины мира, которая включает в себя три компонента: органическую, неорганическую природу и социум¹. И такой подход к человекопониманию может способствовать выработке концепции гармоничного будущего для человечества в сочетании индивидуального и целостного бытия. Такое понимание единого мира значительно расходится с сущностью процессов современной глобализации и унификации, ориентированных на консьюмеризм. С точки зрения В.Е. Кемерова, важное значение приобретает субъект, а прогресс общества зависит от правильного использования его потенциала².

Целостность современного общества, по мнению С.А. Лебедева, в истории философии трактуется в рамках двух тенденций. С одной стороны, целостность понимается как всеобъемлющая достаточность, которая сочетает в себе все элементы целого и их взаимосвязи, а с другой – целостность представлена в виде свойства, характеризующего внутреннее содержание и особенности объекта. При этом всестороннее изучение целостности как

¹ Степин В.С. Теоретическое знание: структура, ист. эволюция. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 641.

² Кемеров В.Е. Гуманитаризация обществознания: методологические перспективы // Социемы. – 2005. – № 11.

объекта приобретает особенный смысл в условии необходимости извлечения комплексного знания о нем с учетом структуры и противоречивости¹.

Анализ философских концепций XX века позволяет обнаружить два основных направления в исследованиях категории целостности и, соответственно, две философские парадигмы осмысления данного явления – структурно-функциональную и конфликтологическую.

В контексте структурно-функциональной парадигмы целостность – это единство гармонического взаимодействия различных структур и функций. Как отмечает Т. Парсонс, центральным понятием изучения социальной системы выступает нормативный порядок, основанный на ценностной системе и культуре². Из определения социальной системы становится очевидным несоответствие современной реальности выдвинутым положениям Т. Парсонса, то есть ценностным и культурным основаниям нормативного порядка. Дисгармония социума проявляется в гипертрофировании материальных ценностей, гедонизма, массовой культуры.

В рамках конфликтологической парадигмы общество рассматривается как целостная система, для которой характерны постоянный конфликт и высокий уровень рискогенности. По мнению К. Маркса, общество представляет собой определенную целостность и элементы (сферы жизнедеятельности) этой целостности в отдельности не могут быть правильно интерпретированы³. Причем экономический аспект в более ранних его работах является наиболее приоритетным, а в более поздних – становится в один ряд с другими.

Г. Зиммель также рассматривал понятие целостности, которое распространилось и на целостность общества, и на целостность человека. Как представитель конфликтологической парадигмы Зиммель считал, что

¹ Лебедев С.А. Философия науки: словарь основных терминов. – М.: Академический проект, 2004. – 320 с.

² Парсонс Т. Общий обзор / сокр. пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского; ред. и вступит. ст. д-ра филос. наук Г.В. Осипова // Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы. – М.: Прогресс, 1972. – С. 371.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Гос. изд. полит. лит. 1954–1966. – Т. 6. – С. 442.

взаимное «отталкивание» помогает сохранять целостность социальной системы, устанавливая равновесие между ее различными группами¹. В данном контексте разделение мира индивидуального и мира социального вполне обоснованно и действительно несет в себе гарантию полноты данных элементов. Однако в современных условиях можно наблюдать проблемы, возникающие как на уровне стремления индивида к индивидуальной завершенности, так и на уровне его взаимодействия с социумом, постоянно стремящемся его поглотить и манипулировать им.

Развивая идею рискогенности общества в рамках конфликтологического подхода, Э. Гидденс утверждал, что в условиях социума риск проявляет себя не только в период трансформаций и нестабильности, а также во времена покоя. Образованная «среда риска» отражается в угрозе насилия, бездуховности, отсутствии смысла и развития человеческой реальности². Данные характеристики вполне можно отнести к современному социуму и описать его как «рискогенное», что говорит о необходимости снижения рисков и причин, их стимулирующих.

Проблема динамического характера общемировой целостности накладывает определенный отпечаток на требования к современному философскому дискурсу. С.Л. Катречко отмечает, что основной задачей философа является изучение и анализ «целостностей», которые невозможно измерить и проиллюстрировать стандартными научными критериями³. Зиммель пришел к выводу, что философом может быть только та личность, которая способна видеть и рефлексировать целостность современного мира. При этом Зиммель акцентировал свое внимание на том, что человеку необходимо переключать свое внимание с мелочей на более глобальные вопросы бытия⁴.

¹ Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. яз. О. Назаровой; Под. общ. ред. Л.Г. Ионина. – М.: Идея-пресс: Дом интеллектуал. кн., 2000. – С. 54.

² Giddens A. The Consequences of Modernity. – Cambridge: Polity, 1990. – P. 102.

³ Катречко С.Л. Рефлексивный подход к исследованию феномена целостности / Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты (философия). – М.: Фонд Сороса, 1996. – С. 152.

⁴ Зиммель Г. Избранное – Москва : Юрист, 1996. – Т. 2. Созерцание жизни. – С. 567.

Другим важным аспектом в процессе осознания принципа целостности является диалектика противоположностей личного и общественного, которая была отмечена М. Хайдеггером. М. Хайдеггер определяет специфику бытия человека в мире словами Новалиса: «Философия – это ностальгия, тяга повсюду быть дома»¹. Именно утрата целостности человека послужила причиной множества социальных разладов и рисков. По мнению Х. Ортега-и-Гассета, человек повсюду обнаруживает свою нецелостность².

Внутренне согласованный, целостный и интегрированный индивид, успешно вписывающийся в требования системы, представляет собой сформированную личность, устроенную из элементов и взаимосвязей, действенных в условиях социального устройства. М.С. Каган считает, что целостность объединяет субстратный («всесторонность») и структурный («гармоничность») аспекты личности³.

Источником целостности личности может быть развитие системного мышления, которое бы позволило содержательно приблизиться к осознанию и обретению мировой целостности. Современный научно-технический прогресс позволил человечеству шагнуть далеко вперед по сравнению с предшествующими поколениями в области развития технологий, науки, экономики и производства, и эти факторы обусловили формирование определенного типа личности, который адаптирован не к целостной научной картине мира, а только к ее узким сферам, в частности к экономической. Финский исследователь У. Мяки утверждает, что экономический мир отличается от иных сфер специфическими характеристиками и объектами⁴. Впоследствии «экономический мир» порождает специфические черты современного человека, которого обвиняют в одномерности мышления, излишнем потреблении, эгоизме и отрыве от природы.

¹ Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В.В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. – С. 141.

² Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / пер. с исп. А.М. Руткевич. – М.: Весь мир, 1997. – С. 164.

³ Борытко Н.М. Пространство воспитания: образ бытия: монография / науч. ред. Н.К. Сергеев. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 35.

⁴ The Economic World View: Studies in the Ontology of Economics... P. 3-14.

Целостный подход к формированию гармоничной личности предполагает наличие определенных свойств, которые необходимо интегрировать. Рассматривая данную проблему, В.С. Ильин отмечает, что целостная личность состоит из ряда противоречий, однако, это только способствует развитию и поддержанию целостности личности, а не наоборот, как принято считать¹. В человеке необходимо формировать весь спектр необходимых качеств, которые имеют отношение не только к сфере экономических знаний и навыков. А впоследствии данные качества еще должны находиться в гармонии и развитии.

Целостность как свойство социальности отражается в общественной природе человеческой личности. Основной ее ролью становится объединение различных составляющих при становлении отдельной личности и адаптация к внешним факторам окружающей действительности². При этом целостность наделяет объекты способностью индивидуального анализа бытия³. Социальность личности можно изучить и осмыслить через простые акты и поведение людей, которые отражают современное состояние общества как работающей целостной системы и определяют место человека в этой системе. Организующей силой поведения современного индивида является индивидуальный эгоизм и экономическая выгода. Поэтому признаки преобладающего влияния экономики мы находим не только на индивидуальном, но и на социальном уровне существования человека. А. Смит при анализе экономической реальности обратил внимание на то, что подобная мотивация направлена на повышение социального статуса. При этом поиск выгоды характерен практически для каждого человека в любых обстоятельствах, и наиболее привлекательной целью люди считают «увеличение богатства»⁴. Ю. Хабермас отмечает, что в современном мире рационализация и духовность приобрели противоположные векторы

¹ Ильин В.В. Новый миллениум для России: Путь в будущее. – М.: МГУ, 2001 – С. 40.

² Мельник Л.Г. Фундаментальные основы развития. – Сумы: Университетская книга, 2003. – С. 8.

³ Савкин Н.С. Образ жизни, формирование, воспроизводство и регулирование. – Саратов: СГУ, 1984. – С. 147.

⁴ Смит А. Исследование о природе и причине богатства народов... С. 7.

развития¹, а сам разум «раскололся на множество ценностных сфер и уничтожил собственную универсальность»². Данные процессы влияют как на общество в целом, так и на его развитие и устойчивость.

Изучая рационализацию современного общества, В.С. Стёпин в историческом генезисе новоевропейской науки выделил три типа рациональности – классический, неклассический и постнеклассический, и отметил существенную связь последнего с ценностями культуры, определяющими способность общества к саморазвитию³. Именно в этой способности можно усмотреть ключ к преобразению современного поведения человека, в том числе и экономического. Современное поведение характеризуется множеством негативных тенденций: и ориентацию на потребление, гедонизм, трансляцию унифицированных символов, и отсутствие собственного стиля мышления. Единственным вариантом исправления обозначенных тенденций, преобразования духовной составляющей жизни человека и переориентации экономических практик с потребительских на производящие, становится развитие индивидуальности. Именно индивидуальность может выделить личность в массовых процессах подражания, способствовать развитию критического мышления, переориентировать ценностные основы с экономической сферы на духовную. Примеры эффективности индивидуальности можно найти даже на фоне современных процессов монопольного поглощения рынков транснациональными корпорациями. Данным процессам практически никогда не могут противостоять ни крупные, ни средние компании. Однако самые мелкие предприниматели, основываясь на оригинальной и самобытной идее, продолжают поддерживать постоянный спрос у своего потребителя⁴. Становится понятным, что, несмотря на рыночные процессы, ценностную трансформацию и влияние массовой культуры, целостная, гармоничная

¹ Фарман И.П. Социально-культурные проекты Юргена Хабермаса / РАН. Ин-т философии. – М.: 1999. – С. 90.

² Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 45.

³ Стёпин В.С. Синергетика и системный анализ ... С. 11.

⁴ Ariely D. Predictably Irrational: The Hidden Forces That Shape Our Decisions. – NY: HarperCollins, 2008. – 308 p.

личность вполне может противопоставить свою индивидуальность глобальным тенденциям.

В рамках синергетической школы рациональность рассматривается достаточно широко, в том числе и в постнеклассических практиках, и в контексте всего социума. Такой подход предполагает, что человек действует в рамках процесса самодетерминации, причем на двух уровнях – внешнем и внутреннем. На внешнем уровне человек взаимодействует со средой и испытывает всевозможные ее влияния, а на внутреннем уровне на человека воздействуют осознаваемые и неосознаваемые явления его собственного внутреннего мира, объединенные в целое. Поведение, мотивы и цели которого отражены в сознании индивида, не может реализовываться в отрыве от иррациональных «парсических» (ситуативных) условий среды и внутренних интенций человека¹. Но нельзя утверждать, что «парсические» влияния полностью определяют поведение человека, потому что человеку постоянно приходится принимать решения и делать выбор на внешнем уровне (и именно в этом случае проявляются рациональность и иррациональность поведения), что влияет на внутренний уровень и на будущее целостное гармоничное состояние системы. Поэтому основная задача поведения человека как части системы – быть центром гармонизации своих действий с миром. В синергетическом подходе такое соотношение человека и среды называется сизигийность.

Таким образом, в рамках постнеклассической науки основной характеристикой социума становится возможность гармоничного сочетания и соответствия различных элементов социальной системы². Такой подход позволяет исследовать новые и сложные социальные явления, к которым можно отнести и современную форму экономического поведения. По итогу целостность личности может быть проанализирована с точки зрения уровня

¹ Кизима В.В. Постнеклассические практики: рефлексивность и управление // Вопросы философии. – 2010. – №3. – С. 54-65.

² Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность... С. 5-17.

завершенности, комплексности, взаимопроникновения и согласованности основных элементов.

Параметры целостности находятся в тесной взаимосвязи с параметрами устойчивого развития, и эта взаимосвязь раскрывает сущность функционирования сложных систем, которыми являются человек и общество. В концепции структурного функционализма Т. Парсонса можно выделить два ответа на вопрос о достижении целостности устойчивого развития. Первый заключается в том, что индивиды в процессе своей жизнедеятельности достигают достаточного уровня единства в понимании социальных норм и ценностей благодаря социализации. Во втором случае в системной теории Т. Парсонса социальный порядок рассматривается сквозь призму эффективной функциональности социальной системы¹.

Но разделение общества на подразделы и функции, которое было предложено Т. Парсонсом как метод изучения целостности и развития, не отражает специфику целостности. Невозможно воссоздание целостного механизма во всем его многообразии из изолированных фрагментов и процессов. Это относится и к экономическому поведению. Существуют разные типы поведения, и, как ни старайся, целостность, созданная на их основе, всегда будет неполной, ускользающей. Но целостность создавать обязательно нужно с упреждением на указанную неполноту. Как подчеркивает В. Визгин, процесс разделения целостности на части сам по себе противоречит самой целостности системы².

Таким образом, целостность не может являться результатом интеграции множества, так как изначально целостность больше чем множество. Данный тезис был использован в качестве методологического основания работ И.З. Цехмистро, который показал необходимость

¹ Батыгин Г.С. Структурный функционализм Толкотта Парсонса // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2003. – № 4–5. – С. 6–34.

² Визгин В.П. Традиции и инновации (взгляд историка науки) // Традиции и революции. – М.: Политиздат, 1991. – С. 187.

рассматривать корреляцию устойчивого развития с целостностью, но не с множественностью¹.

Немаловажным фактором развития системы и ее целостности является требование разнообразия элементов, ее составляющих. Требование разнообразия позволяет нам говорить о наличии у систем параметра гетерогенности. Именно гетерогенная система имеет высокий потенциал для развития, а гомогенная система таких потенциалов практически лишена².

Из этого следует, что экономическое поведение как целостная система действий, целостность личности как субъекта экономического поведения и целостность общества, обладающая необходимым для развития потенциалом – гетерогенностью, – вот три взаимосвязанные и взаимозависимые переменные, обуславливающие друг друга.

В связи с этим представляет научный интерес корреляция между устойчивым развитием, целостностью и детерминированностью. Данная взаимосвязь возникает в рамках комплексного сложного процесса взаимодействия различных параметров социальных систем. Одним из наиболее важных критериев является открытость. По отношению к обществу открытость предполагает возможность изменения, включения новых элементов в социальные системы и возникновения новых форм общественных отношений под влиянием взаимодействия между системами.

Новое понимание целостности как открытости позволяет показать неразработанные ранее возможности исследования. Ранее целостность воспринималась как некоторый принцип однородности общества, отсюда перспективу устойчивого развития видели в унификации, в закрытости как средстве против проникновения чужеродных элементов, нарушающих единство социальной системы.

Приоритетом развития общества и человека становится развитие у людей творческого начала как источника индивидуальности. Именно

¹ Цехмистро И.З., Штанько В.И. Концепция целостности. – Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1987. – С. 168.

² Савченко И.А. Интегральные критерии классификации социокультурных отношений... С. 61.

творчество, предполагает увеличение степени целостности общества, так как творчество – главное условие социальной жизнеспособности в изменяющихся социально-экономических условиях. Трансформирующееся экономическое поведение как индикатор перемен в обществе и тип поведения, который в современных условиях глобализации преобладает над другими видами социального поведения, становится источником дополнительных знаний о содержательных процессах поведения личности, об алгоритме раскрытия человеческого потенциала как источника целостности и открытости социальных систем.

3.2 Эпистемологические основания диалектики социального и индивидуального в экономическом поведении

Основным объектом исследования эпистемологии становится знание как таковое, его строение, структура, функционирование и развитие. «Будучи философской дисциплиной, эпистемология, – подчеркивает Поль К. Мозер, – является наукой о природе знаний и, в особенности, их обоснования; наукой об определении их компонентов, существенных условиях и источниках знаний, о границах знаний»¹.

Все более частое обращение ученых к вопросам эпистемологии показывает тенденцию повышения качества исследований и свидетельствует, что на данный момент сформирована потребность в научной самоорганизации в сфере критического анализа классических подходов, а также в понимании продуктивности новых – объективистских и субъективистских². Новое научное видение представляет современную

¹ Карадже Т.В. Методология исследования политического: основные подходы и направления: коллективная монография / под редакцией Т.В. Карадже. – Москва: Прометей, 2013. – 194 с.

² Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека... С. 44.

реальность в качестве многомерного пространства, которое включает в себя потоки мнений и смыслов, отношений дополнительности и взаимосвязи¹.

Данный подход развивается многими исследователями: в области социальной философии (В.А. Лекторский, И.П. Меркулов, Е.Н. Князев, Б.И. Пружинин, М.А. Розов)²; в социальной эпистемологии (И.Т. Касавин, Ю.С. Моркина, Л.А. Марков, В.А. Колпаков, М. Фуко)³; в экономической теории познания (М. Блауг, П. Миrowsки, Л. Боланд, О.И. Ананьин, В.С. Автономов)⁴.

С точки зрения В. Лекторского, специфика традиционного познания основана на базовых принципах познания. Среди них можно выделить критицизм, базирующийся на устремленности анализа различных систем и объектов с точки зрения конкретных идеалистических представлений. Также к базовым принципам относится фундаментализм и нормативизм как условия подтверждения идеальности конструкции знания и ее нормативного закрепления в конкретных формах. Не менее важным принципом является субъектоцентризм, символизирующий принятие факта бытия субъекта как основы для процесса познания⁵.

При этом осмысление основополагающей методологии эпистемологии весьма разнится и тяготеет либо к классической эпистемологии, либо к

¹ Честнов И.Л. Методология и методика юридического исследования: учеб. пособие / С.-Петербург. юрид. ин-т Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2004 (С.-Петербург. юрид. ин-т). – 128 с.

² Лекторский В.А. Эпистемология. Классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.; Меркулов И.П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход). 1, 2 т. – СПб.: Изд-во РХГА, 2006. – 472; 416 с.; Пружинин Б.И. Наука и эпистемология в «цивилизации знания» // Эпистемология: перспективы развития / под общ. ред. В.А. Лекторский. – М.: Канон+, 2012. – С. 189-198.

³ Касавин Т.И. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон +; Реабилитация, 2009. – 1248 с.; Моркина Ю.С. Social Epistemology: обзор дискуссий // Epistemology & Philosophy of Science. – Vol. 25, No. 3. – 2010. – P. 95-104; Маркова Л.А. Социальная эпистемология, ее истоки и настоящее // Epistemology & Philosophy of Science. – No. 2 (40). – 2014. – P. 59-73; Социально-эпистемологические проблемы современного экономического знания: экономическая наука эпохи перемен / В.А. Колпаков; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: Канон+; Реабилитация, 2008. – 207 с.

⁴ Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. – М.: Вопросы экономики, 2004. – 416 с.; Abu Turab Rizvi S. Philip Mirowski as a Historian of Economic Thought // Steven G. Medema, Warren J. Samuels (eds.): Historians of Economics and Economic Thought: The Construction of Disciplinary Memory. – Routledge, London/New York: 2001. – P. 209-222.; Boland L.A. Conventionalism and economic theory // Philosophy of Science, 1970. – P. 239-248.; Ананьин О.И. Философия и методология экономической науки // Философия социальных и гуманитарных наук / под ред. С.А. Лебедева. – М.: Академический проект, 2006. – С. 353-436; Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории. – М.: Наука, 1993. – 176 с.

⁵ Лекторский В.А. Указ. соч.

неклассической, взаимоисключая друг друга. Однако подобные расхождения могут реализоваться только в рамках научного обсуждения и с целью соответствия социально-философского поиска не только духовным, но и материальным интересам социального развития.

На протяжении всей истории европейской культуры отмечается преобладание и влияние на научное познание субъектно-объектной гносеологии. Ведущими исследователями в рамках данного подхода являются Р. Декарт, Дж. Локк, И. Кант¹. Этот подход определил развитие и формирование различных теоретических направлений и методик в сфере образования. Основой субъектно-объектной гносеологии выступил анализ рациональности, которая была представлена центральной темой и выступила мерилom «научности». Отношения, выстроенные на других принципах, то есть не субъектно-объектного взаимодействия, переходили в разряд иррациональных².

В рамках классической методологии экономическая сфера представляется в виде объективной реальности, которая противопоставляется субъективизму исследователя. Такой взгляд на действительность предусматривает формирование единого и неоспоримого воззрения на существование, структуру и функции экономики в целом и отрицает всяческие предпосылки субъективности в научном поиске. Подобная принципиальная позиция классической методологии дает основания для углубленного анализа, который опирается на восприятие единого правильного варианта действительности, устроенной в рамках четких теоретических императивных конструкций и представлений классических авторов³.

¹ Декарт Р. Сочинения: Т. 1 / вступ. ст. В.В. Соколова; прим. М.А. Гарцева и В.В. Соколова. – М.: Мысль, 1989-1994. – 654 с.; Локк Дж. Избранные философские произведения: Т. 1: Опыт о человеческом разуме / Примеч. И.С. Нарского и А.Л. Субботина; Под ред. И.С. Нарского. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 734 с.; Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. – М.: Эксмо, 2007. – 734 с.

² Микешина Л.А. Философия науки: современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие. – М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. – 464 с.

³ Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека... С. 44-48.

При анализе социально-экономической действительности учитываются явления, основанные на рациональности, историческом опыте, объективных фактах и реальных взаимодействиях индивидов. При этом из поля зрения выпадают повседневные intersubъективные коммуникации. По итогу в рамках классического методологического анализа процедура освоения специфики экономической реальности и экономического поведения представляется однолинейно, в силу того что субъект познавательной активности способен в полной мере осознать социальную реальность¹.

В свою очередь, позиция изучения субъекта познания представлена с полярных точек зрения. С одной стороны, он выступает в качестве активного субъекта, который наблюдает за динамической реальностью, передает чувственные впечатления в процессе освоения действительности и ее трансляции. С другой стороны, субъект представлен в виде беспредметной конструкции, духа, не отягощенного личностными и временными параметрами.

С позиции Г.В.Ф. Гегеля методология познания в своих исконных установках раскрывает трансформации развивающегося духа во всей его абсолютности и всеобщности. Эта методология опирается на описание субъекта познания в качестве беспредметной сущности и отождествление природы индивида его духу². С точки зрения незыблемости естественной способности человека К. Маркс представил отрицание анализа сознания. Не случайно центральным вопросом изучения процесса познания у К. Маркса является исследование социально-исторического опыта человечества³. Возникновение и продолжительное влияние классической методологии на социально-философское познание плодотворно сказалось на развитии эпистемологии. Это в итоге дало возможность укоренить ряд важнейших

¹ Савченко И.А., Агеева Н.А., Родзиковская Т.А. Экономические знания и экономическое сознание // Власть. – №. 4. – 2018. – С. 84-89.

² Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека... С. 44.

³ Ананченко А.Б. Маркс и всемирная история // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. – 2018. – № 4. – С. 24-35.

методологических принципов и постулатов, основанных на обобщении и оптимизации познания и знания.

Неклассическая методология познания начинает свой исторический отсчет с начала XX века и формируется на основе нового подхода к познанию и знанию в рамках научных и культурных трансформаций того времени. Фундаментальное переустройство социокультурных и ценностных факторов познания подтолкнуло к модификации центральных принципов и дополнения их герменевтическими теориями¹. Современный подход выразился в трансформации научно-теоретического базиса, и исследователи на данный момент нередко отвергают применение прежней терминологии, такой как «теория познания» и «гносеология». Критические воззрения К. Поппера² также способствовали тому, что наиболее применимым к подобного рода исследованиям становится понятие «эпистемология»³.

В. Лекторский⁴ выделяет ряд параметров, которые отражают неклассический взгляд на эпистемологию. В первую очередь, применение обратного принципа в познании и уход от предвзятости оценивания дает возможность включения и анализа разнообразных элементов и возможности привлечения большего количества исследователей. Приходит новое представление о методах исследования, необходимости гибкости и подвижности процесса познания. Значительно меняется отношение к субъекту и его роли в процессе познания, учитывается его разноплановая деятельность и активное социальное взаимодействие с другими субъектами. Все описанные изменения приводят к значительному расширению объекта познания и новому наполнению знания как такового.

В последние годы активно развивается социальная эпистемология. В рамках новой методологии познание детерминировано субъектом, его

¹ Шлейермахер Ф. Герменевтика / пер. с нем. А.Л. Вольского; науч. ред. Н.О. Гучинская. – СПб.: Европейский Дом, 2004. – 242 с.; Писарчик Л.Ю. Проблема специфики «Наук о духе» в методологии гуманитарного познания В. Дильтея // Вестник ОГУ. – 2012. – № 1 (137). – С. 56-66.

² Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / вступ. ст. и общ. ред. В.Н. Садовского; послесл. В.К. Финна. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 464 с.

³ Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека ... С. 46.

⁴ Лекторский В.А. Указ. соч.

поведением и формами взаимодействия. Ракурс исследования здесь переориентируется с субъектно-объектных отношений в плоскость кооперации и интерсубъективности¹. При таком ракурсе исследования актуализируются новые стороны бытия человека, становится важным вопрос о его целостности, роли степени свободы субъекта в различных общественных подсистемах, в частности в политике и экономике.

В работах ведущих западных специалистов в области эволюционной эпистемологии, таких как К. Лоренц, Д. Кэмпбел, Г. Фоллмер² представляют биопсихосоциальную природу индивида и считают, что целостный человек синтезирован в триедином измерении³. Такое интегративное устройство человеческой природы и процесса познания определяет направленность его изучения и размещает исследование одновременно в нескольких исследовательских пластах.

Большинство российских исследователей рассматривают широкие возможности неклассического подхода к познанию социального взаимодействия в процессе реализации активной деятельности в условиях действительности. С точки зрения П.М. Петровского, новый философский подход направлен на установление системы методологических установок, которые дают возможность с разных сторон, более основательно и широко взглянуть на общественное бытие и личность как сложную ценностную модель⁴.

Идейным истоком экономической эпистемологии стало преобразование закономерностей развития экономической мысли на основе постпозитивистских концепций Т. Куна и И. Лакатоша⁵. Также

¹ Карадже Т.В. Указ соч.

² Лоренц К. Обратная сторона зеркала. – М.: Республика, 1998. – 393 с.; Поппер К. Кэмпбелл об эволюционной теории познания // Поппер К. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. – М., 2000. – С. 147.; Фоллмер Г. Эволюционная теория познания: врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки / пер. с нем. А.В. Кезин. – М.: 1998. – 165 с.

³ Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека ... С. 46.

⁴ Петровський П.М. Цінність гуманітарної методології постмодернізму для демократичного врядування // Філософські дослідження: Зб. наук. пр. – Луганськ, 2011. – Вип. 14. – С. 216-220.

⁵ Ананьин О.И. Онтологические предпосылки экономических теорий. – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 50 с.

немаловажную роль в формировании экономических идей сыграла теоретическая конструкция Н. Картрайта¹, в которой были рассмотрены специфика представлений об экономической реальности, отраженных в экономической теоретической мысли. По мнению автора, в условиях ограниченных вариантов исследования основополагающих факторов и анализа социальной обстановки, без возможности раскрытия взаимосвязей целью познания выступает обнаружение сущности вещей. Достижение данной целевой установки может быть реализовано посредством выявления характеристик вещей и способов реализации потенциалов для извлечения максимальной пользы².

Новый взгляд, основанный на данном утверждении, обращает внимание на реализацию скрытого потенциала экономической реальности для удовлетворения интересов индивида, что в результате может стать основой для индивидуального и социального прогресса. Путь к современной форме экономической науки включал несколько этапов. Во времена Древней Греции экономика рассматривалась как учение о домашнем хозяйстве. Эпоха Средневековья наделила экономическую сферу императивной функцией и набором непреложных правил для индивида. Во времена «политической экономии»³ пристальное внимание было сосредоточено на рынке и капиталистических благах, что в итоге привело к появлению термина – «экономика»⁴.

Позже в экономических теориях, разработанных Дж.М. Кейнсом и М. Фридманом⁵, в первую очередь рассматривалось рыночное противоборство, идея «государства всеобщего благоденствия», что в итоге привело к

¹ Cartwright N. Ceteris paribus laws and socio-economic machines // The Economic World View. Studies in the Ontology of Economics. Cambridge University Press. – 2001. – P. 175-293.

² Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека ... С. 46-47.

³ Слудковская М.А. Политическая экономия Антуана де Монкретьена (к 400-летию выпуска «Трактата по политической экономии») // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. – 2016. – № 2. – С. 107-118.

⁴ Нуреев Г.Р. Предпосылки новой экономической парадигмы // Вопросы философии. – 1993. – Вып. 4. – С. 131.

⁵ Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Гелиос АРВ, 2012. – 204 с.; Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать: Наша позиция: пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2007. – 356 с.

попыткам синтеза в рамках экономического поведения рационализма и прагматизма¹.

Современное институционально-социологическое направление в экономике в лице Т. Веблена, У.К. Митчела и Дж.К. Гэлбрейта² направлено на исследование реально действующего индивида в системе подлинных социальных институтов. Для того чтобы комплексно представить роль индивида в социуме и в условиях рынка, по мнению авторов, необходимо дополнительно учитывать ряд факторов, которые возможно установить при условии привлечения к исследованию экономических явлений социологов, политологов, психологов, философов.

Многие исследователи в рамках современной эпистемологии обращают внимание показывают, что, несмотря на широкие теоретические возможности научного познания, которое может в полной мере предоставить информацию о социальной и экономической реальности, существует ряд ограничений. Данные ограничения выражаются в недостатке систематического отслеживания реального состояния объекта исследования. Н. Картрайт, изучая специфику эпистемологии, пришла к выводу, что теоретическое моделирование, создание искусственных конструкций не могут быть напрямую связаны с подлинным положением вещей³. Среди таковых авторов можно выделить Р. Сагдена (теория правдоподобных миров)⁴, А. Рубинштейна (дилеммы экономической теории)⁵, Р. Лукаса («аналоговые экономики»)⁶.

Д. Норту принадлежит открытие основного слабого места в институциональной парадигме экономической теории, которое выражается в

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека... С. 47.

² Веблен Т.Б. Теория праздного класса: пер. С. Сорокина. – М.: Либроком, 2011. – 368 с.; Митчелл У.К. Рациональность экономической деятельности / пер. А.А. Оганесян // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2010. – Т. 8. – № 1. – С. 96–108; Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. – М.: Прогресс, 1976. – 405 с.

³ Cartwright N. Ceteris paribus laws and socio-economic machines... P. 175-293.

⁴ Сагден Р. Правдоподобные миры: статус теоретических моделей в экономической науке / Философия экономики. Антология / под ред. Д. Хаусмана. – М.: изд. ин. Гайдара, 2012. – С. 475-518.

⁵ Рубинштейн А. Дилеммы экономиста-теоретика // Вопросы экономики. – 2008. – № 11. – С. 62-80.

⁶ Лукас Р.Э. Лекции по экономическому росту / пер. с англ. Д. Шестакова. – М.: изд. ин. Гайдара, 2013. – 288 с.

отрицании интерсубъектного характера экономического поведения. Игнорирование данного фактора приводит к тому, что исследование не рассматривает характер индивида, его менталитет и исторический опыт, культурные ценности и установки в отношении социальной действительности. Все перечисленные детерминанты предопределяют процесс выбора вариантов разумных действий при реализации личных устремлений в условиях конкретного социума¹.

В условиях постмодерна процесс научного поиска меняет свое направление и учитывает интерсубъективность, специфику и правила социального взаимодействия, что, в итоге, открывает новые грани для изучения социальных объектов, в том числе, и экономического поведения. В методологическом аспекте постмодерн не соглашается с возможностью научного поиска путем освоения только объективных императивов. Причиной этого становятся непостижимость и неустойчивость объекта и неизменная односторонность (в отличие от субъекта)².

В этом контексте приобретает значимость концепция рационального выбора, которая распространяется на все области социальной жизни. Она основана на том, что в своем поведении человек реализует определенную закономерность и практически во всех случаях выбора предпочитает наиболее выгодную позицию, гарантирующую результат. Однако в процессе реального выбора индивид рассматривает и внешние воздействия, и внутренний потенциал. В итоге рациональность формируется с учетом воздействия множества условий, которые личность осмысливает и принимает в зависимости от индивидуального личного и общественного опыта в конкретной культуре³. С учетом данных обстоятельств невозможно утверждать, что в процессе реализации экономического поведения можно выявить ряд универсалий и зафиксировать их для дальнейшего анализа,

¹ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – С. 7.

² Карадже Т.В. Указ. соч.

³ Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека... С. 48.

применяя единообразно во всех случаях наблюдения. Социальная реальность исключает существование однородности, которую популяризируют в рамках теории «экономического империализма»¹.

Социальная эпистемология рассматривает понятие экономической рациональности в новом измерении, без привязки к традиционному одностороннему взгляду на нее – как на прагматичный инструмент личного расчета. Современное представление о рациональности значительно расширено и дополнено ментальными, культурными, ценностными, временными и иными параметрами, которые, в итоге, составляют многообразное содержание данного понятия.

В новом понимании экономического поведения и экономической рациональности присутствуют дополнительные факторы, которые выражаются в увеличении количества экономических субъектов, настроенных на благотворное взаимодействие, взаимные уступки и договоренности².

В. Зомбарт рассматривает человека экономического с критической позиции и утверждает, что духовная составляющая личности находится в упадке и это приводит к поверхностному типу мышления, детской психологии. Автор представляет набор «детских ценностей», характерных для человека экономического. Для него становится обычным количественное измерение ценности окружающих объектов, восприятие явлений с точки зрения скорости получения результата, постоянный непреодолимый интерес к новому и детское ликование от возможности показать «свое превосходство над другими»³. Описанные В. Зомбартом характерные черты человека экономического в современном обществе уже утратили свою уникальность и стали частью мышления и стиля жизни многих социальных групп и индивидов. Это говорит о произошедшей трансформации человека экономического в человека рыночного.

¹ Любченко В.С. Указ. соч.

² Сорос Дж. Кризис глобального капитализма ... С. 248.

³ Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духов. развития современ. экон. человека... С. 111.

Формирование нового типа характера человека рыночного описал в и Э. Фромм. Он показывает, что человека рыночного интересует в основном его собственная цена на рынке, которая зависит от степени его адаптации и спроса в сравнении с другими индивидами в условиях конкретного рынка. Данный тип личности характеризуется отсутствием собственного «Я», которое зависит от требований рынка и внешней среды¹. В данных рассуждениях Э. Фромм в отличие от В. Зомбарта представляет человека рыночного не просто регрессирующей личностью, а считает его несообразной личностью, которая придает наибольшее значение миру вещей и техники².

Дж. Дж. Фокс в своих исследованиях в сфере эффективного менеджмента рассматривает типаж современного рыночного человека и актуализирует проблему посредственности как формы поведенческой модели, которая нарушает творческую самореализацию человека и подменяет его устремления, что приводит в итоге к инертности³. По этому поводу создатель теории менеджмента говорит: «чтобы от уровня некомпетентности подняться до удовлетворительного уровня, нужно потратить намного больше сил и труда, чем на скачок от первоклассного выполнения работы до безукоризненного»⁴.

Переустройство рыночной системы и рыночного человека к новой поведенческой модели «посредственности», а в последующем от нее к «перфекционизму», представляет собой ряд видоизменений в мировоззренческой и ценностной структуре человеческого духа⁵.

Методология постмодерна меняет свой взгляд не только в отношении субъекта и его роли в научном познании. Современные социальные теории рассматривают исторический процесс развития общества с точки зрения

¹ Фромм Э. «Иметь» или «быть». – М.: АСТ, 2007. – С. 272.

² Там же.

³ Фокс Джеффри Дж. Как стать первоклассным руководителем: Правила привлечения и удержания лучших специалистов: пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2003 (ОАО Можайский полигр. комб.). – С. 23.

⁴ Друкер П. Классические работы по менеджменту: избранные статьи из журнала Harvard Business Review / пер. с англ. И. Григорян, О. Медведь, С. Писарева. – 2-е изд. – М.: Юнайтед Пресс, 2010. – С. 17-18.

⁵ Савченко И.А., Агеева Н.А. «Человек экономический», «Человек рыночный» и колебания буржуазной морали // Власть. – 2016. – № 5. – С. 103-106.

уникальности и говорят об отсутствии в нем объединяющего начала, что в итоге приводит к разъединению и распаду социума. При этом пересматривается господствующая роль экономической и политической сферы. Новая методология отклоняется от традиционной, становится больше похожа на творческий процесс, мир искусства. На основе поиска факторов общественного развития происходит активное внедрение в научный арсенал новых понятий. К таковым можно отнести терминологию интерпретаторов теории постмодерна: понятия *гиперреальности*, *симулякра*, *транс-политики* у Ж. Бодрийяра, *макдональдизации* у Дж. Ритцера, *играизации* и *играизированного индивида* у С.А. Кравченко, *логоцентризма* у Ж. Дерриды¹.

В.А. Колпаков отмечает, что постмодернизм значительно меняет современную науку, ее принципы и нормы, расширяя границы знания до мира повседневности². Речь идет не только о смене научного вектора, но и об отношении к самой науке, ее доступности и роли в жизни обычного человека.

Анализируя современное общество XXI века З. Бауман выделяет две основные характеристики. Первая связана с несостоятельностью идеи о совершенном предсказуемом и контролируемом общественном порядке. И она в большей степени касается социального уровня³. Вторая – относится к уровню индивидуальному и говорит о либерализации человеческих практик, отсутствии социального контроля и моделей поведения⁴.

Описывая новый социальный уклад З. Бауман говорит об отсутствии четкого вектора развития и фрагментарном контроле. В связи с этим, по мнению ученого, предшествующий научный подход был сформирован на принципах определенности, структурности и системности⁵.

Ж. Бодрийяр более радикально представлял общественные изменения и утверждал, что наступила новая эпоха, для которой характерно

¹ Платонова С.И. Постмодернистские социальные теории: социально-философский анализ // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 5. – С. 45.

² Колпаков В.А. Социально-эпистемологические проблемы современного экономического знания. – М.: 2008. – С. 68.

³ Бауман З. Индивидуализированное общество: пер. с англ. – М.: 2002. – С. 131.

⁴ Там же. – С. 132.

⁵ Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. Социальная онтология. – М.: 1999. – С. 328.

окончательное освобождение от смыслов всех вещей, знаков и деятельности в их существовании¹. По мнению Бодрийяра, меняется не только характер социального, но и основные типы взаимоотношений в социуме. В экономической сфере автор находит парадоксальный феномен, при котором современный рынок постоянно насыщается новыми товарами, которые необходимо неустанно продавать. При этом функции самого товара трансформировались из удовлетворения потребности в символизацию и репрезентацию потребности².

В итоге, начало XXI века в контексте нашего исследования ознаменовано масштабными преобразованиями социально-экономической реальности, что, к сожалению, нередко негативно сказывается на качестве жизни и целостности современной личности. В совокупности разнонаправленность данных процессов приводит в неразрешимой дилемме³.

Методология познания современности предлагает новый взгляд и инструменты для исследования экономической реальности, действующей в ее рамках взаимосвязи объекта и субъекта, актуализации интересубъективных взаимоотношений и методов кооперации в условиях нормативного контроля и влияния социальной системы.

3.3 Прошлое и настоящее российского общества: оппозиции индивидуализма и массовости в формах экономического поведения

Различные типы социального взаимодействия, в том числе, и экономического, напрямую зависят от системы ценностей, традиций, установок и иных ценностно-нормативных кодексов. Благодаря этому в

¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла: пер. с фр. – М.: 2012. – С. 11-12.

² Платонова С.И. Постмодернистские социальные теории: социально-философский анализ // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 5. – С. 44.

³ Иноземцев В. Зигмунт Бауман и его «Индивидуализированное общество» // Высшее образование в России. – 2004. – № 1. – С. 143.

экономической среде сосредоточена масса информации как о представлениях и верованиях людей, так и о специфике хозяйственной жизни.

Из этого следует, что тенденции развития российской экономики и обусловленные ими формы экономического поведения не стоит полностью отождествлять с экономическими моделями Запада и считать их все применимыми для объяснения и исследования экономического поведения. Любая теоретическая схема человеческого поведения тесно взаимосвязана с культурными и национальными особенностями. Основной задачей при формировании новых концептуальных подходов к экономике становится учет всех исторических предпосылок и национальной специфики, что впоследствии может позволить активно развивать рынок.

Исследованием экономической сферы занимались многие российские ученые. Они рассматривали специфику экономического поведения личности и хозяйственного порядка в России. Одним из основателей философского анализа выступил С.Н. Булгаков, который в работе «Философия хозяйства» изучал религиозные основы и мотивацию хозяйственной деятельности человека. Автор исследовал область трудовой деятельности и хозяйствования, в природу которых включены культурные элементы и духовные ценности.

Особое место в хозяйственной жизни С. Булгаков отводит труду, который представлен в качестве элемента православных традиций и богоугодного дела, так как в нем преобладающее значение отводится духовной составляющей. По этому поводу С. Булгаков говорит, что для каждого этапа развития рыночных отношений характерна своя модель экономического поведения, которая отражает специфику времени¹.

В исследованиях экономики в России важное место занимает анализ ценностей, потому что различные экономические процессы и явления оцениваются с точки зрения социальной справедливости, свободы и отношения к Богу. Основным отличием православной культуры от

¹ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – М.: Республика, 1990. – С. 239.

протестантской выступает иное отношение к материальным благам, которое выражается в жертвенности и стремлению к духовному содержанию. Именно поэтому в рыночных взаимоотношениях в России значение имеет не только чистая прибыль от сделки, но и характер социального взаимодействия. При этом в условиях хозяйственной деятельности ценность собственности намного ниже, чем в западной культуре. В российской культуре наибольшей ценностью обладает земля, которая является национальным достоянием и средством проживания. Выделенные специфические черты существенно отличают русскую культуру от принципов западного рынка, основанного на ценностях свободы, расчета и личной выгоды.

Основной причиной таких кардинальных отличий в порядке хозяйствования и экономическом поведении человека в России называют особую природу русской цивилизации. Она представляет собой, по мнению О.А. Платонова, особое целостное образование, вбирающее в себя духовные и материальные характеристики жизни русского человека, которые влияют на развитие страны¹. Основой особой культуры является ее история, которая за все время своего существования смогла накопить и совместить в себе самые разнообразные элементы, придающие специфику русской жизни². Основными ценностями русской цивилизации становятся духовные основы, стремление к нравственным и этическим идеалам.

Говоря о русской цивилизации, О.А. Платонов выделяет ряд характеристик, составляющих ее базис. К таковым автор относит религию, бескорыстие, общинность и прочную вертикаль власти. Обозначенные элементы находят свое отражение в менталитете русского народа и ложатся в основание различий с представителями других культур. Данные обстоятельства оказывают влияние на значительное отклонение от классических правил свободного рынка и формирование уникальной

¹ Платонов О. Неповторимые черты русской цивилизации // Изборский клуб, 5 мая 2010. – URL: <https://izborsk-club.ru/428> (дата обращения: 10.01.2019.)

² Там же.

хозяйственной среды в условиях России, которая может быть высокоэффективной, основываясь только на свои внутренние потребности¹.

Ключевский, анализируя мировой исторический процесс и развитие цивилизаций, пришел к выводу, что не существует единой истории, а есть обособленные «естественные группы» людей, которые проживают отдельную неповторимую историческую судьбу. Исследование экономической истории привело автора к изучению не только межличностных взаимодействий, но взаимосвязей с целостной системой. Именно поэтому Ключевский в основе развития России усматривал непрекращающееся освоение новых земель².

Н.Я. Данилевский, изучая специфику бытия русского народа, говорил, что успех социальных преобразований, которые реализуются в государстве, зависит прежде всего от природы их происхождения. То есть если они зарождаются внутри государства, то воспринимаются социумом благоприятно и имеют перспективу своего развития, а если эти реформы навязаны из вне, без учета национального характера и культуры, то, скорее всего, будут малоэффективны³. Также автор Россию отнес к новому «культурно-историческому типу», еще только нарождающемуся – и, само собой, самому совершенному – славянскому культурно-историческому типу⁴.

Объяснение такой особенности русской культуры и цивилизации кроется в ее духовной основе, так как она является преобладающей над материальной стороной и ориентируется не только на отдельную личность, но также на братство народа, объединяемого общими ценностями, нравственностью и традициями⁵. Присущий коллективизм способствует развитию государства и богатого культурного наследия. Особое отношению

¹ Платонов О. Неповторимые черты русской цивилизации // Изборский клуб, 5 мая 2010. – URL: <https://izborsk-club.ru/428> (дата обращения: 10.01.2019.)

² История истории: Ключевский, 12 января 2016. – URL: <https://nplus1.ru/material/2016/01/12/klutchevsky> (дата обращения: 10.01.2019.).

³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – С. 333

⁴ История истории: Ключевский, 12 января 2016. – URL: <https://nplus1.ru/material/2016/01/12/klutchevsky> (дата обращения: 10.01.2019.).

⁵ Субетто А.И. Слово о русском народе и русском человеке. – СПб.: Астерион, 2013. – С. 47

к религии, понимание духовных постулатов православия дополняет характер русского человека и наполняет его жизнь духовностью¹.

Литературные классики не раз в своих произведениях обращаются к теме хозяйственной жизни в российской повседневности. К примеру, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк в своей работе «Приваловские миллионы»² выделяет ряд типичных образов, которые отражают социально-экономическую реальность того времени с отличительными чертами русского характера. Первыми из них представлены «люди дела», для которых характерна духовность, трудолюбие и ценности чести. Вторым образом выражается в «хищниках», предпочитающих лоск, внешние атрибуты и бесчестие, а не духовные составляющие. И наконец последний типаж представлен «деловыми людьми нового формата» с присущей им духовностью, социальной ответственностью и пониманием реальности.

Конечной целью произведения Мамин-Сибиряка становится не обличение внутренних мотивов экономического поведения русского человека, а привлечение внимания к теме духовности экономической сферы, к отрицанию мотива личной выгоды. Выходом из ситуации обезличивания рынка и его бездуховности он считает поддержку делового типа людей, которые основной целью своей деятельности считают не наживу, а процветание дела. Именно таким, по мнению автора должен быть деловой человек в России³.

Еще одним выдающимся мыслителем, который много внимания уделял изучению бытия русского народа, является Н.А. Бердяев. Философ анализировал исторический процесс с точки зрения неразрывного единства психологических, социальных и экономических факторов. «Материальным»

¹ Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Цивилизации границ. – М.: Академический проект, 2014. – С. 43-45; 663.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Приваловские миллионы. – URL: [http://lib.ru/TALES/SIBIYAK /privm.txt](http://lib.ru/TALES/SIBIYAK/privm.txt) (дата обращения: 25.12.19).

³ Борознова А.М. Типы «деловых людей» в романе Мамин-Сибиряка «Приваловские миллионы» // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 4 (35). – Ч. 2. – С. 82-84.

основанием социального прогресса Н.А. Бердяев называл развитие производительных сил как фактор многообразия социального устройства¹.

Исторические события и социальный кризис того времени привели Н.А. Бердяева к необходимости анализа политического устройства и перспектив развития Российского государства. Положение общества автору представлялось крайне тяжелым, и подобные процессы он связывал с существующим государственным строем в форме абсолютизма. Именно поэтому устранение самодержавия виделось ему наилучшим путем для развития и движения к либеральным свободам. Исследуя специфические черты русского народа, Н.А. Бердяев пришел к выводу, что географические и религиозные особенности явились причиной социальной пассивности русских. Это в дальнейшем отразилось и на низкой активности в отношении политической сферы, что в итоге укрепило вертикаль власти и отстранило народ от социального участия. С точки зрения ученого, принятие христианства также противоречиво сказалось на дальнейшей истории государства, и основными негативными последствиями Бердяев считал «...отстраненность россиян от культурного и исторического творчества» и невозможность искоренения язычества из сознания русского человека².

В работе «Новое средневековье»³, и в статье «Человек и машина»⁴, Бердяев рассмотрел проблему негативных последствий научно-технического развития, которое выразилось в кардинальном переустройстве сферы духовных ценностей, отдалении человеческой личности и ориентации ее на материальные блага. Автор говорит, что нет необходимости умалять и отрицать ценность производственной сферы, однако и первопричиной человеческого бытия она стать не может⁵.

¹ Ширко К.Н. Н.А. Бердяев о природе российской цивилизации: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – Томск, 2002. – 178 с.

² Там же.

³ Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. – М.: Феникс; ХДС-Пресс, 1991. – 92 с.

⁴ Бердяев Н.А. Человек и машина. (Проблема социологии и метафизики техники) // Путь. – 1933. Май. – № 38. – С. 3-38.

⁵ Ширко К.Н. Указ. соч.

При этом исследование экономической сферы в связи с религиозными установками привело Бердяева к мысли, что хозяйственная жизнь и высокодуховные цели не должны противоречить друг другу, а составлять единый вектор развития¹. Хозяйственная философия Бердяева вершиной общественного бытия рассматривала отдельную личность и ее духовность, которая способна максимально приблизить человека к божественному Абсолюту.

Выделенные постулаты свидетельствуют, что глубокое исследование истории, культурных традиций, менталитета и специфики русской цивилизации помогает выделить ряд особенностей бытия русских людей, как позитивных, выраженных в духовности, соборности, коллективизме, богоугодной трудовой деятельности, так и в негативных – пассивности и отстраненности, политической инертности, отсутствии социального творчества, смешении языческой и христианской этики.

При этом стоит обратить внимание на отличительное качество соборности, которое и на современном этапе во многом предопределяет как восприятие, так и поведение россиян. История данного понятия в основном рассматривается в рамках творчества российских мыслителей, однако зарубежные философы в научном поиске также приходили к описанию данного явления и понятия.

В немецкой классической философии впервые была озвучена проблема неформального общего как действительное воплощение духовности. Ф. Шеллинг² в связи с этим выделяет систему категорий, в которой каждое понятие может быть четко определено при условии связи с целостным философским видением. И. Кант³ утверждает неполноту и несовершенство формальной логики, которая должна дополняться интуитивным знанием.

Русские мыслители придали идее соборности новые аспекты этики и религии, основанной на интуиции. Толкования данного понятия, к примеру, у

¹ Савка А.В. Основы философии хозяйства. – М.: 2010. – 480 с.

² Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2 т.: пер. с нем. / сост., ред., авт. вступ. ст. А.В. Гулыга. – М.: Мысль, 1987. – 637 с.

³ Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. – М.: Эксмо, 2007. – 734 с.

В. Соловьёва¹ и С.Л. Франка² достаточно схожи, и основная мысль – в том, что соборность представляет собой естественное единство³.

По мнению Н. Бердяева, существует принципиальная разница между православием и западными формами христианства, которые носят характер формализма. Соборность в данном контексте представлена как уникальное свойство православной культуры, которое сочетает в себе способность кооперировать и не обособляться, не проявлять ограниченность и эгоизм души. Важно отметить, что не всякая форма объединения может быть отнесена к соборности. Так, коллективизм как «совместный труд» не может отразить суть данного явления, и разность мы находим в источнике единения людей. Основа происхождения соборности находится в воле каждого индивида и не может быть навязана извне, как, например, государственные или общественные формы кооперации⁴.

Феномен соборности в России состоит в ее двойственности реальных форм. С одной стороны, она может принимать форму единства (согласия), с другой – форму своеволия (нетерпимости). В позитивной форме наблюдается любовь и жертвенность, альтруизм и отказ от собственных интересов в пользу общего. Однако соборность проявляется и в обратном ключе, проявляя и иную сторону своих качеств, а именно в самоуправстве, тирании и неуважении к иной точке зрения. При этом понимание и восприятие свободы значительно трансформируется от полного естественного отказа от нее в благих целях и до отрицания свободы по причине неумения и нежелания ею пользоваться. Такое традиционно парадоксальное и искаженное восприятие свободы в современной России сложно сочетается с

¹ Нижников С.А. Философия всеединства Вл. Соловьёва и ее критики // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2016. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-vseedinstva-vl-solovieva-i-ee-kritiki> (дата обращения: 29.12.2019).

² Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: 1992. – С. 58.

³ Пестрецов А.Ф. Соборность – константа русского национального самосознания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – №. 1. – 2008. – С. 176-181.

⁴ Там же. – С. 178.

демократическими ценностями и представлениями о самостоятельности и свободе¹.

В условиях современной России весьма идеи соборности значительно трансформировались, так как ценностные ориентации современных россиян значительно изменились и находятся в отдалении от религиозных истоков. Но, несмотря на это стоит учитывать особенности соборности при анализе массовых процессов и индивидуальных моделей поведения. В экономической сфере соборность оказывает влияние на отношение к личной выгоде и экономической свободе, то есть отрицание основополагающих рыночных принципов создает сложности в завершении процессов становления рынка и впоследствии – его развития. При этом современная форма соборности принимает нередко именно негативную форму, что ведет к искаженному пониманию базовых ценностей любви, жертвенности, общинности, государственности и т. д. Это приводит к трансформациям на личностном уровне, которые выражаются в непонимании собственной роли в развитии всеобщего, отрицании личностного развития и критического мышления, непринятии идеи самоценности как инструмента создания целостности социума.

Сформированный тип экономического поведения и хозяйственной мотивации в современной России носит противоречивый характер. Главное его отличие от либеральной «индивидуалистской» рыночной модели состоит в целевой установке экономической деятельности, выраженной в солидарности, общности и созвучности с группой. Именно эти характеристики отдаляют русского человека от материального приоритета и личной максимальной выгоды. Данные идеи можно обнаружить в концепции семейно-трудового крестьянского хозяйства А.В. Чаянова². По мнению исследователя, основной целью хозяйственной деятельности становится не получение максимально возможного дохода, а содержание семьи на

¹ Пестрецов А.Ф. Соборность – константа русского национального самосознания... С. 176-181.

² Иванов А.В. Проблемы семейно-крестьянского хозяйства и кооперации в экономическом наследии А.В. Чаянова // Вестник КрасГАУ. – 2007. – № 2. – С. 292-297.

достаточном для всех уровне. Именно принцип достатка (достаточности) заложен в основу устройства народного хозяйства, сложившегося в непростых исторических и географических условиях. Поэтому варианты замены принципа достатка принципом избытка не вызывают в современном российском обществе полного принятия и приводят к социальным трансформациям, нарушающим хозяйственный уклад.

На данный момент российские исследователи Н.М. Токарская и И.С. Карпикова выделяют несколько типов современного экономического поведения¹:

1. Дорыночный тип экономического поведения.

Данный тип поведения представляет собой установку на минимальные усилия при выполнении профессиональных задач. Предпосылкой возникновения такого типа поведения стала командно-административная система, которая, основываясь на применении жестких правил, привела к поведенческой апатии населения. Основными специфическими чертами для данного типа поведения в условиях рынка становится его отрицание, отсутствие знаний и умений, повышенная тревожность. Наблюдаются негативное отношение к расширению свободы, повышение требований рынка труда и модернизация. Поэтому подходящими инструментами для регулирования рынка представляется жесткая дисциплина и контроль, которые могут гарантировать стабильный доход.

2. Рыночный тип экономического поведения.

Главной установкой для данного типа поведения становится усердная деятельность, направленная на получение максимальной выгоды. Наблюдается ориентация на материальные блага, которая порождает повышенную активность и склонность к рискам. Формирование данного типа поведения напрямую зависит от экономической политики и принимаемых мер с учетом интересов граждан. Процессы восприятия новых ценностей

¹ Токарская Н.М., Карпикова И.С. Социология труда / под ред. М.А. Винокурова. – М.: Университетская книга, Логос, 2006. – 208 с.

проходят достаточно активно, что позволяет максимально быстро адаптироваться к рыночным условиям.

3. Псевдорыночный тип экономического поведения.

Основной характеристикой псевдорыночного поведения становится стремление к получению максимальной материальной выгоды при условии минимальных усилий. Формирование данного типа поведения привело к деформации рынка труда и его оплаты, которая выражается в постоянных поисках дополнительного заработка, а также в применении теневых рыночных инструментов, ведущих к повышенному риску. Последствиями данных процессов являются потеря мотивации в профессиональной деятельности и искажение моральных ценностей. Псевдорыночное экономическое поведение является признаком слаборазвитой экономической системы и в большей степени характерно для развивающихся стран. Такой тип поведения характерен для России, и источником подобной модели поведения выступают различные факторы. Так, на социальном уровне это несформированность рынка и массовая ориентация на символическое потребление. На индивидуальном уровне наблюдается отсутствие свободы выбора и критического мышления, дегуманизация, ориентация на личную выгоду при отсутствии необходимых навыков.

Нужно признать, что подобное положение вещей приводит к необходимости понимания взаимосвязей современных тенденций в сфере экономического поведения как в странах Запада, так и в России с целью определения специфических черт и характеристик.

Ф. Бродель, рассматривая понятие «материальная цивилизация», выделяет несколько типов экономик и, характеризуя современный капитализм, говорит, что основным его преимуществом является свобода выбора во всех проявлениях. Современный капитализм стал намного эффективнее и стабильнее, чем его предшествующие формы. Именно поэтому не стоит его рассматривать в узком смысле в качестве экономической системы, которая не отражает реального влияния и

взаимопроникновения в социальную сферу и сферу государственного управления¹. Сфера экономики является неразрывным звеном в системе государственного управления, которое предопределяет социальную жизнь каждого человека.

Новое видение современного рынка представляет французский экономист Т. Пикетти в своей работе «Капитал в XXI веке»², где он указывает, что накопление и концентрация капитала уже достигли определенного уровня, который может спровоцировать дисфункциональные и кризисные явления. По мнению Пикетти, данные тенденции не связаны с недостатками рынка, то есть капитализм как экономическая система не является здесь определяющим фактором. Большее влияние оказывает неравномерное распределение капитала. Инструментами для преодоления данных сложностей, с его точки зрения, могут стать прогрессивный налог на богатство и капитал. Однако в дальнейшем автор утверждает, что реализация указанных идей практически невозможна в силу политических и практических препятствий³.

Выделенные особенности современной экономики влияют на усиление конфликта между живым и овеществленным (прошлым) трудом. Данная тенденция связана с новым явлением – «безлюдной экономикой», которая основана на работе техники⁴. В связи с этим основатель *Microsoft* Билл Гейтс предложил облагать налогами труд роботов, замещающих человека, на производстве⁵. Данная мера, по его мнению, должна быть направлена в первую очередь, на решение проблемы безработицы и помощь социально незащищенным слоям населения. Стоит отметить, что данный вопрос уже

¹ Семёко Г.В., Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / пер. с фр. Л.Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1992. – Т. 3: время мира. – 679 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал. – 1995. – № 1. – С. 3-5.

² Piketty T. Le Capital au XXIe siècle. Éditions du Seuil. – Paris, 2013. – 976 p.

³ Дубянский А.Н. Современное состояние и перспективы капитализма (по мотивам книги Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке») // Христианское чтение. – 2015. – № 1. – С. 251-263.

⁴ Конанчук Д. Пожизненный урок // Harvard Business Review. – 2017. – 01 февраля. – URL: <http://hbr-russia.ru/biznes-i-obschestvo/fenomeny/a18851/> (дата обращения: 10.01.2019).

⁵ Гордеев В. Билл Гейтс предложил обложить налогами труд роботов // РБК. – 2017. – URL: <http://www.rbc.ru/business/18/02/2017/58a7ee769a7947f947f9be0503587> (дата обращения: 10.01.2019).

рассматривался в феврале 2017 г. в Европарламенте. Однако эта инициатива не была поддержана.

Подобные процессы в своей работе актуализирует Пиккетти, указывая на растущее социальное неравенство. В связи с вышеуказанным остро встает вопрос о контроле технологического прогресса и инвестиционного процесса¹. Вариантом решения обозначенных проблем также является так называемое «позитивное сотрудничество»², которое по-новому предлагает строить социально-экономические взаимодействия. Основным трансформирующимся элементом в новом подходе выступает институт собственности, на который Пиккетти делает акцент в своей работе. Появление «шеринговой экономики» полностью меняет взгляд на привычную схему потребления и предлагает больше не тратить ресурсы на новые товары и услуги, а перенаправить усилия на взаимовыгодное сотрудничество³.

В этом отношении И.Г. Поспелов говорит, что развитие данного тренда в будущем может привести к потере интереса к безграничному потреблению и большему вниманию к проблеме межличностного взаимодействия⁴. Однако подобные оптимистичные взгляды довольно трудно реализовать в условиях современного рынка, так как воплощение планов по трансформации моделей потребления связано как с ориентацией на личную выгоду, так и с массовыми тенденциями символического потребления⁵.

В экономике XXI века наблюдает несколько параллельных тенденций, которые оказывают значимое влияние на экономическое поведение человека. И наряду с «безлюдной экономикой» существует так же «виртуальная

¹ Балацкий Е.В. Эффект Пиккетти: комментарий к новой концепции // Пространство экономики. – 2017. – № 2. – С. 40-56.

² Полтерович В. Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // Вопросы экономики. – 2016. – № 11. – С. 5-23.

³ Could We Live In a Zero Growth Society? – URL: <https://www.weforum.org/agenda/2015/01/could-we-live-in-a-zero-growth-society/> (дата обращения: 10.01.2019).

⁴ Поспелов И.Г. Равновесные модели экономики в период мирового финансового кризиса // Труды МФТИ. – 2009. – Т. 1. – № 4. – С. 67.

⁵ Мальцев А.А., Мальцева В.А. Возвращение мрачной науки? Размышления о книге Т. Пиккетти «Капитал в XXI веке» и будущем мировой экономики // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2018. – Т. 13. – № 1. – С. 204-219.

экономика»¹, которая является порождением развития технологий и глобализации.

Анализом современного информационного общества занимался знаменитый футуролог Э. Тоффлер, который сформулировал концепцию трех волн. По его мнению, для общества «третьей волны» характерны масштабные технологические преобразования и внедрение компьютеров. По словам автора, такие тенденции приводят к изменениям в культуре, виртуализации экономики и «демассификации» общества². Однако не все исследователи согласились с его точкой зрения, и Ж. Бодрийяр в работе «Прозрачность зла» опровергает утверждение о «демассификации». По мнению Бодрийяра «успех искусственного разума вызван тем, что этот разум освобождает нас от разума природного»³, что выражается в росте популярности компьютерных технологий, которые соответствуют его инертному характеру массового сознания⁴. Тут скорее уместнее говорить о дефрагментации личности и снижении целостности общества, которые проявляются в утрате ценностных и духовных оснований развития.

Стоит отметить, что развитие и расширение виртуальной экономики кардинально не видоизменяет социальные взаимоотношения, а придает им новые формы, которые являются частью мировой системы. Можно утверждать, что на данный момент в современном мире формируются новые виды экономического взаимодействия, такие как сетевые организации, и новые модели личного «успешного поведения» экономических индивидов. В виртуальной экономике on-line ресурсы выступают в качестве «клеточки» социального взаимодействия⁵.

¹ Бабаев Д.Б. Об особенностях трактовки содержания термина «виртуальная экономика» // Экономические науки. Приложение к журналу «Современные наукоемкие технологии». – № 4. – 2009. – С. 13-18.

² Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова и др. – М., 2009. – 795 с.

³ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла... С. 86.

⁴ Грибов С.Н., Юрков С.Е. Индивидуализация типов личностей на основе информационного подхода // Известия ТулГУ. Сер.: Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 172-184.

⁵ Новиков В.С., Перова А.Е. Виртуализация финансовой сферы как тенденция и адаптация к современным экономическим условиям ведения бизнеса / Финансовая аналитика: проблемы и решения. – № 32. – 2012. – С. 48-53.

Однако существуют и негативные оценки виртуализации экономики и ее влияния на субъект экономических отношений. Среди основных недостатков данного процесса называют финансовые пирамиды, банкротство, незаконные сделки, которые в своей совокупности крайне негативно влияют на развитие экономической сферы и впоследствии на жизнь каждого гражданина. Неуклонный рост свободы в виртуальном мире создает неподконтрольные взаимодействия, что делает экономическое пространство непознаваемым. Этот процесс приводит к множественности денег и их реальной неподтвержденности. При этом обычному потребителю довольно сложно разобраться в специфике виртуальной экономики и осуществлять грамотную экономическую деятельность.

Сегодня имеет место искаженное понимание виртуальной экономики, которая выразилась в форме ответа на рыночные трансформации в виде фальсификации отчетных документов экономических агентов. Данное явление, характерное для русского рынка, описали в своих трудах американские экономисты Клиффорд Гадди и Барри Икес¹. По мнению ученых, различные мировые тенденции современного рынка чаще всего носят противоречивый характер влияния на субъект экономических отношений и с учетом культурных и национальных особенностей могут принимать видоизмененные формы, которые носят негативную окраску.

Специалист в области поведенческой экономики Дэн Ариэли говорит, что поведение реального человека на рынке не может быть абсолютно рациональным как в теоретической модели экономического человека. Отличительной чертой как раз является иррациональность, которую он понимает, как поведение, не соответствующее собственным ожиданиям. Также автор выделяет еще одну характерную черту, которая выражается в том, что человеку свойственно одновременно иметь несовместимые желания или стремиться к противоречащим друг другу целям. В работе

¹ Gaddy C.G., Ickes B.W. Beyond a Bailot. Time to face about Russian Virtual Economy. – URL: www.brook.cdu/fp/articles/gaddy.l.htm (дата обращения: 18.01.2019.)

«Предсказуемая иррациональность. Скрытые силы, определяющие наши решения»¹ исследователь пытается объяснить весь механизм принятия решений современным человеком в условиях рынка и с помощью осознания специфики этого процесса приблизить поведение людей к большей рациональности². Осознание своей иррациональности, использование механизмов критического мышления и в последующем развитие индивидуальной самобытной модели экономического поведения становится основой как для разумного потребления, так и для ценностной трансформации, влияющей на социальное и предопределяющее его.

Объяснение иррациональности экономического поведения человека в современном мире можно найти и в концепции «окон Овертона», созданной социологом Джозефом П. Овертоном³. Исследователь показал, что принцип закрепления революционных идей в обществе проходит через так называемое «окно возможностей». В рамках данного явления наблюдается цепочка логических воздействий, цель которых – распространить идею в обществе и сделать ее популярной, тем самым пройдя путь от уровня «немыслимого», до уровня «актуальной политики». Манипулирование общественным сознанием происходит на основе глубокого проникновения в область морали и менталитета с помощью неочевидных информационных инструментов⁴. Таким образом можно рассматривать и мир экономических взаимодействий, в рамках которого происходит бесконечное насаждение необходимой информации потенциальному потребителю, который в определенный момент перестает контролировать внешнее воздействие, начинает принимать решения иррационально и подпадает под основные экономические инструменты воздействия.

¹ Ariely D. Predictably Irrational: The Hidden Forces That Shape Our Decisions. – NY: HarperCollins, 2008. – 308 p.

² Особенности поведенческой экономики. Интервью Дэна Ариэли // Центр гуманитарных технологий. – 21.06.2008. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/1750> (дата обращения: 12.01.2019.).

³ Nathan J. Russell. An Introduction to the Overton Window of Political Possibilities. Mackinac Center for Public Policy (4 January 2006). – URL: <https://www.mackinac.org/7504> (дата обращения: 11.12.19.).

⁴ Мямлин К. Технология уничтожения: «Окно Овертона» и возможность противостояния деградации. – URL: http://communitarian.ru/publikacii/novyy_mirovoy_poryadok_metody/tehnologiya_unichtozheniya_okno_ove_rtona_i_protivostoyanie_degeneracii_13052014/ (дата обращения: 12.01.2019.).

Описанные мировые тенденции и специфика воздействия на экономическое поведение человека актуализируют вопрос этики и моральных оснований экономических отношений. Процесс всемирной глобализации, пронизывающей практически все сферы человеческого бытия актуализирует проблемы создания универсальных этических и императивных норм, которые будут призваны уравнивать разные культуры и цивилизации.

Расширение виртуальных границ и слияние экономического пространства приводит к изучению национальных особенностей поведения в условиях глобализирующегося мира. Специалисты в области экономики выделяют различные типы экономических культур:

- Моноактивные. Они нацелены на задачу (*task-oriented*) и четкое планирование деятельности.
- Полиактивные. Нацелены на людей (*people-oriented*) и социальную коммуникацию.
- Реактивные (или интровертивные). Ориентированы уважение и его сохранение (*respect-oriented listeners*).

Также выделяют культуры, ориентированные на диалог (Италия, Франция, Португалия, Латинская Америка, арабские страны, Индия и др.), и культуры, ориентированные на безличностный сбор информации¹ (США, Германия, Швеция и др.) Представленная типология демонстрирует, что цифровая экономика наиболее применима для США, Германии и Швеции. При этом культура России занимает промежуточное положение и не отражает четкие характеристики одного типа. Данные обстоятельства свидетельствуют о наличии национальных особенностей, которые необходимо учитывать при анализе экономического поведения

Исторический анализ творчества российских исследователей и изучение современных мировых тенденций демонстрируют, что русская

¹ Новиков В.С., Перова А.Е. Виртуализация финансовой сферы как тенденция и адаптация к современным экономическим условиям ведения бизнеса... С. 48-53.

культура не вступает в противоборство с иными культурами, а скорее сохраняет свою уникальную идентичность, которая составлена из множества этносов и традиций. Именно поэтому ускоренные темпы модернизации и значительные изменения в технологической и экономической сферах без подстройки под специфику страны могут быть восприняты как чуждые и неэффективные.

Такой результат можно наблюдать в ходе взаимодействия традиционной и либеральной ценностных систем. Неразрешимость внутренних противоречий приводит к социально-экономическим дисфункциям, перерастающим в затяжные кризисы. Модель «экономического человека» в неизменном виде трудно реализуема в российских условиях, так как русский человек не всегда может мыслить рационально и на основании специфики менталитета опирается на интуитивные иррациональные предпосылки поведения. Дальнейшее навязывание либеральных моделей может привести только к формированию массового типа личности, который не опирается на глубокие культурные и ментальные основания, поэтому такой индивид, скорее всего, станет оторванным от социальной реальности своего государства. Человеческая природа основана на гармонизации как духовных, так и материальных составляющих, поэтому преобладающее давление экономического может вытеснить культурные и духовные ценности.

Современное российское общество является частью глобального мира и рынка, именно поэтому основными задачами, которые встают перед государством, являются глубокое понимание специфики экономического поведения личности и последующее эффективное включение во все мировые процессы при условии сохранения собственной культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Направление научного поиска, выбранное в настоящей работе, дало возможность решить основную проблему исследования – определить характер взаимообусловленности целостности общества и особенностей экономического поведения индивидов и групп – и позволило получить результаты, значимые для современной социально-философской науки.

Так, проведенная исследовательская работа позволила установить разницу между экономической деятельностью и экономической активностью, а также дать авторское определение экономического поведения *как совокупности действий экономического характера (от обыденных до инициативных), выполняемых индивидом или общностью с большей или меньшей степенью регулярности и обусловленных спецификой экономической культуры и экономических предпочтений, экономического сознания и экономического мышления, особенностями хозяйственного уклада и трудовой деятельности, экономическими нормами (закрепленными в морали и праве) и экономическими мотивами отдельных людей..*

Исследование показало, что реальное экономическое поведение включает в себя как разумные элементы расчета, так и иррациональные составляющие, такие как дефицит знаний и особенности личностного восприятия.

В ходе исследования было установлено, что взаимосвязь целостности общества и экономического поведения современной личности проявляет себя как со стороны общества в форме контроля и механизмов регуляции, так и со стороны субъекта в виде индивидуальной ответной реакции и ценностного выбора.

В результате социально-философского анализа установлено, что алгоритмы экономического поведения не являются универсальными и всеприменимыми в любой сфере жизни общества. Человеческие отношения

могут быть основаны на разных мотивах, имеющих как эгоистическую, так и альтруистическую направленность.

Системный анализ экономического поведения демонстрирует, что определяющими параметрами социально-экономической сферы являются свобода и степень открытости, которые гарантируют постоянную взаимосвязь на всех уровнях: от внутреннего до внешнего. При этом первоначалом рыночной системы является субъект, который предопределяет ее развитие на основании своих действий. Развитие экономической реальности во многом зависит от свободы принимаемых субъектом решений и степени проявления индивидуальности.

При изучении трансформаций научных воззрений на экономическое поведение было установлено, что в западноевропейской философии Нового времени экономическая сфера жизни общества была представлена как целостная система, способная гармонично согласовывать частные и общественные интересы. Однако неклассическая философия предложила новый подход к анализу социально-экономической действительности, выявив внутри нее разрушительные начала. Основой современных деструктивных процессов в социально-экономической сфере стал кризис в функционировании социальной системы на различных уровнях, так как она наделена такими современными характеристиками, как глобальность, эгоизм и консюмеризм.

Анализ рассмотренных теоретических концепций демонстрирует, что качественные экономические трансформации могут быть достигнуты в результате усиления системной целостности и перехода от директивного управления к регулируемой государством рыночной самоорганизации. Основой такой трансформации выступает рост способности индивидов к самоорганизации в условиях постоянно изменяющегося рынка.

Изучение онтологической составляющей экономического поведения показало, что оно представляет собой социокультурную целостность, являющуюся органичной, но при этом гетерогенной частью более широкой

целостности – социально-экономической реальности. Было также показано, что в рыночном обществе социальная и социально-экономическая реальности, в принципе, тождественны, так как в наши дни отношения представителей социальных институтов, общностей и групп являются рыночными и основаны на обмене.

Установлено, что в экономическом поведении находят свое отражение трансформации экономического и духовного мира, которые выражаются, помимо прочего, в тенденциях конкуренции и кооперации не только в хозяйственной, но и в других сферах жизнедеятельности.

Экономическое поведение представляет собой не однолинейный процесс, а сложноустроенный многоуровневый целостный механизм, существующий относительно конкретной социальной ситуации и воздействующих на него факторов. В содержании экономического поведения современной личности можно обнаружить внутреннюю двойственность, которая вызывает опасения в связи с сохранением целостности самой личности и ее действий. Одновременно можно наблюдать признаки экономической адаптации и целеполагания, которые дают возможность развиваться в материальной жизненной плоскости. Однако деформация личностных качеств и установок приводит к одномерности восприятия и мышления индивида, что в виде ответной реакции на среду нарушает функционирование части социальных институтов. Такое противоречие, заключенное в самой личности может приводить к масштабным последствиям и нарушениям целостности социальной системы.

Аксиологическая составляющая исследования экономического поведения обеспечила углубленное, целостное понимание субъективного смысла человеческих поступков в процессе социально-экономического взаимодействия и формирования ценностно-мотивационных систем, определяющих степень сочетаемости ближайших и перспективных целей жизнедеятельности экономических субъектов.

Современные модели экономического поведения в основном опираются на ценности материального порядка, что проявляется в таких качествах как прагматизм, расчет, индивидуализм. При этом указанные ценностные установки проникают в традиционно неэкономические сферы жизнедеятельности. Данный процесс подмены ориентиров на ценностном уровне приводит разрушению целостности как личности, так и социальной системы. Дальнейшее бесконтрольное распространение и засилье глобализации и массовизации могут привести человечество в тупик, ограниченный однолинейным сценарием развития общества.

Экономическая глобализация, усиление разрыва взаимосвязи человека и природы приводят к необходимости пересмотра устоявшихся ценностей экономического поведения. Измерение личных интересов и экономического расчета должно быть согласовано и гармонизировано с общесоциальными гуманистическими ориентирами.

Анализ социально-атомистического и холистического подходов к пониманию социального и индивидуального в экономическом поведении показывают, что холизм и атолизм не противоречат друг другу, а, скорее, дополняют общее представление о рассматриваемых процессах. Экономическое поведение обладает рядом важнейших функций, помогающих индивиду как ориентироваться во внешнем пространстве, транслирующем культуру, ценности, законы и тенденции развития, так и создавать внутренний индивидуальный жизненный каркас.

Изучение диалектических оснований системности общества и их проявлений в экономическом поведении позволило исследовать природу и сущностные характеристики экономического поведения с точки зрения интегрального теоретико-методологического подхода. Изучение целостности было осуществлено по большей части в рамках системного подхода и основано на методологическом принципе познания, построенного на делении целого на части. Такой подход отличает саму систему от целостности и

приводит к выводу о более высокой роли системы в иерархической цепочке понятий.

Главное, что было установлено в ходе исследования, – обоснование того, что не только социальная система со всеми свойственными ей характеристиками, включая уровень ее целостности, определяет параметры и модели экономического поведения, но и индивидуальное экономическое поведение оказывает значимое влияние на целостность социума.

Постнеклассическая методология в полной мере не раскрыла диалектические основания системности общества и их проявления в экономическом поведении, но достаточно широко проиллюстрировала, проблемы непредсказуемости социальной системы и внутреннего кризиса, определила возможный вектор позитивной практики экономического поведения, основанный на гуманизме, либерализме и воспитании действующего творческого индивида-интеллектуала.

Рассмотрено диалектическое единство параметров системы и целостности. Целостность социальной системы определяет ее развитие и сопровождает процесс формирования. Особое значение здесь приобретает целостность информационно-знакового структурного уровня социальной системы, на котором зарождается иная модифицированная цель существования системы и который является итогом коллективной деятельности людей. Сформированность структурной целостности позитивно сказывается на компонентной целостности, то есть на продуктивном взаимодействии между отдельными подсистемами общества.

В рамках диалектического подхода также было рассмотрено экономическое поведение, что позволило установить его позицию в социальной системе. Она неоднозначна по своей природе и проявляет себя в различных ипостасях, а именно как в роли пассивного объекта воздействия социальной среды со всеми присущими эффектами регуляции и встраивания в существующую систему, так и в роли активного целостного субъекта,

преобразовывающего окружающую действительность и влияющего на других субъектов взаимодействия.

На целостность социальной системы также влияет ее прогресс и, как следствие, изменение ее структурного состояния. При обстоятельствах развития и инновационных трансформаций социальные системы способны снизить уровень своей целостности, одновременно повысив уровень автономности (относительно закрытая социальная система). Если развитие принимает экстенсивно-экспансивную форму, это может привести к нарушениям целостной социальной системы по причине внешнего воздействия. Несколько иная ситуация характерна для интенсивно развивающихся социальных систем, которые переходят от одного целостного структурного состояния к другому, более высокому уровню развития и, в итоге, прогрессируют.

Изучение различных концепций целостности, основанных на открытости и однородности, позволило установить, что глобализация представлена инструментом интеграции различных обществ, культур и рынков в единое унифицированное пространство, а практика постмодерна – социокультурным периодом, основанным на дезинтеграции и хаосе, при котором формируются исключительно потребительские практики, утрачиваются и разрушаются механизмы единства и целостности общества. Напомним, что целостность выступает гарантом продуктивного развития не только общества, но и отдельной личности. Обоснована идея необходимости представления человеческого поведения как основного механизма преобразования реальности и реализации системы ценностей.

Установлено, что целостность как свойство, обеспечивающее устойчивое развитие и гармоничное существование, ложится в основу взаимосвязи изучаемых в исследовании объектов. Логика взаимодействия и выстраивания элементов социально-экономической действительности исходит из приоритета целостности личности как субъекта экономического поведения, с которой начинается формироваться необходимый ценностный

фундамент для реализации второго элемента, а именно экономического поведения как целостной системы действий, направленной на гармоничное взаимодействие рынка и общества, без ущерба внеэкономическим социальным подсистемам. Далее установленный баланс выступает основой для целостности общества, обладающей необходимым для развития потенциалом – гетерогенностью, так как в гармонизированной социальной системе целостная личность, обладая достаточной степенью свободы и индивидуальности, может генерировать разнородные формы взаимодействия и идеи, необходимые для устойчивого развития и прогресса общества.

Показана перспективность исследования эпистемологических оснований диалектики социального и индивидуального в экономическом поведении. Данный подход базируется на установлении роли методологии в анализе экономического поведения и его воздействия на общество. Ведущим объектом исследования эпистемологии представлено знание как таковое, его строение, структура, функционирование и развитие. Классическая гносеология представляла социально-экономическую реальность объективной и противопоставленной исследователю, из нее был исключен элемент субъективности. Неклассическая эпистемология поставила под сомнение универсальность научного постижения экономической реальности. Постмодернизм как форма научных воззрений изменил взгляды не только в отношении субъекта, но и его роли в научном познании. Современность демонстрирует обострение проблемы трансформации личности в усложняющейся социально-экономической реальности в направлении одномерности мышления и бытия.

Изучение форм экономического поведения российского общества в различные исторические периоды показало, что ускоренные темпы модернизации и значительные изменения в технологической и экономической сферах без подстройки под социокультурную специфику страны могут быть восприняты как чуждые и не эффективные. Трансляция либеральных ценностей и навязывание чуждой культуры способствуют

формированию «внутренне разрозненной» личности, оторванной от контекста культурно-исторического развития своего народа. Поэтому сегодня возникает необходимость изучения особенностей экономического поведения, которое способно выступить ориентиром в процессах адаптации рыночных и социальных инструментов.

Возможными вариантами корректировки обозначенных тенденций становятся генерирование духовной составляющей экономической жизни человека, переориентация экономических практик с потребительских на производящие, развитие индивидуальности как творческого начала. Именно индивидуальность может выделить личность в массовых процессах подражания, способствовать развитию критического мышления, переориентировать ее ценностные основы с экономической сферы на духовную и стать действенным механизмом преобразования и развития реальности.

Новое понимание целостности как открытости позволяет развивать неразработанные ранее возможности исследования. До недавнего времени целостность воспринималась как некоторый принцип однородности общества, отсюда перспективу устойчивого развития видели в унификации, закрытости как средстве против проникновения чужеродных элементов, нарушающих единство социальной системы.

Перспективный приоритет развития общества – развитие у людей творческого начала. Именно творчество создает основу для развития целостного общества, так как творчество – главное условие социальной жизнеспособности в изменяющихся социально-экономических условиях. Интерсубъективность в этом ключе предстаёт эффективным и перспективным рычагом для реализации взаимодействия социального и индивидуального в экономическом поведении. Соучастие и объединение, развитие новых творческих форм преобразования социально-экономической реальности в инструментах социальной ответственности и социально-этического маркетинга открывает новые возможности для социального

объединения и прогресса. Именно такой подход позволяет преодолеть антагонизм социального и индивидуального в экономическом поведении. Индивидуальное проявляется в социальном через творческое предпринимательское начало, тогда как социальное реализуется в индивидуальном посредством социально-ответственного экономического поведения.

В современных условиях глобализации экономическое поведение преобладает над другими видами социального поведения, а его трансформация может быть источником дополнительных знаний о содержательных процессах поведения личности, об алгоритме раскрытия человеческого потенциала как источника целостности и открытости социальных систем.

Современное общество, в котором преобладание экономического во всех сферах жизни стало неизбежным, может сохранить достижения человечества перед лицом глобальных, в том числе, экологических угроз только при условии наполнения экономического поведения духовным содержанием. Все это может позволить человеку развиваться в целостную личность, ориентированную как на личные, так и на общественные интересы.

Гуманистический подход к целостности общества становится наиболее оптимальным конструктом в практической экономической деятельности людей, вектором развития и реализации творческого потенциала и индивидуальности личности. Центральной идеей данного подхода и сутью целостности выступает осознание социальной гетерогенности как ресурса продуктивного социально-экономического развития.

Список использованной литературы

1. Авдей О.В. Экономическая культура как фактор экономической социализации // Социальные факторы инновационного развития экономики. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2011. – 116 с.
2. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. – СПб.: Экономическая школа, 1998. – 229 с.
3. Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории: (Очерк истории западной экономической жизни) / Рос. АН, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Наука, 1993. – 174 с.
4. Ананьин О.И. Онтологические предпосылки экономических теорий. – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 50 с.
5. Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. – М.: Наука, 1978. – 395 с.
6. Аристотель. Метафизика. – М.: Эксмо, 2015. – 442 с.
7. Аристотель. Политика / пер. с древнегреческого С.М. Роговина. – М.: РИПОЛ классик, 2010. – 592 с.
8. Арнольд В.И. Теория катастроф. – М.: Леонард, 2016. – 134 с.
9. Архипова Т.А. Экономическое поведение в российском трансформирующемся обществе: сущность, черты, направления формирования: дис... на соискание ученой степени кандидата экономических наук: 08.00.01. – Ростов-на-Дону: 2001. – 160 с.
10. Афанасьев В.Г. Проблема целостности в философии и биологии. – М.: Мысль, 1964. – 416 с.
11. Бабаев Д.Б. Об особенностях трактовки содержания термина «виртуальная экономика» // Экономические науки. Приложение к журналу «Современные наукоемкие технологии». – № 4. – 2009. – С. 13-18.
12. Балацкий Е.В. Эффект Пикетти: комментарий к новой концепции // Пространство экономики. – 2017. – № 2. – С. 40-56.
13. Батыгин Г.С. Структурный функционализм Толкотта Парсонса // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2003. – № 4-5. – С. 6-34.
14. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. Коробочкина М.Л. – М.: Весь Мир, 2004. – 185 с.
15. Бауман З. Индивидуализированное общество: перевод с английского. – М.: 2002. – 390 с.
16. Беккер Гэри С. Человеческое поведение: экономический подход. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 336 с.
17. Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. – Москва : Феникс; ХДС- Пресс, 1991. – 92 с.
18. Бердяев Н.А. Человек и машина. (Проблема социологии и метафизики техники) // Путь. – 1933. Май. – № 38. – С. 3-38.
19. Берталанти Л. Общая теория систем – Критический обзор // Исследования по общей теории систем: сборник переводов / Об. ред. и

- вступ. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969. – С. 23-82.
20. Бир С. Кибернетика и менеджмент. – М.: КомКнига, 2011. – 280 с.
 21. Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 450 с.
 22. Блауберг И.В. Часть и целое: Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
 23. Блауберг И.В., Юдин Б.Г. Понятие целостности и её роль в научном познании. – М.: Знание, 1972. – 48 с.
 24. Блауг М. Неоклассическая теория денег, процента и цен // Экономическая мысль в ретроспективе – Economic Theory in Retrospect. – М.: Дело, 1994. – С. 586-606.
 25. Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 480 с.
 26. Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой философии: в 4 т. – М.: 1970. – Т. 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. – С. 141-147.
 27. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. – М.: Республика: Культурная революция, 2006. – 269 с.
 28. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла: перевод с французского. – М.: 2012. – 257 с.
 29. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
 30. Бойков В.Э. Человек и рынок. – М.: Луч, 1993. – 55 с.
 31. Бондаренко О.В. Ценностно-аксиологические факторы выбора моделей экономического поведения // Вестник ЮРГТУ (НИИ). – 2008. – № 1. – С. 41-44.
 32. Борознова А.М. Типы «деловых людей» в романе Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 4 (35) Ч. 2. – С. 82-84.
 33. Боулдинг К.Э. Экономическая наука и социальные системы // Панорама экономической мысли конца XX столетия: в 2 т. – СПб.: Экономическая школа, 2002. – Т. 2 – С. 907-927.
 34. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Весь Мир, 2006. – С. 245–292.
 35. Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии. Т. 1: От марксизма к идеализму: – М.: Наука, 1997. – 333 с.
 36. Булгаков С.Н. Философия имени. – М.: Наука, 2008. – 448 с.
 37. Булгаков С.Н. Философия хозяйства / отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 464 с.
 38. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. – М.: Изограф, 2000. – 448 с.

39. Васильев В.В. Методология Юма и его наука о человеческой природе // Историко-философский ежегодник (2012). – М.: Наука, 2013. – С. 62-115.
40. Василюк Н.И. Социально-аксиологическая мотивация экономического поведения россиян: автореф. дис... на соискание ученой степени кандидата социологических наук: 22.00.03. – Новочеркасск: 2005. – 24 с.
41. Вебер М. Избранное. Образ общества: пер. с немецкого. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
42. Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем.: М.И. Левина, П.П. Гайденко, А.Ф. Филиппов. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: РОССПЭН, 2006. – 648 с.
43. Веблен Т.Б. Теория праздного класса / пер. С. Сорокина. – М.: Либроком, 2011. – 368 с.
44. Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. – М.: Сов. Россия, 1989. – 704 с.
45. Верховин В.И. Экономическое поведение как предмет социологического анализа // Социс. – 1994. – № 10. – С. 120-125.
46. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / изд. 2-е. – М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.
47. Вольтер. Статьи и материалы / под ред. М.П. Алексеева. – Ленинград: Издательство ЛГУ, 1947. – 224 с.
48. Выготский Л.С. Психология искусства. – Минск: Современное слово, 1998. – 480 с.
49. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 224 с.
50. Вышеславцев Б.П. Образ Божий в существе человека // Русская религиозная антропология. Антология. – М.: 1997. – Т. 2. – С. 380-400.
51. Гвишиани Д.М., Садовский В.Н. Системные исследования. Методологические проблемы. – М.: URSS, 1997. – Вып. 25. – 392 с.
52. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – М.: Мысль, 1970-1972. – Т. 1. – 501 с.
53. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Философия истории / пер. с нем.: Густава Шпета, Алексея Водена. – Москва: Эксмо, 2007. – 876 с.
54. Гельвеций К. Сочинения в 2 томах. – М.: Мысль, 1973-74. – Т. 1. – 647 с.; Т. 2 – 687 с.
55. Гераклит. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. / пер. А.В. Лебедева. – М.: Наука, 1989. – № 22. – С. 176-257.
56. Гоббс Т. Левиафан. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.
57. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. – 304 с.
58. Голик Н.В. «Деконструкция» тоталитарного общества как основание психосоматических заболеваний // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2005. – № 4. – С. 10-21.
59. Гольбах П. Избранные произведения в 2 томах. – М.: Мысль, 1963. – Т. 1. – 715 с.; Т. 2 – 563 с.

60. Гореликов Л.А. Идея целостности в основаниях современной научной картины мира: социально-исторический подход: дисс... на соискание ученой степени доктора философских наук: 09.00.11, 09.00.01. – Великий Новгород: 2006. – 634 с.
61. Грамши А. Избранные сочинения в 3 томах. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1957. – Т. 1. Ордине Нуово (1919–1920). – 512 с.
62. Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли: перевод с английского. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 536 с.
63. Грибов. С.Н., Юрков С.Е. Индивидуализация типов личностей на основе информационного подхода // Известия ТулГУ. – Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 172-184.
64. Григорян Л.К. Соотношение ценностей и моделей экономического поведения: межконфессиональный анализ // Ценности культуры и модели экономического поведения: научная монография / Под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. – М.: Спутник+, 2011. – С. 166-184.
65. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. – М.: Прогресс, 1976. – 405 с.
66. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 704 с.
67. Дардо П., Лаваль К. Неолиберализм и капиталистическая субъективация // Логос. – №1(80). – 2011. – С. 103-117.
68. Декарт Р. Сочинения: Т. 1 / вступ. ст. В.В. Соколова; прим. М.А. Гарцева и В.В. Соколова. – М.: Мысль, 1989-1994. – 654 с.
69. Демиденко Э.С. Экотехнологический Апокалипсис, или «конец света» природного человека: доклад XIX Всемирному философскому конгрессу, секция «Экология и будущее жизни на Земле». – Брянск: Очаг, 1993. – 50 с.
70. Джевонс У. Политическая экономия: монография. – СПб.: Народная польза, 1905. – 121 с.
71. Джерелиевская И.К. Личностная детерминанта социального порядка: аксиологический аспект: автореф. дис. ...канд. филос. наук: 09.00.11. Социальная философия. – М.: 2009. – 38 с.
72. Дидро Д. Избранные философские произведения. – М.: Госполитиздат, 1941. – 282 с.
73. Дорожкин А.М, Доронин Д.Ю. Гносеологическая неопределённость в научной и мифологической рациональности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – №1(3). – С. 35-46.
74. Друкер П. Классические работы по менеджменту: избранные статьи из журнала Harvard Business Review / пер. с англ. И. Григорян, О. Медведь, С. Писарева. – 2-е изд. – М.: Юнайтед Пресс, 2010. – С. 17-18.
75. Дубянский А.Н. Современное состояние и перспективы капитализма (по мотивам книги Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке») // Христианское чтение. – 2015. – № 1. – С. 251-263.

76. Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Цивилизации границ. – М.: Академический проект, 2014. – 695 с.
77. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Наука, 1996. – 432 с.
78. Дятлов С.А., Марьяненко В.П., Селищева Т.А. Информационно-сетевая экономика: структура, динамика, регулирование: монография. – СПб.: Астерион, 2008. – 416 с.
79. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Методологические основы экономической синергетики (научный доклад). – М.: ИЭ РАН, 2007. – 64 с.
80. Елкина О.С. Сущность и особенности формирования экономического поведения // Вестник Омского университета. – 1999. – Вып. 3. – С. 120-124.
81. Ерофеев И.В. Постиндустриальное общество: становление новой социальной реальности в контексте отечественной модернизации: автореф. дисс... на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Саранск: 2008. – 22 с.
82. Жданов Д.А. «Человек экономический» – взгляды и подходы // Журнал экономической теории. – 2014. – № 3. – С. 106-114.
83. Жижко Е.В. Россия и рынок: православная этика и дух капитализма. – Красноярск: 1995. – 82 с.
84. Зиммель Г. Избранное. – М.: Юристъ, 1996. – Т. 2. Созерцание жизни. – 608 с.
85. Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духов. развития современ. экон. человека: пер. с нем. / Изд. подгот. Ю. Н. Давыдов, В. В. Сапов; Рос. АН, Ин-т социол. – М.: Наука, 1994. – 442 с.
86. Ибн-Хальдун. Введение (ал-Мукаддима) / Составление, перевод с арабского и примечания А.В. Смирнова // Историко-философский ежегодник (2007). – Москва: 2008. – 530 с.
87. Иванов А.В. Проблемы семейно-крестьянского хозяйства и кооперации в экономическом наследии А.В. Чаянова // Вестник КрасГАУ. – 2007. – № 2. – С. 292-297.
88. Измеров А.И. Влияние модернизации на экономическое поведение россиян / Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – №2. – 2014. – С. 105-108.
89. Ильин В.В. Новый миллениум для России: Путь в будущее. – М.: МГУ, 2001 – 223 с.
90. Ильиных В.С. Концепция диалектики в философии А.Ф. Лосева // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 7. – С. 21-23.
91. Иноземцев В. Зигмунт Бауман и его «Индивидуализированное общество» // Высшее образование в России. – 2004. – № 1. – С. 142-145.
92. Ирхин Ю.В. Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ // Полития. – 2006. – № 4. – С. 136-160.

93. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / *Anthropologie in pragmatischer Hinsicht* / пер. с нем. Н.М. Соколов. – Изд. 4-е. – М.: URSS: Ленанд, 2017. – 194 с.
94. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. – М.: Эксмо, 2007. – 734 с.
95. Капица С.П. Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле: очерк теории роста человечества. – М.: Изд-во Ин-та физ. проблем, 1999. – 136 с.
96. Карадже Т.В. Методология исследования политического: основные подходы и направления: коллективная монография / под редакцией Т.В. Карадже. – Москва: Прометей, 2013. – 194 с.
97. Касавин Т.И. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон +; Реабилитация, 2009. – 1248 с.
98. Касимов Р.Х. Локальные цивилизации в горизонте языка: метафора и интенциональность: дис. ... доктора философских наук: 24.00.01 / Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень: 2019. – 378 с.
99. Катречко С.Л. Рефлексивный подход к исследованию феномена целостности // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты (философия). – М.: Фонд Сороса, 1996. – 259 с.
100. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Гелиос АРВ, 2012. – 204 с.
101. Кизима В.В. Постнеклассические практики: рефлексивность и управление // Вопросы философии. – 2010. – №3. – С. 54-65.
102. Кирдина С.Г. К переосмыслению принципа методологического индивидуализма. – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 54 с.
103. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. – М.: Мысль, 1987. – Ч. 1 Курс русской истории. – 432 с.
104. Князева Е.Н. Атомизм и холизм в современной теории сложности // Философия и культура. – 2013. – № 6 (66). – С. 736-737.
105. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики: Синергетическое мировидение. – изд. 3, доп. – М.: URSS, 2010. – №20. – 256 с.
106. Ковлакас Е.Ф. К вопросу «Гипотезы лингвистической относительности» Сепира-Уорфа // Культурная жизнь Юга России. – 2007. – № 6. – С. 77-79.
107. Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. яз. О. Назаровой; Под. общ. ред. Л. Г. Ионина. – М.: Идея-пресс: Дом интеллектуал. кн., 2000. – 208 с.
108. Козловски П. Этика капитализма: критика социобиологии / Пер. с нем. и ред. М. Н. Грецкого. - СПб.: Экон. шк., 1996. – 157 с.
109. Колпаков В.А. Социально-эпистемологические проблемы современного экономического знания. – М.: 2008. – 207 с.
110. Коммонс Дж. Институциональная экономика // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2007. – Т. 5. – № 4. – С. 59-70.

111. Конфуций. Уроки мудрости: перевод с древнекитайского / сост., вступ.ст. и ком. М.А. Блюменкранца. – М.: ЭКСМО-ПРЕСС; Харьков: ФОЛИО, 2000. – 957 с.
112. Коуз Р. Фирма, рынок и право: перевод с английского. – М.: Новое издательство, 2007. – 224 с.
113. Кошовец О.Б., Фролов И.Э., Чусов А.В. Онтологический анализ отношения теории и реальности в методологии экономической науки / Философия и общество. – №1-2 (76). – 2015. – С. 156-176.
114. Кравец А.С. Субъективная форма бытия ценностей // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2012. – № 2. – С. 71-82.
115. Кричевский А.В. Образ абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга. – М.: ИФ РАН, 2009. – 198 с.
116. Ксенофонт. Сократические сочинения: перевод с древнегреческого / вступ. ст. и прим. С. Соболевского. – М.: Мир книги; Литература, 2007. – 367 с.
117. Кутырев В. А. Человеческое и иное : борьба миров. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 295 с.
118. Левандина И. А. «Экономический человек»: концептуальные версии: социально-философский анализ: дисс... на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.11. – Ростов-на-Дону: 2008. – 173 с.
119. Левин К., Дембо Т., Фестингер Л., Сирс Р. Уровень притязаний // Субъект деятельности: Общая психология: сборник текстов. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. – Вып. 2. – С. 45-67.
120. Лейбниц Г.В. Начала природы и благодати, основанные на разуме : сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1982. – Т. 1. – 636 с.
121. Лекторский В.А. Эпистемология. Классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
122. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл; Академия, 2005. – 352 с.
123. Лисин А.И. Идеальное: Общая теория идеальности материи. – М.: Издательство Икар, 2012. – 808 с.
124. Лихачев М. Роль поведенческих моделей в онтологической структуре современной макроэкономики // Вопросы экономики. – 2013. – № 7. – С. 98-110.
125. Ложкина Н.В. Философско-антропологические основания экономического подхода к изучению поведения человека: дисс... на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.13. – Пермь: 2005. – 184 с.
126. Локк Дж. Избранные философские произведения: в 2 т. / вступ. ст. И.С. Нарского. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 734 с.
127. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. – М.: Республика, 1998. – 393 с.
128. Лосев А.Ф. Бытие-имя-космос. – М.: Мысль, 1993. – 958 с.
129. Лосев А.Ф. Философия имени. – М.: Издательство Олега Абышко, 2016. – 666 с.

130. Лосский Н.О. Мир как органическое целое / избр. – М.: Правда, 1991. – 624 с.
131. Лоусон Т. Современная «экономическая теория» в свете реализма // Вопросы экономики. – 2006. – №2. – С. 75-98.
132. Лукас Р.Э. Лекции по экономическому росту / пер. с англ. Д. Шестакова. – М.: изд. ин. Гайдара, 2013. – 288 с.
133. Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновский. – М.: Логос, 2004. – 232 с.
134. Луман Н. Что такое коммуникация? / пер. Д.В. Озирченко. // Социологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 114-125.
135. Лысенко В. Г. Происхождение атомизма: лингвистическая гипотеза // Шабдапракаша. Зографский сборник / под ред. Я.В. Василькова и С.В. Пахомова. – СПб.: МАЭ РАН, 2011. – Вып. 1. – 315 с.
136. Любченко В.С. Экономическое поведение: методология социологического исследования // Теория и практика общественного развития. – 2007. – № 2. – С. 60-64.
137. Лютер М. Избранные произведения / пер. и ком. К.С. Комарова, Ю.А. Голубкина, Ю.М. Кагана. – СПб.: Андреев и согласие, 1994. – 433 с.
138. Макиавелли Никколо (1469-1527). Государь. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. – 303 с.
139. Макин И.О. Компромисс как форма экономического поведения // Экономика и менеджмент. Социология. – 2010. – № 3. – С. 99-104.
140. Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали. – М.: Академич. проект, 2000. – 384 с.
141. Мальтус Т.Р. Опыт закона о народонаселении. – Петрозаводск: Петроком, 1993. – 139 с.
142. Мальцев А.А., Мальцева В.А. Возвращение мрачной науки? Размышления о книге Т. Пикетти «Капитал в XXI веке» и будущем мировой экономики // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2018. – Т. 13. – № 1. – С. 204-219.
143. Манделл Р. Теория оптимальных валютных зон: пер. с англ. // Евро – дитя Манделла? Теория оптимальных валютных зон: сборник статей. – М.: Дело, 2002. – С. 62-72.
144. Маркова Л.А. Социальная эпистемология, ее истоки и настоящее // Epistemology & Philosophy of Science. – 2014. – No. 2 (40). – Р. 59-73.
145. Маркс К. Капитал: критика политической экономии / Предисл. Ф. Энгельса. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. – М.: Политиздат, 1983. – 905 с.
146. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: изд 2-ое. – М.: Издательство политической литературы, 1974. – Т. 42. – С. 62-63, 81-82.
147. Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: REFL-book, 1994. – 368 с.
148. Маршалл А. Принципы экономической науки. – М.: Директ-медиа, 2012. – 2127 с.

149. Мелье Ж. Завещание. В 3 т. / пер. с франц. Ф.Д. Капелюша и Г.П. Полякова. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1954. – 444; 454; 473 с.
150. Мельник Л.Г. Фундаментальные основы развития. – Сумы: Университетская книга, 2003. – 287 с.
151. Менгер К. Основания политической экономии. Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2008. – 434 с.
152. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. – М.: Мир, 1973. – 344 с.
153. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / пер. с англ. А.В. Куряев. – Челябинск: Социум, 2012. – 875 с.
154. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. – М.: Прогресс-Традиция. МПСИ. Флинта, 2005. – 464 с.
155. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 438 с.
156. Милль Дж.С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии / пер. с англ.: В.Б. Бобров и др. – М.: Эксмо, 2007. – 1037 с.
157. Митчелл У.К. Экономические циклы. Проблема и ее постановка / пер. с англ. Е.Д. Кондратьевой, О.Е. Пряхиной и В.Э. Шпринка; вступ. ст. А.Г. Герценштейна. Проблема капиталистического цикла. – М.; Ленинград: Государственное издательство, 1930. – 503 с.
158. Монтескье Ш. Избранные произведения / общ. ред. и вступ. ст. проф. М.П. Баскина; прим. Р.С. Миндлинной; Акад. наук СССР. Ин-т философии. – М.: Госполитиздат, 1955. – 800 с.
159. Моторина Л.Е. Фундаментальная онтология Мартина Хайдеггера // Вестник ВятГУ. – 2007. – № 18. – С. 19-26.
160. Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей: историко-философские очерки и портреты / Изд. 2-е, доп. – М.: Канон+, 2010. – 487 с.
161. Нешатаев И.Г. Развитие понятия свободы личности в философии Гегеля // Вестник МГТУ. – 2000. – № 3. – С. 425-436.
162. Никитина Ю.А. Развитие высших форм адаптации социальных систем в условиях нестабильной внешней среды // Известия ТПУ. – 2007. – № 7. – С. 138-142.
163. Никифоров А.Л. Деятельность, поведение, творчество // Деятельность: теории, методологии, проблемы. – М.: 1990. – С. 61-63.
164. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. – М.: Мир, 1990. – 343 с.
165. Новиков В.С., Перова А.Е. Виртуализация финансовой сферы как тенденция и адаптация к современным экономическим условиям ведения бизнеса / Финансовая аналитика: проблемы и решения. – № 32. – 2012. – С. 48-53.

166. Новое в синергетике: Взгляд в третье тысячелетие / Информатика: неограниченные возможности и возможные ограничения / ред. Г.Г. Малинецкого, С.П. Курдюмова. – М.: Наука, 2002. – 480 с.
167. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; пред. и научн. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги Начала, 1997. – 180 с.
168. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. – М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. – 256 с.
169. Нуреев Г.Р. Предпосылки новой экономической парадигмы // Вопросы философии. – 1993. – Вып. 4. – С. 131-144.
170. Нуреев Р.М. Генезис капитализма: роль институтов, благоприятных для развития предпринимательства // Пространство экономики. – 2011. – Том 9. – №. 4. – С. 122-141.
171. Образование. Культура. Язык / Е.П. Савруцкая, Б.А. Жигалев, А.М. Дорожкин, С.В. Устинкин. – Нижний Новгород: НГЛУ; Санкт-Петербург: РХГА, 2014. – 230 с.
172. Озирченко Д. Некоторые понятия системной теории Никласа Лумана // Социологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 110-113.
173. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Избранные труды. – М.: Весь мир, 2000. – 704 с.
174. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали. – М.: Прогресс, 1987. – 528 с.
175. Парсонс Т. О социальных системах. – М.: Академический проект, 2002. – 539 с.
176. Пестель Э. За пределами роста // Глобал. пробл. современности и деятельность междунар. орг. Рим. клуб / пер. с англ. Е.В. Нетесовой; общ. ред. и вступ. ст. Д.М. Гвишиани. – М.: Прогресс, 1988. – 268 с.
177. Пестрецов А.Ф. Соборность – константа русского национального самосознания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2008. – № 1. – С. 176-182.
178. Петровський П.М. Цінність гуманітарної методології постмодернізму для демократичного врядування // Філософські дослідження: зб. наук. пр. – Луганськ, 2011. – Вип. 14. – С. 216-220.
179. Петросян Д.С. Интеграционная модель поведения человека // Общественные науки и современность. – 2008. – № 3. – С. 39-51.
180. Петти В. Трактат о налогах и сборах; Verbum sapienti – слово мудрым; Разное о деньгах. – М.: Ось-89, 1997. – 110 с.
181. Писарчик Л.Ю. Проблема специфики «Наук о духе» в методологии гуманитарного познания В. Дильтея // Вестник ОГУ. – 2012. – №1 (137). – С. 56-66.
182. Платон (ок. 427 – ок. 347 до н. э.). Государство. Законы. Политик. – Москва : Мысль, 1998. – 798 с.
183. Платонова С.И. Постмодернистские социальные теории: социально-философский анализ // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 5. – С. 43-46.

184. Поздняков А.А. Философские основания классической биологии: Механицизм в эволюционистике и систематике. – М.: URSS, 2015. – 298 с.
185. Полтерович В. Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // Вопросы экономики. – 2016. – № 11. – С. 5-23.
186. Поппер К. Кэмпбелл об эволюционной теории познания // Поппер К. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. – М.: 2000. – 464 с.
187. Поспелов И.Г. Равновесные модели экономики в период мирового финансового кризиса // Труды МФТИ. – 2009. – Т. 1. – № 4. – С. 66-83.
188. Прангишвили И.В. Системный подход и общесистемные закономерности. – М.: СИНТЕГ, 2000. – 528 с.
189. Пригожин И. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках. – Изд. 4, испр. – М.: URSS, 2016. – 304 с.
190. Пригожин И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / Илья Пригожин, Изабелла Стенгерс; Перевод с англ. Ю.А. Данилова; Общ. ред. и послесл. В.И. Аршинова и др. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
191. Пружинин Б.И. Наука и эпистемология в «цивилизации знания» // Эпистемология: перспективы развития / под общ. ред. В.А. Лекторского. – М.: Канон+, 2012. – С. 189-198.
192. Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. Социальная онтология. – М.: 1999. – 514 с.
193. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное (в 3-х томах). – М.: Госполитиздат, 1955. – 539 с.
194. Россолов П.Г. Экономическое поведение россиян: институциональные и этносоциальные детерминанты развития: дисс... на соискание ученой степени кандидата социологических наук: 22.00.04. – Ростов-на-Дону: 2004. – 169 с.
195. Рубанов А.В. Механизмы массового поведения. – Минск: 2000. – 147 с.
196. Рубинштейн А. Дилеммы экономиста-теоретика // Вопросы экономики. – 2008. – № 11. – С. 62-80.
197. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – СПб: Питер, 2012. – 287 с.
198. Русская философия собственности, XVIII-XX: сборник / Авт.-сост. К. Исупов, И. Савкин. – СПб.: Ганза, 1993. – 510 с.
199. Руссо Ж.-Ж. Pro et Contra // Идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752-1917). Антология / сост. А.А. Златопольская [и др.]. – СПб.: Издательство РХГА, 2005. – 798 с.
200. Рюстов А. Между капитализмом и коммунизмом // Концепция хозяйственного порядка. Учение ордолиберализма / общ. ред. К. Херрманна-Пиллата. – М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1997. – С. 62-114.
201. Савченко И.А. Интегральная идентичность и тестовый метод // Обучение, тестирование и оценка. – Нижний Новгород: Нижегородский

- государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. – С. 135-139.
202. Савченко И.А. Интегральные критерии классификации социокультурных отношений // Вестник Вятского государственного университета. – 2010. – Т. 2. – № 4. – С. 57-62.
 203. Савченко И.А. Коммунитарная идея и социокультурная практика // Современные исследования социальных проблем. Электронный научный журнал. – 2015. – № 5. – URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/5201310/pdf_133 (дата обращения: 12.06. 2017).
 204. Савченко И.А. Многоэтничное общество: в поисках маршрута интеграции. – М.: Инфра-М, 2011. – 189 с.
 205. Савченко И.А., Агеева Н.А. «Человек экономический», «Человек рыночный» и колебания буржуазной морали // Власть. – 2016. – № 5. – С. 103-106.
 206. Савченко И.А., Агеева Н.А., Родзиковская Т.А. Экономические знания и экономическое сознание // Власть. – №. 4. – 2018. – С. 84-89.
 207. Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии: (филос. основы мировоззрения): авт. курс: в 3 ч. – СПб: Изд. С.-Петербург. ун-та, 1999. – 269 с.
 208. Садовский В.Н. Некоторые принципиальные проблемы построения общей теории систем // Системные исследования: ежегодник, 1971 / под ред. И.В. Блауберга [и др.] – М.: Наука, 1972. – С. 35-54.
 209. Сайерт Р., Марч Дж. Поведенческая теория фирмы / 2-е изд. – Cambridge: Wiley-Blackwell, 1992. – 268 с.
 210. Саймон Г.А. Рациональность как процесс и продукт мышления / пер. с англ. К.Б. Козловой и М.А. Бланко // Thesis. – 1993. – Вып. 3. – С. 16-38.
 211. Самуэльсон П. Экономика. В 2 т. – М.: Алгон; Машиностроение, 1994. – 740 с.
 212. Святой Фома Аквинский. Сумма теологии / под ред. Н. Лобковица, А.В. Апполонова; пер. А.В. Апполонова. – М.: Издатель Савин С.А., 2006-2007. – Т. I-II. – 816; 654 с.
 213. Семеко Г.В., Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. / пер.с франц. Л.Е. Куббеля; вступ. ст. и реда. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1992. – Т. 3: время мира. – 679 с.
 214. Сетров М.И. Организация биосистем: Методологический очерк принципов организации живых систем / АН СССР. Ленинградская кафедра философии. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. – 275 с.
 215. Синай Я.Г. Введение в эргодическую теорию. – М.: 1996. – 132 с.
 216. Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности / В.И. Аршинов [и др.]. – Москва: Прогресс-Традиция, 2011. – 496 с.
 217. Системные исследования: ежегодник, 1971 / под ред. И.В. Блауберга и др. – М.: Наука, 1972. – С. 35-54.
 218. Слудковская М.А. Политическая экономия Антуана де Монкретьена (к 400-летию выпуска «Трактата по политической экономии») // Вестник

- Московского университета. Сер. 6. Экономика. – 2016. – № 2. – С. 107-118.
219. Смирнов С.Д. Активность, деятельность, личность // Мир психологии. – М.; Воронеж: Рос. академия образования., Моск. психолого-социальный ин-т, 2006. – № 3. – С. 11-23.
 220. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.
 221. Соборность как судьба России. А.С. Хомяков // Русские мыслители / С.Н. Астапов, Н.С. Капустин, О.Т. Кирсанова [и др.]; научн. ред. И.Н. Лосева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – С. 157-165.
 222. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 1. – 892 с.
 223. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания. – М.: Академический проект, 2011. – 383 с.
 224. Солоу Р.М. Лауреаты Нобелевской премии по экономике: автобиографии, лекции, комментарии. – СПб.: Наука, 2009. – Т. 2. – С. 107-124.
 225. Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм / Пер. с англ. – М.: Некоммер. фонд поддержки культуры, образования и новых информ. технологий, 2001. – 455 с.
 226. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма: Открытое общество в опасности / пер. с англ. С.К. Умрихиной, М.З. Штернгарца. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 260 с.
 227. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. – М.: Современный литератор, 1998. – 1408 с.
 228. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 5-17.
 229. Степин В.С. Синергетика и системный анализ // Синергетическая парадигма. Когнитивно- коммуникативные стратегии современного научного познания. – М.: 2004. – 559 с.
 230. Субетто А.И. Слово о русском народе и русском человеке. – СПб.: Астерион, 2013. – 264 с.
 231. Сэй Ж.Б. Трактат по политической экономии / вступ. ст. и коммент., сост. М.К. Бункина и А.М. Семенова. – М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации: Дело, 2000. – 229 с.
 232. Сэндел М.Дж. Справедливость. Как поступать правильно. – М: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 352 с.
 233. Тарасюк Л.С. Осмысление проблемы целостности через категории «часть» и «целое» // Грані: Науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах. – 2014. – № 7. – С. 16-20.
 234. Тейлор Ч. Пересечение целей: Спор между либералами и коммунитаристами // Современный либерализм. – М.: Прогресс-Традиция; Дом интеллектуал. кн., 1998. – С. 227-240.

235. Текст сборника Законов Хаммурапи в переводе / Пер. и комм. И.М. Волкова; под общ. ред. Б.А. Тураева. – М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1914. – 81 с.
236. Тоффлер Э. Третья волна; пер. с англ. К.Ю. Бурмистрова [и др.] – Москва, 2009. – 795 с.
237. Треушников И.А. Русская Духовность в межкультурной коммуникации сквозь призму философии всеединства // Соловьевские исследования. – 2010. – № 4 (28). – С. 48-57.
238. Уильямсон О.И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS.– 1993. – Т. 1. Вып. 3. – С. 39-49.
239. Успенский Б.А. Избранные труды: в 3 т. / 2-е изд., испр. и перераб. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Шк. «Языки рус. Культуры», 1996. – 605 с.
240. Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество. – Челябинск: Социум, 2007. – 202 с.
241. Фарман И.П. Социально-культурные проекты Юргена Хабермаса / РАН. Ин-т философии. – М.: 1999. – 243 с.
242. Философия экономики: антология / под ред. Дэниела Хаусмана; пер. с англ. Н. Автономовой и др. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. – С. 265-268.
243. Фихте И.Г. Сочинения: в 2 т. / сост. и прим. В. Волжского. – СПб.: Мифрил, 1993. – Т. 2. – 798 с.
244. Флоренский П.А. Имена. – М.: Азбука; Авалон, 2011. – 367 с.
245. Фокс Джеффри Дж. Как стать первоклассным руководителем: Правила привлечения и удержания лучших специалистов: пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2003 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 171 с.
246. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания: врождённые структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки / пер. с нем. А.В. Кезина. – Москва, 1998. – 165 с.
247. Франк С.Л. Духовные основы общества. – Москва, 1992. – 511 с.
248. Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать: наша позиция: пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2007. – 356 с.
249. Фромм Э. «Иметь» или «быть». – М.: АСТ, АСТ Москва, 2007. – 602 с.
250. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 40-52.
251. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В.В. Биbihина. – М.: Республика, 1993. – 445 с.
252. Хайек, Ф. Индивидуализм и экономический порядок / пер. с англ. О.А. Дмитриевой. – 2-е изд. – М.; Челябинск: Социум, 2020. – 424 с.
253. Хакен Г. Синергетика: в 2 ч. Часть 1: Принципы и основы: Неравновесные фазовые переходы и самоорганизация в физике, химии и биологии. Часть 2: Перспективы и Приложения: иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. – Изд. 2, доп. – М.: URSS, 2015. – 880 с. (Ч.1 – 448 с., Ч.2 – 432 с.).

254. Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. – М.: Финансовая Академия, 2008 – 466 с.
255. Харрод Р. Теория экономической динамики / пер. с англ. В.Е. Маневича; Российская акад. наук, Центральный экономико-мат. ин-т. – М.: ЦЭМИ РАН, 2008. – 209 с.
256. Харшаньи Дж., Зельтен Р. Общая теория выбора равновесия в играх / пер. с англ. Ю.М. Донца и др.; пред. Л.А. Петросяна. – СПб.: Экон. шк.: С.-Петербург. гос. ун-т. фак. менеджмента, 2001. – 405 с.
257. Хикс Дж. Стоимость и капитал. – М.: Прогресс, 1993. – 488 с.
258. Холопов А.В. Общая теория Дж.М. Кейнса: взгляд 80 лет спустя // Вестник МГИМО. – 2016. – № 3 (48). – С. 163-171.
259. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. М. Кузнецов. – М.–СПб.: Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.
260. Цехмистро И.З., Штанько В.И. Концепция целостности. – Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1987. – 222 с.
261. Честнов И.Л. Методология и методика юридического исследования: учеб. пособие / С.-Петербург. юрид. ин-т Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2004 (С.-Петербург. юрид. ин-т). – 128 с.
262. Шабунова А.А., Белехова Г.В. Экономическое поведение населения: теоретические аспекты: препринт. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 136 с.
263. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 176 с.
264. Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2 т.: пер. с нем. / сост., ред., вступ. ст. А.В. Гулыги. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1. – 637 с.
265. Шеннон К. Бандвагон // Работы по теории информации и кибернетике. – М.: Изд. иностр. лит., 1963. – С. 667-668.
266. Шеститко А.Е. Модели человека в экономической теории. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 142 с.
267. Ширко К.Н. Н.А. Бердяев о природе российской цивилизации: дисс... на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.09. – Томск: 2002. – 178 с.
268. Шлейермахер Ф. Герменевтика / пер. с нем. А.Л. Вольского; научн. ред. Н.О. Гучинской. – СПб.: Европейски Дом, 2004. – 242 с.
269. Шрейбер В.К. Уровневая онтология, вложенное пространство // Вестник ЧелГУ. – 2014. – № 25 (354). – С. 17-24.
270. Штомпка П. Социология социальных изменений: пер. с англ. / под ред. В.А. Ядова; Ин-т «Открытое общество». – М.: Аспект-пресс, 1996. – 414 с.
271. Щеглов Б.С., Чаленко М.В. Становление постнеклассической картины мира в контексте познания социума // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2011. – № 2. – С. 262-267.
272. Экономические взгляды Гегеля в иенский период // Вопросы философии. – 5 (1956). – С. 151-162.

273. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / пер. с англ. и ред. В.Л. Иноземцева. – Москва: Ладомир, 2004. – 342 с.
274. Эшби У.Р. Введение в кибернетику. – М.: URSS, 2017. – 430 с.
275. Югай Г.А. Диалектика части и целого. – Алма-Ата: Наука, 1965. – 171 с.
276. Юдин Б.Г. Некоторые особенности развития системных исследований // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1980. – М.: Наука, 1981. – 424 с.
277. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. – М.: Наука, 1978. – 391 с.
278. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая. О познании / пер. с англ. С.И. Церетели, вступит. ст. М.А. Абрамова, прим. И.С. Нарского. – М.: Канон, 1995. – 400 с.
279. Юрченко А.А. Человек как онтологическое основание экономической реальности: опыт философского анализа: дисс... на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.01. – Магнитогорск: 2006. – 151 с.
280. Ясин Е.Г. Исследование культурных ценностей – общее дело социальных наук // Психология. Журнал ВШЭ. – 2008. – № 2. – С. 25-36.
281. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – 527 с.
282. Abu Turab Rizvi S. Philip Mirowski as a Historian of Economic Thought // Steven G. Medema, Warren J. Samuels (eds.): *Historians of Economics and Economic Thought: The Construction of Disciplinary Memory*. – Routledge, London/New York: 2001. – P. 209-222.
283. Ariely D. *Predictably Irrational: The Hidden Forces That Shape Our Decisions*. – NY: HarperCollins, 2008. – 308 p.
284. Bauman Z. *Postmodernity and Its Discontents*. – Cambridge: 1997. – 232 p.
285. Boland L. A. Conventionalism and economic theory // *Philosophy of Science*, 1970. – P. 239-248.
286. Cartwright N. *Ceteris paribus laws and socio-economic machines* // *The Economic World View. Studies in the Ontology of Economics*. Cambridge University Press. 2001. – P. 175-293.
287. Dahrendorf R. *Homo Sociologicus*. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2010. – 157 p.
288. Fleming J.M. Domestic Financial Policies under Fixed Exchange Rates // *IMF Staff Papers*. – 9 (November 1962). – P. 369-379.
289. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. – Cambridge: Polity, 1990. – 186 p.
290. Heiner R. The origin of predictable behavior // *Amer. Econ. Rev.* – 1983. – № 4. – P. 560-593.
291. Hofstede G. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. Mc Graw Hill. – New York: 1997. – 576 p.
292. Kahneman D., Smith Vernon L. *l'economie est aussi une Science de l'homme* // *Problemes Econ.* – 2003. – № 2790. – P. 1-7.

293. Lucas R.E. Econometric policy evaluation: A critique / Studies in Business Cycle Theory. – Cambridge (Ma): MIR Press, 1981. – P. 104-130.
294. Lyotard J.-F. La Condition postmoderne: rapport sur le savoir. – Paris: Minuit, 1979. – 109 p.
295. Paldam M. Corruption and Religion Adding to the Economic Model / KYKLOS. – Vol. 54. – 2001. – Fask. 2/3/ – P. 383-414.
296. Piketty T. Le Capital au XXIe siècle. Éditions du Seuil. – Paris, 2013. – 976 p.
297. Shackle G.L.S. The Bounds of Unknowledge / J. Wiseman (ed), Beyond positive economics. – N.-Y.: St. Martin's Press, 1983.
298. Simon H.A. A Behavioral Model of Rational Choice // The Quarterly Journal of Economics. – Vol. 69. – Feb. 1955. – №1. – P. 99-118.
299. Simon Herbert A. Rationality as Process and as Product of Thought // The American Economic Review. – Vol. 68. – No. 2, Papers and Proceedings of the Ninetieth Annual Meeting of the American Economic Association (May? 1978) – P.1-16.
300. The Economic World View: Studies in the Ontology of Economics / Edited by U. Mäki. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 400 p.
301. Tversky A. Intransitivity of Preferances // Psychologica Review. – 1969. – Vol. 76. – P. 31-48.
302. Varela F. Quatre phares pour l'avenir des sciences cognitives // Théorie – Littérature – Enseignement. – 1999. – № 17. Dynamique et cognition: nouvelles approches. – P. 8-9.
303. Varela F.J., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience. – Cambridge (MA): The MIT Press. – 7th printing. – 1999. – 390 p.